

СТАЛИН: ПЕРВОИСТОЧНИКИ

Артем Сергеев

Екатерина Глушик

БЕСЕДЫ О СТАЛИНЕ

Артем Сергеев Екатерина Глушик

БЕСЕДЫ О СТАЛИНЕ

КРЫМСКИЙ МОСТ-9Д, ФОРУМ

Москва 2006

ББК 63.3 (2 РОС)

Г 55

Артем Федорович Сергеев родился 5 марта 1921 года в семье Сергеева Федора Андреевича (подпольное имя «Артем») и Сергеевой Елизаветы Львовны. После трагической гибели отца Артема воспитывал в своей семье его друг и соратник Иосиф Виссарионович Сталин.

Воспоминания А.Ф. Сергеева поистине бесценны: он обладает уникальной памятью и может восстановить практически с документальной точностью события любой давности, свидетелем которых был. В этой книге идет разговор о Сталине в кругу семьи: как воспитывали детей, как трудились, как принимали гостей.

Для широкого круга читателей.

На фотографии на 1-й стороне переплета слева направо: Светлана Сталина, И.В. Сталин, Ольга Климович — племянница жены С.М. Буденного, С.М. Буденный, Василий Сталин, Артем Сергеев. Сочи. Гос. дача № 9. Август 1934 г.

ISBN 5-89747-067-7

© Е. Глушик, 2006

Крымский мост-9Д, 2006

© Оформление — И. Горюнов, 2006

Как появилась эта книга

Предисловие

В настоящее время популярными стали мемуарные материалы: все вспоминают обо всех. Однако зачастую мемуаристы вспоминают и свидетельствуют о тех, кого никогда не видели, но... Но слышали от знакомой бабушки, которой рассказывала соседка поминаемого. Из этих мемуаров выясняется, что все не те, родились не там, не от тех родителей, как считалось ранее. А нынешние мемуаристы восстанавливают поруганную истину по истечении полувека со дня события или ухода в мир иной памятуемого. На основе таких «воспоминаний» пересматривается история.

И тем более ценны и важны свидетельства людей — очевидцев событий, влиявших на ход истории. Интересны воспоминания родных, близких, друзей выдающихся личностей.

Артему Федоровичу Сергееву, генерал-майору артиллерии, кавалеру ордена Жукова, ответственному секретарю Клуба Кавалеров ордена Жукова (за все время после учреждения ордена им был награжден 101 человек) и десяти боевых орденов, есть что вспомнить. И не только о войне, которая началась для него, 20-летнего лейтенанта, на четвертый день после нападения Германии на СССР и завершилась на третий день по окончании — 12 мая 1945 года. Но и о детстве, проходившем наряду с собственной и в семье Иосифа Виссарионовича Сталина, взявшего его опекать маленького Артема после ранней гибели его отца — легендарного революционера товарища Артема (Федора Андреевича Сергеева), соратника Ленина и Сталина. (Именем товарища Артема в СССР были названы десятки населенных пунктов, улиц, предприятий). Иосиф Виссарионович стал после гибели своего друга, товарища Артема, приемным отцом его сыну. Артем дружил с Василием Сталиным до самой его ссылки в Казань, называет жизнь друга трагедией и считает неслучайной безвременную смерть Василия в казанском изгнании.

По роду своей деятельности военачальника, по дружеским связям семьи (мама Артема Федоровича, Елизавета Львовна, была крупным руководителем — заместителем директора завода, директором текстильного комбината), Артем Федорович общался с виднейшими деятелями нашей страны: политическими, военными, культурными, медицинскими светилами. Его рассказы, устные и письменные (Артем Федорович — автор интереснейших рассказов), чрезвычайно познавательны. Слушать его можно часами. Он

сохранил отличную память, аналитичность, живость ума, исключительную человеческую порядочность. Как ни пытались многочисленные нынешние гробокопатели склонить его к критике и самого Сталина, и незабвенного друга детства и всей жизни Василия Сталина, Артем Федорович не поддавался на провокации, никогда не колебался, ни разу не дал сбить себя с толку и везде и всюду свидетельствует: они были честными, прекрасными людьми, большими патриотами Родины. Василий был преданным другом и верным товарищем. Конечно, всякий не без греха. Но то, что нынешние перекоройщики истории по лекалам соросов приписывают им, далеко от действительности.

А познакомилась я с Артемом Федоровичем, откликнувшись на просьбу журналиста Андрея Фефелова сделать интервью для радио. Я позвонила Сергееву, и когда он узнал, кто меня к нему направил, с готовностью согласился. Мы встретились и долго беседовали. Материал получился интересный, он вышел в эфир. Было решено опубликовать его в газете «Завтра». Публикация понравилась Артему Федоровичу, поскольку газета подала материал по возможности дословно, не купировала текст, не позволяла домысливать за собеседника.

Артем Федорович, у которого накоплена масса материалов, сохранились бесценные воспоминания, выразил желание сотрудничать и впредь. Нужно было решить, в какой форме сотрудничество продолжится. Выходила масса книг и статей о Сталине: и воспоминания, в том числе никогда не знавших его людей, и архивные материалы, и объективные исследования о деятельности Иосифа Виссарионовича и той эпохе.

Главный редактор газеты «Завтра» Александр Андреевич Проханов предложил уйти от привычных воспоминаний, от каких-то повсюду освещаемых фундаментальных тем, а готовить материалы под условным названием «Сталин в кругу семьи», делая акцент на детали, не берущиеся во внимание историками. Впрочем, они и знать не могут этих деталей. А может знать человек, живший в семье и видевший ситуацию изнутри. «Пусть эти материалы будут наполнены запахами дома, звуками, ощущением присутствия людей, о которых идет речь», — говорил Проханов и предупреждал, что это будет нелегкая работа. Ведь необходимо и разговорить человека, и давать материалы столь деликатно, чтобы не было обнажения интимных, скрытых сторон человеческой жизни. При всем этом интервьюеру нужно совершенно уходить от субъективности, сводить свое присутствие к минимуму.

«Поговори с ним, например, о дачах Сталина, о царившей на них атмосфере: как он там работал, как собирались за столом, может, звуки какие-то

доносились, ароматы из сада, с кухни. Начни беседы с описания дач», — вновь подает идею Проханов.

Артем Федорович соглашается побеседовать об этом, оговариваясь, что ничего особенного там не происходило, рассказать как будто нечего. «А нам ничего особенного не нужно. Будем говорить об обыденных вещах».

Следует приглашение приехать к нему на дачу в Жуковку. Добираюсь на электричке. На платформе меня встречает жена Сергеева, Елена Юрьевна. Помимо того, что это настоящий ангел-хранитель Артема Федоровича, она еще и удивительно красивая интеллигентная женщина, гостеприимнейшая хозяйка. Она ведет меня по элитному дачному поселку — Барвихе — Жуковке — и комментирует: вот эту аллею лип, ведущую к обелиску жителей деревни Жуковка, погибших во время Великой Отечественной войны, посадил Артем Федорович вместе с солдатами подмосковной воинской части, которой командовал. Идем по березовой аллее. Тоже все деревья посадил Артем Федорович собственноручно. Противоположная вереница березок выглядывает из-за огромного каменного забора: деревья оказались на территории, скупленной новыми поселенцами. «Здесь у нас уже не дача, а каменные джунгли», — комментирует Елена Юрьевна, которая помнит поселок как деревеньку с деревенскими жителями, лесами вокруг, ныне большей частью вырубленными ради замков за 5-метровыми заборами, лужаек, бассейнов, площадок для гольфа. По поселку практически не пройдешь — все перегорожено, к речке ближние доступы перекрыты, надо идти в обход. Показывает на скромненький деревянный домик, обитый вагонкой, покрашенный в голубой цвет. «Это была самая шикарная госдача советского периода. Одно время здесь жила Светлана Аллилуева, еще до отъезда, но затем отказалась от нее. Поскольку дача большая, места много, сюда постоянно приезжали гости и родственники. Надо было всех кормить, и эти траты были ей не под силу». Самая шикарная дача в сравнении с нынешними новостроями выглядит собачьей будкой. Даже домики для охраны у нынешних нуворишей солиднее, чем дача первых лиц государства, выигравшего войну, первым вышедшего в космос, строившего Днепрогэс, Магнитку, «Уралмаш», «Ростсельмаш». Именно потому и возводились эти объекты, что советские руководители отдавали им предпочтение. А нынешние правители все силы и средства страны направляют не на строительство заводов для рабочих, а вилл для себя.

Что ж, привилегии были еще те! Правильно с ними нещадно боролись нынешние владельцы дворцов. Уверена: скоро снесут эти дачи не только для того, чтобы освободить место для хозяев нынешней России и их замков, но и

чтобы уничтожить яркие свидетельства образа жизни той, советской «элиты». А потом, уничтожив свидетельства, будут «вспоминать», что дачи советских привилегированных были из чистого золота с сорока бассейнами и пятьюдесятью площадками для гольфа каждая.

Идем вдоль скромного потемневшего дощатого забора, открываем калитку. По дорожке вдоль кустов цветущих благоухающих роз спешит Артем Федорович. Радужно приветствует. К домику дорожка пролегает по райскому саду: липы, яблони, пихта, сосна, жасмин, цветы и кустарники — все посадил он сам. Прежде чем повести в дом, он, поднимаясь по деревянному крылечку, предупреждает кого-то: «Миша, люди. Люди, Миша». Ожидаю увидеть пока не известного мне Мишу. Никто не выходит навстречу. Артем Федорович поясняет: «Это наша собака. Когда говоришь: "Миша, люди, у нас люди", — он уходит в другую половину дома и сидит там, пока не скажешь: "Миша, люди ушли". Тогда выходит». Располагаемся на деревянной террасе, поначалу просто разговариваем: как дела в газете, как Александр Андреевич? Артем Федорович предлагает посмотреть фотографии. Поднимаемся на второй этаж, он раскладывает уникальные фото из семейного архива. Вот две фотографии, на которых Сталин с четой Ворошиловых, еще какими-то людьми. Артем Федорович вслух рассуждает, к какому году относятся фотографии. Я высказываю предположение, что они сделаны в один день, поскольку Сталин одет одинаково. «Да он всегда в одном и том же ходил», — сообщает Сергеев. Вот портативный патефон — подарок Сталина маленькому Артему. Есть и пластинки — тоже подарок Иосифа Виссарионовича. По ходу Артем Федорович рассказывает много интересного, останавливается на каких-то деталях, и рассказ хотелось бы записать. Диктофон у меня в сумке. Прошу разрешения пойти, взять диктофон, включить и начать работать. «Да это же я так, к слову», — пожимает плечами Сергеев, даже не понимая, что каждое такое слово представляет интерес. Спускаемся вниз, где нас ждет накрытый стол. Удивительное, ненавязчивое гостеприимство и радушие за столом. И тоже между репликами застольной беседы звучат какие-то темы, что было бы нужно записать. Спрашиваю разрешения включить диктофон. Получаю добро. Надо отметить, что незначительные на первый взгляд детали, какие-то интересные эпизоды были записаны не по ходу интервью, а вот так, за столом, на прогулке по саду. Потом, предварительно знакомясь с материалом, Артем Федорович удивлялся: «Не помню, когда мы об этом говорили». — «За обедом». — «Видите, как полезно обедать! Какие в итоге получаются материалы».

Артем Федорович — прекрасный собеседник, попросту находка для историка. И не только потому, что обладает уникальной памятью, не только потому, что с детства по совету своей матери, Елизаветы Львовны, вел дневники и фиксировал события, свидетелем которых был. Но и потому, что на все вопросы отвечает очень конкретно, предметно, не допускает домыслов. Например, спрашиваешь: «Как Вы думаете, Сталин...?» Он отвечает: «Я могу думать и предполагать всё, что угодно. Но сам не был свидетелем тому, Сталин мне этого не говорил и при мне этого не говорил». Если Артем Федорович запамятовал детали, оговаривается: «Я не точно помню, мне надо посмотреть свои записи».

Разговаривали, можно сказать, бессистемно. Всплывала та или иная тема, и мы вели беседу. Все они опубликованы в газете «Завтра». Некоторые темы пересекались, поэтому встречаются повторы, они оставлены, поскольку беседы автономны, они все — сами по себе, а не главы из книги.

Дети: Василий, Светлана, Яков, Артем

Е.Ф. Глушик: *Каковы Ваши первые воспоминания, связанные с И.В. Сталиным? Помните ли Вы первую встречу с ним?*

А.Ф. Сергеев: Говорить ни о первой, ни о второй встрече со Сталиным невозможно. С самого начала, как я себя помню осознанно, я помню и его, и к нему самое высокое уважение. Казалось, что это самый умный, самый справедливый, самый интересный и даже самый добрый, хотя в каких-то вопросах строгий, но добрый и ласковый человек.

Когда у него было время, он занимался с детьми: если он приходил с работы и дети еще не спали или он приходил среди дня, то обязательно хотя бы несколько минут занимался с нами. И каждая встреча с ним чему-то учила, давала что-то новое, что-то разъясняла. Было это все неназойливо. Не так, что ты обязан это знать, нет. Он умел вовлечь в разговор и в этом разговоре не допускал, чтобы ребенок чувствовал себя несмышленышем. Он задавал взрослые вопросы и спрашивал: «Что ты думаешь по этому поводу?» На какие-то вопросы можно было ответить, а на какие-то — нет. И тогда он очень просто, доступно, ненавязчиво, не по-менторски вел разговор и давал понять суть.

Один разговор, относящийся к 1929 году, я помню. Сталин меня спросил: «Что ты думаешь о кризисе в Америке?» Что-то мы слышали: буржуи, мол, выбрасывают кофе с пароходов в море. «А почему так делается?» — спрашивает Сталин. Ну, а я в том смысле говорю, что они такие нехорошие,

лучше бы нам, нашим рабочим и крестьянам, отдали, если им не нужно, если у них так много.

«Нет, — говорит он, — на то и буржуи, что они нам не дадут. Почему они выбрасывают? Потому что заботятся о себе, как бы больше заработать. Они выбрасывают, потому что остаются излишки, их люди не могут купить. Если же снизить цену, у буржуа будет убыток, а ему не хочется, чтобы у него был убыток. Чтобы держать высокую цену, он выбрасывает. Капиталист всегда будет так делать, потому что его главная забота — чтобы было больше денег. Наша главная забота — чтобы людям было хорошо, чтобы им лучше жилось, потому ты и говоришь: лучше бы нам дали, потому что ты думаешь, что у них забота, как и у нас — как сделать лучше людям».

Или ещё. После того как мы посмотрели с Василием¹ пьесу «Дни Турбиных», Сталин нас спрашивает: «Что вы там видели?». (Это было в 1935 году, во МХАТе. Кстати, Сталин частенько посылал нас с Василием в театр.) Я сказал, что не понял: там война, но красных нет, одни белые, но почему-то они воюют, а с кем — не знаю.

Сталин говорит: «А знаешь почему? Ведь красные и белые — это только самые крайности. А между красными и белыми большая полоса от почти красного до почти белого. Так вот, люди, которые там воюют, одни очень белые, другие чуть-чуть розоватые, но не красные. А сойтись друг с другом они не могут, потому и воюют. Никогда не думай, что можно разделить людей на чисто красных и чисто белых. Это только руководители, наиболее грамотные, сознательные люди. А масса идет за теми или другими, часто путается и идет не туда, куда нужно идти». Вот так Сталин объяснял нам с Василием некоторые вещи.

Е.Г.: *Как Вы думаете, чувствовали ли Светлана² и Василий свою избранность или значимость?*

А.С.: Светлана была очень скромной девочкой и старалась оградиться от своей элитарности, она этого не любила. Она имела свою компанию: очень дружила с Марфой Максимовной Пешковой, потом у нее была подруга Левина, школьные подруги были.

Василий был властолюбивым мальчиком, а материально абсолютно бескорыстным. Он мог все отдать, что у него было, даже если за это ему могло попасть. Всегда старался товарищам что-то подарить, если даже ему и самому эта вещь была нужна. «За други своя» он готов был «живот положить».

¹ Василий Иосифович Сталин (1921 — 1962), сын И.В. Сталина от второго брака (здесь и далее прим. ред.).

² Светлана Иосифовна Аллилуева (1926), дочь И.В. Сталина от второго брака.

Василий, будучи школьником, много дрался, но никогда не дрался с теми, кто был слабее его или меньше. Дрался со старшими после какого-нибудь спора или обиды, нанесенной слабому. Он был «слабозащитником». Ему часто доставалось, его колотили крепко. Он никогда не жаловался и, уверен, считал позором пожаловаться, что ему крепко досталось. Он был добрым мальчиком, в отношении товарищей у него была ласковость, с возрастом она прошла.

Е.Г.: *Вы были приемным сыном Сталина. Было ли это как-то оформлено?*

А.С.: Юридически это не оформлялось. Так сложилось. Мой отец и Сталин были большими друзьями и единомышленниками. Встретились они впервые в 1906 году на IV съезде партии. Отцу было тогда 23 года, он выступал на том съезде 19 раз. Сталин был на 4 года старше. Не виделись они до 1917 года. Отца в 1907 году арестовали, Сталина тоже арестовывали. Второй раз они встретились на VI съезде в июле 1917 года и с тех пор постоянно общались: на пленумах, потом они вместе были в Царицыне, жили там в одном вагоне. Надежда Сергеевна³ поехала в Царицын уже женой Сталина.

Они были людьми разными, но это не мешало им ни в дружбе, ни в работе. Наоборот, они дополняли друг друга.

После гибели моего отца (24 июля 1921 года) было заседание Политбюро, где присутствовали все 5 его членов, в том числе В.И. Ленин. И 18-м пунктом повестки дня было «Об обеспечении семьи т. Артема». Сам документ я не видел, что там было, не знаю. Видел лишь документ от 27 июля 1921 года, где пунктом 18 было: «Слушали: «Об обеспечении семьи т. Артема. Исполнитель: Сталин». Далее был документ, датированный декабрем 1921 года, где стояло «Слушали об исполнении пункта 18 решения от 27 июля. Докладывал И. Сталин».

Однако дело было не только в поручении, но и в дружбе. Мать моя дружила с Надеждой Сергеевной. И мы даже родились с Василием в одном роддоме с разницей в 19 дней: я — 5 марта 1921 года, он — 24 марта.

Ну а дальше я себя помню у матери или в квартире Сталина в Кремле. Я хорошо помню кремлевскую квартиру Сталина. Мальчишкой я запросто ходил в Кремль, а потом уже у меня был пропуск. Моя мать часто болела, и тогда я жил в доме у Сталиных. А когда Сталин и Надежда Сергеевна куда-то уезжали, то Василий жил у нас в гостинице «Националь», где после переезда правительства из Петрограда в Москву временно поселилось руководство страны. У меня было духовое ружье, которое мне подарил Сталин за меткость:

³ Надежда Сергеевна Аллилуева (1901 — 1932), вторая жена И.В. Сталина.

я попал как-то несколько раз в папиросную коробку. Так мы с Василием, когда он жил у нас, стреляли из него, и у меня сохранился стул, который Василий, промахнувшись, прострелил в одну из наших стрельб.

Последний раз я лично общался со Сталиным перед войной. После войны я его видел только на праздниках, в компании других людей, например на его 70-летнем юбилее. Но обо мне он спрашивался у Василия, Светланы, других людей. По этому поводу даже случались у меня неприятности.

Приехал я учиться в артиллерийскую академию. Первый семестр сдаю на «отлично», несмотря на то, что на 8 лет был оторван от школы: служба красноармейцем, военное училище, война. Проходит какое-то время — не могу сдать зачет по математическому анализу. А без зачета не сдать экзамена. Никак не могу сдать! Обращаюсь к другим преподавателям, чтобы они проверили мои знания. Они говорят, что предмет я знаю. Два раза прорешал весь задачник по дифференциальным уравнениям, что само по себе всех удивляло. А зачет, тем не менее, сдать не могу. Пошли к академику Понтрягину, крупному математику. Тот задал мне несколько вопросов, дал порешать задачки, говорит: «Я Вам ставлю 5 с плюсом. 5 за то, как Вы решаете, а плюс за то, что задачник перерешали два раза».

Закончил я академию. Нелегко мне приходилось учиться, жали на меня, особенно на математической кафедре. Встретились мы много позже с моим товарищем, который часто встречался с профессором Тумариным, начальником кафедры математики у нас в академии. Так Тумарин сказал, что в свое время начальнику академии генералу Хохлову позвонил Сталин и велел быть со мной построже. И преподаватели восприняли это буквально.

Е.Г.: *Не ревновали ли Вас дети Сталина?*

А.С.: Нет, даже мысли не было. Василий, если и ревновал кого-то, то к власти. Он был человеком властолюбивым. Но и эта ревность была сиюминутной, до определенного момента. Отношения его со Светланой были нормальными. Но любви особой не было. Он переживал, что отец Светлану очень любил, ставил в пример. Любовь эта выражалась не словами, а отношением: жестами, интонацией. Сталин с дочкой был более ласков.

Е.Г.: *Как складывались отношения детей с Яковом⁴?*

⁴ Яков Иосифович Джугашвили (1907—1943), сын И.В. Сталина от первого брака.

А.С.: Василий любил Якова. Тот был обаятельный человек. Но Яков больше любил Васю, чем тот его. Яша, может, как старший, очень любил Васю и Светлану. Светлана тоже очень любила Яшу.

Яша приехал из Грузии в Москву в 1921 году в возрасте 14 лет. Образование у него было слабенькое, русский язык знал плохо, поначалу он жил в доме у Сталина. Комнаты отдельной там у него не было, поскольку квартира была небольшой. Шел коридор зигзагом: здесь окно, здесь окно, здесь дверь, здесь стоял диван черный с высокой спинкой, он был отгорожен простыней в качестве занавески. Это был Яшин диван — его место. Здесь стоял стол, за которым он занимался. Эта же комната в какой-то мере служила столовой. Но обычно ели по комнатам. Общего обеда, как правило, не было, если не специальное застолье. Обычно разносили тарелки, ставили, когда ты все съедал, уносили.

Яша, пришло время, влюбился, дело там что-то не пошло, влюбленные решили стреляться. Яша стрельнул, а она не стреляла. У Яши было ранение. Говорят, что Сталин смеялся, мол, даже застрелиться не мог. Но кому он это сказал? Кому? Где это зафиксировано? Или, как и многое другое, придумано трепачами нынешними?

После этого Яша перешел жить в общежитие. Потом поехал в Ленинград, где жил Сергей Яковлевич Аллилуев⁵, там сколько-то пробыл. Затем вернулся. Очень часто к отцу домой приходил. Он учился в Институте инженеров путей сообщения. У Василия комнатка была, Яша обычно приходил и сидел на стуле в комнатке Василия, дожидался отца, если мог дождаться.

Е.Г.: *Гордился ли Сталин детьми?*

А.С.: Сталин ставил в пример Василию Светлану и, что тот особенно не любил, — меня.

Е.Г.: *Поздравлял ли Сталин Вас с праздниками, дарил ли подарки?*

А.С.: Нет, подарки как таковые не дарил. Он говорил обычно: «Вот это тебе будет нужно, возьми». Дарил книги. На 7 лет подарил «Робинзона Крузо» Д.Дефо, на 8 лет — «Маугли» Киплинга, на 9 лет — чернильный прибор, на 12 — патефон с пластинками.

Е.Г.: *А сам Сталин какую музыку любил?*

⁵ Сергей Яковлевич Аллилуев (1866— 1945), отец Н.С. Аллилуевой, второй жены И.В. Сталина.

А.С.: «На сопках Маньчжурии», «Варяг», «Прощание славянки», Лещенко у него лежал, но я не видел, что он его слушал. А вот Вертинского слушал под настроение; были у него пластинки «Немецкие марши»; Вагнера слушал, вальс «Блюменбеданкен» («Благодарность цветов»); оперетту «Граф Люксембург» слушал. Любил ансамбли. Александрова очень ценил и хвалил Ворошилова, что тот убедил в свое время Александрова руководить ансамблем, а тот говорил, что лучше бы церковным хором руководил, потому что в армии не служил. Я присутствовал при разговоре, когда Ворошилов рассказывал, что настаивал, чтобы Александров руководил солдатской самодеятельностью. Это уже когда был образован ансамбль. Александров говорит: «Как хорошо, что Вы оказались таким настойчивым, и как хорошо, что я был недостаточно стойким», а Ворошилов: «Как хорошо, что Вы оказались сговорчивым».

Когда у Сталина было настроение неважное, тяжело ему было, он ставил пластинку с песней «На сопках Маньчжурии» со старыми словами:

Белеют кресты далеких героев прекрасных,
И прошлого тени кружатся вокруг,
Твердят нам о жертвах напрасных.

Сталин несколько раз прослушивал, переставлял пластинку на словах «Но верьте, еще мы за вас отомстим и справим кровавую тризну». Он поражение в русско-японской войне очень переживал из-за того, что Россия потеряла русские владения, серьезные форпосты на Дальнем Востоке. И вот именно эти слова он, переставляя иголку, слушал несколько раз. Когда мы заходили в комнату, он сидел с опущенной головой, видно, что ему было нелегко, видимо, тяжелые мысли приходили, и он слушал, ставя эту песню вновь и вновь.

Обе песни о «Варяге» любил. Когда слушал слова:

Миру всему передайте, чайки, печальную весть:
В битве врагу не сдались, пали за русскую честь.

нам с Василием говорил: «Вот так-то, ребята».

Е.Г.: *Много ли читал Сталин? Какие книги составляли его библиотеку?*

А.С.: Читал Сталин очень много. И всегда, когда мы виделись с ним, спрашивал, что я сейчас читаю и что думаю о прочитанном. У входа в его кабинет, я помню, прямо на полу лежала горка книг. Он смотрел книги, складывал некоторые в сторону — они шли в его библиотеку. Библиотека его хранилась в Кремле. Что с ней сейчас — не знаю.

В книгах делал пометки, читал почти всегда с карандашом в руках. Преобладали философские труды, наши классики. Любил он Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Лескова. Был в библиотеке Есенин, Маяковский, Пастернак, Булгаков. Его Сталин очень ценил и говорил: «Этот писатель смело показал, что герои были не только на стороне Красной Армии. Герои — это те, кто любит свою Родину больше жизни. А такие, к сожалению, воевали не только на нашей стороне». Вообще изучению русского языка и литературы Сталин уделял особое внимание. Говорил нам, зная о нашем выборе: «Вы будете военными. А какой предмет для военного самый главный?» Мы наперебой отвечали: математика, физика, физкультура. Он нам: «Нет. Русский язык и литература. Ты должен сказать так, чтобы тебя поняли. Надо сказать коротко, часто в чрезвычайных условиях боя. И сам ты должен понять сказанное тебе. Военному выражаться надо ясно и на письме, и устно. Во время войны будет много ситуаций, с которыми в жизни ты не сталкивался. Тебе надо принять решение. А если ты много читал, у тебя в памяти уже будет подсказка, как себя вести и что делать. Литература тебе подскажет».

Е.Г.: Говорят о двойниках Сталина. Видели Вы их?

А.С.: Не только не видел, но и не слышал никогда. Это сейчас разговоры пошли. А тогда ни разу ни от кого не слышал. На трибуне Мавзолея в дни праздников много людей присутствовало, если бы была замена, разговоры бы просочились. Может быть, использовались в оперативных целях при проезде каком-нибудь, но я не слышал. Разговоры все равно бы были. Василий бы рассказал. С Николаем Сидоровичем Власиком⁶ мы часто виделись и много говорили на самые разные темы. Но ничего, повторяю, ничего ни от кого не слышал.

Е.Г.: Много разговоров о любовницах Сталина...

А.С.: Об этом от того, кто там — в доме, на дачах — бывал, я никогда ничего не слышал. Моя мать никогда об этом не слышала, и те, кому можно доверять, ничего об этом не говорили, такого разговора в доме не было вообще: ни при жизни Сталина, ни после.

Е.Г.: И женщин каких-то не бывало в доме?

А.С.: Я знаю, кто там был. Повариху знаю — это исключено. Домоправительница, которая была еще при Надежде Сергеевне, Каролина Васильевна Тиль — это исключено. Она работала до старости, в 1938 году

⁶ Николай Сидорович Власик (1896—1967), многие годы возглавлял охрану И.В. Сталина.

ушла на пенсию, очень скромно жила. Под конец жизни её Василий устроил — взял к себе. А няня у Светланы жила до конца жизни, будучи на пенсии. С 1938 года домоправительницей была Александра Николаевна Накашидзе. Светлана в книге «20 писем к другу» пишет, что это чуть ли не майор из госбезопасности. А как же иначе? Этим всем — обслугой, служащими — распоряжается 9-е главное управление, управление охраны. Смеются, что нянечка имела звание сержанта. А почему нет? Она служит, и, если она военная, имеет дополнительную ответственность. Вообще странно, что это в книге у Светланы написано, потому что она к ним, этим женщинам, работавшим в доме, прекрасно относилась. Потом Александра Николаевна вышла замуж, и домоправительницей стала Валечка Истомина. Это чудная деревенская женщина! Помню, когда Валечка начала работать в Горках-4, ей было 17 лет. Мотя (Матрена) Бутусова была там старшей подавальщицей (слова «официантка» тогда не было), а Валечка — вторая. А потом фактически стала домоправительницей. Говорят, когда Сталин умер, — она выла! Так, что!.. Выла в буквальном смысле! После моментально разогнали охрану и всех, кто там был.

Ну и Сталин ведь тоже человек. А Валечка была чудная женщина. Просто чудная: приятный, абсолютно простой человек, простая русская женщина без всяких там заскоков и выкрутасов. А чем плохо, если и была взаимная привязанность и симпатия? Кто от этого пострадал? К сожалению, я потом её не видел. Слышал, что не совсем удачно личная жизнь у нее сложилась... Но об этом — о сердечных симпатиях — в доме и семье никогда не говорилось ни слова. И кто сейчас такой все знающий? Откуда такие сведения?

Дача в Зубалово и «Ближняя»

О дачах Сталина много говорено. Людьми разными. Большинства из них на этих дачах не то что при Сталине, но и после даже вблизи не бывало, что им, однако, не мешает говорить о самих дачах и тех дачниках. Дача ныне — предмет культа: у всех дачи, все — на дачах. А какова была атмосфера того времени на правительственных дачах, в том числе на той, что была закреплена за Иосифом Виссарионовичем Сталиным? Как люди проводили там время? Отдыхали, работали, развлекались? Об этом наш разговор с Артемом Федоровичем.

А.С.: После гражданской войны, когда Москва стала столицей, и правительство расположилось в Москве, то оно получило и загородные рези-

денции. Сталин тоже получил дачу по Рублево-Успенскому шоссе, на 13—14 километре. Это была дача нефтепромышленника Зубалова, предприятия которого находились в Баку и тех районах. У него украли кого-то из детей, потребовали большой выкуп, и он решил построить здесь дачу и окружить ее высоким забором. Но далеко не таким, какие строят сейчас в пять метров, нет, — а метра, наверное, в полтора-два. А дальше штырьки металлические и все. Эту дачу получил Сталин.

В начале 30-х годов была построена «Ближняя дача» около Кунцево. Эта дача Сталина была фактически выносным пунктом управления. Там шла работа. По существу это был пульт управления государством, поэтому и охрана нужна была соответствующая. Надо учесть, что Сталин возглавил молодое государство, управление которым нужно было выстраивать заново. Работали не так, что вот пришли в кабинет — значит, работают. Сталин занимал пять должностей. И нарком обороны, и Верховный главнокомандующий, и Генеральный секретарь ЦК, и Председатель Совнаркома. Все концентрировалось, сосредотачивалось на нем. Если решались вопросы Ставки, то те, кто нужен, здесь находятся, если вопрос касается Совнаркома, то нужный нарком тоже сюда прибывает. Поэтому люди у него и на даче собирались: работа шла без перерывов на переезды, на перемену порядка дня. Все было на месте и под рукой.

На даче в Зубалово был комендант Михаил Иванович. И был Иван Матвеевич, который обслуживал эту дачу. Потом там появился еще рабочий из соседней деревни Андрей Сарычев.

Была там и повариха. Еду готовили очень простую, на всех, всем одинаково: принесли из кухни порционно, что принесли, то и ели. Не было никакого обжорства, чревоугодия, не помню, чтобы можно было заказывать и готовили бы по желанию. У Василия аппетит был весьма неважный. Единственное, без чего он не мог обходиться — лимоны. Видимо, потребность организма в них была. Он и йодом не пользовался, — соком лимона ранку заливал. Ему говорили: «Вася, это же больно». А он: «Я большой, а микроб — маленький. Ему там еще хуже, чем мне, он быстро сдохнет».

Дача представляла из себя двухэтажный дом. Кабинет Сталина был, как и всегда потом, на втором этаже. На первом комнаты располагались так: справа от входа была комната Светланы, потом столовая, затем еще одна комната и большая веранда.

Василий своей постоянной комнаты не имел и находился в одной из двух комнат на первом этаже.

Кроме того, была комната, где стояло механическое пианино, оставшееся здесь со старых времен. В то время это было Бог знает какое чудо. Вставлялись ролики с перфорированной лентой, и были две педали. Педаль нажимали, перфолента протягивалась, и звучала музыка. Этих роликов с разной музыкой было много, в том числе очень много классики.

На втором этаже — спальня и кабинет Сталина.

Кроме того, чуть поодаль, метрах в двадцати, был небольшой корпус, и там находились кухня, служебное помещение и гараж. Корпус соединялся с главным зданием коридором. В начале коридора около большого здания была небольшая комнатка, и мы считали, что это комнатка Власика.

В период с 1929 по 1930-й гг. начальником охраны Сталина был некто Юсис. А также там работал Михаил Иванович. Но в 1930 году они оба умерли. И тогда начальником охраны стал Николай Сидорович Власик. (Но все его звали Николай Сергеевич.) А комендантом Сергей Александрович Ефимов. А помощником у него вскоре стал Алексей Смирнов.

Приезжал Сталин на дачу обычно в воскресенье рано утром. Субботы были абсолютно рабочими днями. В субботу приезжал редко, потому что в городе они работали допоздна. На даче у Сталина всегда было хозяйство: утки, цесарки, куры, маленькая пасека, цветов было мало. А свободное место на земле засевалось продовольственными или фуражными культурами.

Сталин считал, что нужно там работать, чтобы земля не гуляла попусту. Сеткой был огорожен участок для уток и цесарок, прорыт и забетонирован небольшой бассейн. Жизнь на даче была весьма скромная и трудовая. Детей приобщали к труду: работать считалось в доме самым любимым и почетным делом. Светлана тогда была еще маленькая, а Василий всегда пытался что-то делать. И если ему что-то доверялось, разрешалось делать, то он работал буквально до изнеможения. Ему говорили: «Вася, хватит». Если бы его не останавливали, то он работал бы до тех пор, пока бы не упал. И не зря говорят «работа до упаду». Василий действительно работал до изнеможения. Нужно ли копать, нужно ли что-то перенести, подмести, снег сбросить — Василий всегда тут как тут, если он был на даче. Ему говорили: «Вася, довольно, надо отдохнуть». Он отвечал неизменно: «Я не устал».

На даче всегда были животные: собака, кошка. Собака там была лайка Веселый, которую подарил Сталину Папанин. Тот самый пес Веселый, что был на льдине с Папаниным. Вот он на даче и жил.

Дети очень любили бывать на даче, и сам Иосиф Виссарионович там постоянно бывал, пока не построили в Волынском. Все-таки Зубалово далековато. Дело в том, что это сейчас туда идет шоссейная дорога. А раньше

надо было доехать по Можайскому шоссе до Одинцово. В Одинцово нужно было свернуть на так называемое Зубаловское шоссе, которое сейчас называется Красногорское. Это шоссе было узенькое, в одну колею. Разъехаться две машины там не могли, одна должна была сходить на обочину. Кое-где мощена была дорога булыгой, асфальта тогда еще не было. Зимой туда порой нужно было добираться на автосанях (это машина, у которой сзади вместо колес цепи Галля. То есть это колесно-гусеничная машина. Обычный автомобиль, но сзади она цепная.).

Иногда даже и эта машина не проходила. Тогда доезжали, как могли, до Одинцово. А из Зубалово, там совхоз «Горки-2», приходила лошадка с саночками, и обычно лошадью управлял Иван Денисов, который был экспедитором. И когда было нужно, он вез Сталина. Сталин иногда очень любил вечером прокатиться в саночках. Тогда саночки подъезжали, он выходил, садился и где-нибудь с полчаса катался. А потом снова садился работать.

Какое было его отличительное качество? Казалось, что он всегда работает. Такого, чтобы он отдыхал специально, даже на даче, я не помню.

Кстати, о сыне этого Денисова, Ване, впоследствии позаботился Василий: он устроил его к себе в полк в младшем воинском звании. Тот с неба звезд не хватал, но был добросовестным работником. Все, кого брал и устраивал Василий, очень ответственно относились к делу, ни в коем случае чтобы не подвести Василия. И, как правило, оправдывали его доверие.

Е.Г.: Но дача предполагает отдых. Почему собиравшиеся у него для работы люди не на московской квартире собирались, а на даче?

А.С.: Гораздо более удобное помещение было на даче. Личные апартаменты Сталина были невелики, квартира была маленькой: из коридора дверь в комнату — это вроде столовая и малый зал заседания, налево спальня, направо маленький кабинет, дверь — и это уже зал заседания, где Совет министров заседал и все такое. Но места там мало, выйти если — только на асфальт. А на даче было просторнее. Можно делать большую открытую веранду и летом там собираться.

Е.Г.: А вообще Сталин любил гостей, компании?

А.С.: Компании всегда у него были деловые. За столом решались важные вопросы. Люди перекусят — и вновь за работу. Бесперывно у него люди были: одни закончили, уходят, другие приходят. Если говорить о нем — еще раз повторяю: он работал постоянно везде, всегда, на даче в том числе.

Е.Г.: *Довелось слышать, что Сталин боялся покидать Москву, не любил и боялся армию, во время войны, мол, на фронт ни разу не выезжал.*

А.С.: Не зря он сказал: «На мою могилу нанесут немало мусора». Вот этот мусор и несут неустанно. Во время войны я был на фронте, со Сталиным не виделся, да и он бы мне не стал докладывать, где был и что делал. А мой товарищ по академии Игорь Александрович Соколов, в то время старший лейтенант, а ныне полковник в отставке, был адъютантом маршала Воронова. Он рассказывал, как они приезжали на фронт. Их вызвали — немедленно прибыть. Они прибыли, а там их встречает Сталин. В штабе Западного фронта, в штабе Калининского фронта так было.

Е.Г.: *Это какие годы?*

А.С.: Это 1941, 1942, 1943, когда было особенно трудно и надо было разбираться на месте. Мне рассказывал генерал Иван Александрович Серов, он тогда был замнаркома внутренних дел, а позже председателем КГБ, как звонит Сталин ему и говорит, что надо завтра, к примеру, поехать в штаб Западного или Калининского фронта. Устраивать огромные кортежи Сталин вообще не любил, а в этом случае по причинам безопасности нельзя было привлекать к себе внимание. Серов готовит ему машину, а все машины, которые обычно обслуживают Сталина, стоят на своем месте в гараже, все выглядит так, будто он работает здесь, в Кремле. Сели в машину, которую никто не знает, — поехали на Западный фронт. Приехали туда, решили дела, потом он спрашивает, кто как работает. Ему все очень хвалят дальнюю авиацию Александра Евгеньевича Голованова: что ни скажешь — все задания выполняют безукоризненно. Поехали с Западного на Калининский фронт. Там тоже хвалят все Голованова. Дальняя головановская авиация всегда действует отлично.

Сталин звонит в Москву, связь ВЧ тогда безупречно работала. Маленков спрашивает: «Товарищ Сталин, Вы откуда звоните?» Сталин ему: «Это неважно. Подготовьте и опубликуйте в печати указ о присвоении генерал-полковнику Голованову звания маршала авиации». Звонит Сталин Голованову: «Товарищ Голованов, я Вас поздравляю». Тот: «А с чем? У меня не день рождения, праздника никакого нет». Сталин ему: «Газеты читайте».

Ну, поехали, надо ночевать. Служба охраны выбрала дом: не на краю деревни, неприметный — по требованиям безопасности. А хозяйка не пускает. Рядились-рядились — не пускает. Кое-как, с угрозами буквально — пробились к ней в дом.

Е.Г.: *Но сейчас только и слышишь, какое население тогда было запуганное, не смели слово поперек сказать властям. А тут идет война, группа военных, офицеров, просится на постой, а хозяйка не пускает, бранится.*

А.С.: Сейчас и не такое услышишь. Ну так вот. Переночевали. Сталин спрашивает: «Хозяйку поблагодарили?» Сопровождающие в недоумении, мол, чего ее благодарить, она нас гнала. Он говорит: «Если бы она знала, кто на постой определяется, она бы иначе себя вела. Благодарить обязательно нужно: мы же в ее доме ночевали».

Разговоры сейчас о том, что на фронт он не выезжал — это болтовня несведущих людей. Для него это была рабочая деловая поездка, и было бы глупо обставлять ее помпезно и широко оповещать. Ну и Сталин, безусловно, не заботился о доказательствах для нынешних мусорщиков, несущих сор на его могилу. Он делал дело, а не занимался саморекламой.

Дача в Волынском

А.С.: Первая дача Сталина была в Зубалово, второй считается госдача в Волынском, но была еще в Соколовке, куда иногда приезжал Иосиф Виссарионович и члены его семьи. Но она не была стационарной. Можно сравнить с гостиницей: можно туда приехать, если вдруг почему-то в Зубалово не ехали. Мы с Василием именно там, в Соколовке, были, когда случилась трагедия с Надеждой Сергеевной. Нам позвонили, велели прибыть в Москву. А Светлана так и осталась на даче с няней.

Трагедия с мамой Василия случилась уже во второй кремлевской квартире, в Потешном дворце. Первая кремлевская квартира семьи была по адресу Коммунистическая улица, 2. Сама вторая квартира из себя представляла совсем не дворцовые хоромы, хотя была уже поудобнее и просторнее первой.

Нам с Васей, помню, тогда очень хотелось после парада 7 ноября поехать за город, покататься на лыжах. Самое главное для нас в то время на даче было — на лыжах покататься. По-моему, Каролина Васильевна Тиль, помощница по дому, домоправительница, сказала Надежде Сергеевне накануне: «Ребята поспразднуют, поедут кататься на лыжах». А Надежда Сергеевна отвечает: «Я заканчиваю Академию, и скоро мы по-настоящему отпразднуем — устроим праздник по поводу ее окончания». Она училась в Промышленной Академии на факультете текстильной промышленности, специализировалась по искусственному волокну. Ее узкой специальностью были бы искусственный шелк, вискоза. Ну, мы уехали на дачу на лыжах кататься. По-моему, 9-го утром позвонили, чтобы мы срочно с Василием приехали в Москву. Вернулись в

Москву, я заехал домой. Только мы с мамой расположились для расспросов, обмена новостями — вдруг звонок. Мама взяла трубку, заохала, заахала: «Ой, Надя умерла». И мы туда пошли. У меня записано, как и что было на похоронах.

Надо сказать, что у Надежды Сергеевны были постоянные очень сильные, совершенно невыносимые головные боли. Она часто держалась за голову и вскрикивала: «Голова, голова». Она нередко ездила в Германию якобы к работавшему там старшему брату. Но в действительности, чтобы показаться немецким профессорам. И накануне 7 ноября, и в день парада она тоже держалась за голову — её вновь мучили боли. Парады раньше длились 4 часа: с 8 до 12. Мы вместе с Надеждой Сергеевной стояли перед входом в Мавзолей. Потом она, держась за голову, ушла раньше, а мы после парада уехали на дачу. Ну и вот такое горе случилось.

Гроб с телом стоял в здании ГУМа. Там примерно в центре есть со стороны Красной площади ниша, в ней — лестница на второй этаж. Там дверь, за ней помещение, где и был выставлен гроб. Сталин буквально рыдал. Василий все время висел у него на шее и уговаривал: «Папа, не плачь, не плачь». Сталин склонялся над гробом и рыдал.

Когда гроб вынесли, Сталин шел сразу за катафалком. Потом оркестр, мы шли за оркестром. Процессия шла к Новодевичьему монастырю. У могилы Сталин стоял с одной стороны, мы с Васей — с другой. И между нами никого не было. Сталин был убит горем. Взял горсть земли, бросил в могилу. Нам сказали тоже взять землю и бросить. Мы спросили, для чего. Нам ответили, что так надо.

В Соколовку Сталин после смерти Надежды Сергеевны уже не ездил. Да и никто из семьи больше не ездил туда.

После Зубалово основной дачей стало Волынское: в 1934 году Сталин перебрался на эту дачу как основную. При этом в Зубалово он порой приезжал и после того, как появилась дача в Волынском, навещал членов его семьи, которые там жили. Сергей Яковлевич Аллилуев, его тесть, там жил, теща, Ольга Евгеньевна, туда наезжала. Когда Яков, старший сын Сталина, женился, он там с семьей жил. Приезжала туда Александра Семеновна — сестра первой жены Сталина, умершей в 1907 году. Туда приезжала еще одна ее сестра, Мария Семеновна Сванидзе.

А в Волынском был рабочий дом, где он постоянно собирал людей для работы и сам работал. Не устраивалось там никаких торжеств или застолий в удовольствие. Там было удобнее собираться, чем в Зубалово. Собственно, во многом потому и была построена эта дача, что близко к Москве. Помещение

удобное — с выходом в парк, можно отдохнуть; сделали большую открытую веранду, в хорошую погоду на ней можно было работать. Сталин любил работать на веранде. Можно это назвать ближней дачей. На самом деле это был выносной пункт управления нашего государства.

Е.Г.: Эту дачу специально строили для Сталина? Может, были учтены какие-то его пожелания?

А.С.: Да, строили специально для Сталина. Правительственную дачу, одним словом. Наверняка какие-то пожелания у него были, но какие именно — не могу сказать. Ничего особенного в даче не было. Конечно, учитывалось пожелание, чтобы ближе к Москве. Сейчас это уже в черте города. Ездили туда, съезжая с Минского шоссе.

Дача Сталина — это двухэтажный кирпичный дом; как любил Сталин, красился он в зеленый цвет. Поначалу это был маленький кубик. Потом его расстроили. Многое уже после Сталина достроили. А тогда были служебное помещение рядом, галерея открытая. Кабинет Сталина, как правило, был на втором этаже. В Волынском он часто работал в столовой. А в теплую погоду на веранде работал. На кухне и в Зубалово, и здесь, в Волынском, была печь из изразцов, возле нее лежанка. Здесь Сталин иногда любил прилечь погреться: думаю, делал это, когда суставы у него болели из-за ревматизма. Была спальная, рабочая комната — когда приезжало много народу, туда складывали одежду, подсобным помещением служила. В прихожей вешалка была, но при скоплении народа на всех не хватало места. Столовая располагалась при входе направо, она же — зал заседаний: большой длинный стол стоял, небольшой кабинетный рояль красноватого цвета, вероятно, красного дерева. Он предназначался для гостей, и на нем играл Жданов, который, кстати, вполне профессионально играл на рояле и на баяне.

Был участок земли. Огород, маленькое хозяйство. Уже отмечал, что Сталин считал: земля должна работать. Все должны работать, в том числе земля.

А в подсобной комнате, где раздевались прибывшие, был патефон и много пластинок. И в памяти в связи с этим осталось вот что.

Мы с Василием, ребяташки лет 12—13-ти, уже слышали такие имена как Петр Лещенко, Александр Вертинский. Лещенко нам очень нравился, поскольку был понятен: нам приятно было слушать бравурные легкие романсы или песни с налетом цыганщины. Музыка у Лещенко, как правило, танцевальная, ну а мальчикам, становящимся юношами, это очень нравилось.

Вертинский был нам не вполне понятен. Но мы чувствовали отношение к его песням взрослых. И к Лещенко. И если к Лещенко они относились

холодно, то романсы Вертинского напевали сами, к нему было совсем другое отношение. И в отсутствие детей, когда нас не было в комнате, из-за двери можно было слышать, что взрослые слушают Вертинского.

Как-то Сталин ставил пластинки, у нас с ним зашел разговор, и мы сказали, что Лещенко нам очень-очень нравится. «А Вертинский?» — спросил Сталин. Мы ответили, что тоже хорошо, но Лещенко лучше. На что Сталин сказал: «Такие, как Лещенко, еще есть, а Вертинский — один». И в этом мы почувствовали уважение к Вертинскому со стороны Сталина, высокую оценку его творчества.

Е.Г.: Тогда Вертинский еще не вернулся?

А.С.: Нет, Вертинский вернулся во время войны. Он просил разрешения вернуться, и разрешение выдал лично Молотов. Вертинский приехал.

Вообще не очень часто взрослые слушали пластинки. Потому что постоянно люди работали. Но пластинок было много. И мы, оставаясь одни, выбирали нравящиеся нам, ставили, слушали.

Е.Г.: Необходимость правительственных дач чем тогда была вызвана?

А.С.: Необходимостью отдыха, свежего воздуха, необходимостью хоть на несколько часов отвлечься от напряженной кабинетной работы в табачном дыму, постоянных утомительных разговоров одновременно нескольких людей. Отдых от всего этого, перемена обстановки, безусловно, были нужны.

Е.Г.: Поскольку дача строилась специально для Сталина, который на дачах работал, насколько было продумано удобство работы? Сколько человек обслуживали этот, как Вы сказали, выносной пункт руководства страны?

А.С.: Конечно, была хорошо отлажена связь с аппаратом, с людьми, обслуживающими дачу. Допустим, из комнаты, где находился Сталин, с комнатами, где находятся люди, была постоянная связь по так называемому домофону. Это телефон из комнаты в комнату: индукторный аппарат, нужно повернуть его ручку, чтобы соединиться с нужным тебе человеком.

На даче был комендант. Когда-то был Михаил Максимович. Затем комендантом стал Сергей Александрович Ефимов, который раньше был комендантом в Зубалово, а затем стал и в Волынском. Комендант организовывал всю жизнь на даче: службы, систему связи внутри дачи, чтобы она была всегда скомутирована с нужными пунктами.

Были люди, готовящие пищу. Надежда Сергеевна всегда работала, у нее не было времени на ведение большого домашнего хозяйства: она работала в

секретариате Ленина, затем в редакциях газет, училась в Промышленной Академии. Поэтому семья и при ее жизни нуждалась в помощнике на кухне.

У дачи есть территория, которой должен заниматься кто-то: садовник, дворник. Они тоже были.

И охрана. Ее было о-очень мало до гибели Кирова, вплоть до того, что днем дачная калитка в лес была открыта. Около ворот не было никакой охраны, они не запирались на замок.

Елена Юрьевна Сергеева, жена Артема Федоровича, включается в разговор:

— У нас в больнице работала медсестра (Елена Юрьевна — нейрохирург). И мы как-то разговорились с ней на ночном дежурстве. Оказалось, что её отец был директором совхоза, вблизи которого находилась дача. Эта медсестра, ровесница Светланы Аллилуевой, дружила с ней и ходила к ней на дачу. Она рассказывала, как открывала незапертую калитку, проходила на территорию, звала Светлану. Они либо отправлялись куда-то, либо играли на территории, либо шли в дом. Никто не останавливал, не спрашивал ни о чём. Не раз она и Сталина видела либо в доме, либо во дворе. Он здоровался с ней.

А.С.: Да. А после смерти Кирова охрана была усилена. Ворота и калитку стали запирать и открывать для прохода или проезда конкретного человека или транспорта. Со временем появилось наружное и внутренне наблюдение. Но все это появилось не сразу, а постепенно, одно за другим, по мере необходимости, по мере осложнения обстановки. Точной численности охраны я не назову, но была она весьма невелика. Была постоянная дачная охрана — очень малочисленная. Собственно, следящая только, чтобы на территории не оказалось посторонних. И если ранее не было сопровождающей машины при поездках, то года с 1932-го появилась сопровождающая маленькая машина, где находилось 3—4 человека, ходила она позади автомобиля Сталина. А ранее Сталин ездил на одной машине без сопровождения. Причем и на открытой тоже ездил. Машина Сталина была 6-местная: 2 человека впереди, сзади 2 места и откидывающиеся 2 стульчика. Я помню хорошо, что Сталин обычно сидел на правом откидывающемся стульчике, Надежда Сергеевна сидела сзади на сиденье. С ним в машине ездил начальник охраны Николай Сидорович Власик или его заместитель, они сидели справа от водителя. Машиной сопровождения Сталина был четырехместный «форд» восьмерка.

Со временем охрану усилили. Начальник охраны, Николай Сидорович Власик, со своей работой, полагаю, справлялся успешно. Отбор в охрану был индивидуальным, людей подбирали преданных, надежных, весьма спортивных,

с высокой боевой квалификацией. Водители были, как правило, спортсменами-гонщиками, готовыми к вождению в разных условиях. Люди, сопровождавшие машину, обладали хорошим зрением, реакцией, боевыми навыками. Охране, пусть и очень не часто, приходилось применять свои умения. Точных фактов я не приведу, но и сам догадывался по некоторым признакам, и Василий мне говорил, что такие случаи бывали. Но не уточнял.

У Сталина на даче обязательно был письменный стол, на нем аккуратно разложены необходимые для работы документы, одна-две нужные книги, очень хорошего качества канцелярские принадлежности: ручка, чернильный прибор, часы настольные, скрепочки разноцветные (у меня до сих пор их несколько сохранилось), хорошо заточенные карандаши, обязательно красного и синего цвета, концессионной фабрики «Хаммер», которая работала в России, потом она стала называться «Сакко и Ванцетти». И у-ди-ви-тельная аккуратность на столе! Все лежало на своих местах. Эта школа, если можно так сказать, аккуратности и правильной организации рабочего места передалась Василию. Он меня в этом отношении тоже обучал: как что нужно раскладывать, чтобы помогало в работе. Беспорядка на столе вне работы не терпелось. Кажущийся беспорядок мог быть во время работы, а по её окончании все раскладывалось по своим местам.

Е.Г.: Во время работы на даче были у него какие-то привычки? Чай, может, пил?

А.С.: Он пил «Боржоми». У него была бутылка с «Боржоми», стакан. Он открывал и пил во время работы.

Сталин постоянно курил трубку. У него уже были отработанные движения: он брал из коробки две папиросы «Герцеговина Флор», разламывал, разрывал и привычным движением, не глядя, ссыпал в трубку табак сначала из одной папиросы, потом из другой. Я не видел, чтобы он пользовался зажигалкой — всегда спичками. Это было настолько отработано, что происходило автоматически по ходу разговора, в процессе работы.

Василий начал рано баловаться курением: где-то брал папиросу, закрывался в укромном уголке. При отце не курил. И старался, если отец приезжает, чтобы и запаха не было. Были конфетки мятные, «Пектус», кажется, которыми он старался заглушить запах. И никогда не брал папиросы из коробки отца!

На даче лежал ковер, а на нем длинная узкая полотняная светлая дорожка, которую постоянно стирали. По этой узенькой дорожке и ходили, чтобы не испачкать ковер, который не постираешь так легко. Сталин был очень

аккуратным человеком во всем. Помню, он как-то просыпал немного пепла из трубки на ковер и тут же сам щеточкой, ножиком его собрал.

У Сталина все жесты были очень размеренны. Он ходил размеренной походкой, как бы пружиня. Когда он говорил о важных вещах, чуть повышал голос, но всегда казалось, что при необходимости он еще может его повысить. Он никогда резко не жестикулировал. И казалось: если потребуется, он может еще шире развести руки, сделать жест более резким. Он ходил не быстро. И казалось, если потребуется — он может пойти быстрее. В выражениях он никогда не употреблял превосходных степеней: чудесно, шикарно... Он говорил «хорошо». Выше «хорошо» он не говорил, не оценивал. Мог сказать «годится». «Хорошо» — это было высшей похвалой из его уст. Но становилось ясно, что он имеет в виду более высокую оценку, нежели «хорошо». То есть казалось, что он всегда и во всем имел резерв. Не зря в военной науке отмечается, что в военном деле два человека сумели создать и сохранить резервы для решающих действий, сохранить так, чтобы решить вопрос в свою пользу, — это Наполеон и Сталин.

Е.Г.: *Умер Сталин на этой даче?*

А.С.: Да. И после его смерти я там уже не бывал. Все там было закрыто. Ни Василий там уже не мог находиться, ни Светлана. И только года три назад я там побывал. За это время там произошли большие перемены.

...Мы закончили разговор, и Елена Юрьевна зовет нас к столу. Каждое посещение Сергеевых заканчивается прекрасным обедом с неспешными разговорами, шутками, приятным общением. Елена Юрьевна — превосходная хозяйка, готовящая вкуснейшие пироги, салаты, жаркое. Не позволяет ей помочь ни в сервировке, ни в уборке со стола: «Я сама». Она потчует на протяжении всего обеда, но делает это ненавязчиво. Пьем кофе. Артему Федоровичу оно не рекомендовано. Но по случаю гостей пьет и он. «Катюша, еще кофе?» — предлагает Елена Юрьевна. Я не отказываюсь. «Мамочка, — обращается к ней Артем Федорович, — мне тоже еще кофе». «А ты больше не получишь. Только чай», — Елена Юрьевна шутливо категорична. «Елена Юрьевна, — обращаюсь к ней, — у Вас редкий дом, где с гостями считаются больше, чем с хозяевами».

Меня всегда провожают. Если очень спешу к электричке, то до калитки и потом машут мне вслед; если располагаем временем, то идем до дороги. На этот раз теплым погожим вечером неспешно идем до дороги, на прощание целуемся. Дальше иду одна, оборачиваюсь: Елена Юрьевна озабоченно говорит

что-то Артему Федоровичу. Она — постоянно в заботах о нём. Её жизнь — служение ему. Удивительно гармоничная пара!

Сочинская дача

Договариваемся по телефону с Артемом Федоровичем об очередной встрече, чтобы поговорить о даче в Сочи. Мы всегда пытаем друг друга, когда кому удобней: давайте, как удобно Вам. Нет, скажите, когда удобно Вам. Сообщаю, какой электричкой приезжаю. От платформы иду к дому Сергеевых. Артем Федорович вышел меня встречать к дороге. Он всегда очень радушен и приветлив: улыбается, пожимает руку, интересуется, как дела и здоровье. Открываем скромную калиточку. Думаю о том, что за эту ручку брался и незабвенный друг Артема Василий Сталин. К дому ведет дорожка, вдоль которой растут великолепные розы — подарок друзей из Донбасса. С этим краем Артема Федоровича связывают давние не просто дружеские, а сердечные отношения. Он буквально влюблен и в город, и в самих донбассцев, тоже частых гостей в его доме. Да и он, особенно раньше, был нередким гостем у своих друзей-шахтеров, до сих пор свято чтящих память его отца, легендарного революционера товарища Артема. Возле крыльца — куст жасмина в самом цвету. Запахи! Артем Федорович предлагает расположиться для разговора на террасе. Место просто райское: большие окна позволяют видеть весь сад. Обстановка располагает к неспешной беседе. Много фотографий, которые рассматриваю по ходу разговора. Вот Артем, вот они с Василием на военном корабле, вот они плавают, вот Василий сидит в лодке, только что искупавшись, с мокрыми волосами. Вот Сталин, Буденный с племянницей, Артем, Василий, Светлана. Фотографии из семейного альбома. Некоторые, возможно, вообще остались в одном экземпляре. Артем Федорович с сожалением констатирует, что у него разными способами пропали многие фото: то брали журналисты и не возвращали, то вдруг просто исчезали непонятным образом.

Сегодня мы договорились беседовать о даче в Сочи. Рассказ иллюстрируют интереснейшие фотографии из домашнего архива Сергеевых.

А.С.: В 1933 году по проекту архитектора Мержанова, того, кто проектировал и дачу в Волынском, была построена дача в Сочи. Как и любил Сталин — двухэтажный кубик, покрашенный, в том числе крыша, в зеленый цвет — под цвет местности. Сталин не любил ярких тонов. Размером дом был 10 на 10 приблизительно, располагался он на взгорочке.

Коридор шел от входа в сторону моря до самой терраски, до веранды. Дом был этим коридорчиком как бы разделен от входа до задней стенки, обращенной к морю. Справа по коридорчику туалет, лестница на второй этаж, маленькая служебная комнатка. Потом там, кажется, Светлана размещалась. Слева маленькая комната, вроде чуланчика. Далее комната, где располагались гости. И прямой выход на веранду. На втором этаже, если встать лицом к морю, направо было две комнатки, туалет, налево, по-моему, чуланчик. На втором этаже были комнаты, где жили Сталин и, когда приезжал, Киров.

От дома к морю шла зигзагообразная дорожка. По ней можно было ехать на машине: расстояние по дорожке до моря было километра полтора. Дорожки на даче были посыпаны мелкой морской галькой.

Был небольшой, отдельно стоявший служебный домик для охраны. На территории дачи находилась минимальная охрана: редко можно было увидеть больше двух охранников.

Территория была огорожена, но не сплошным непроницаемым деревянным забором, а штакетником, были ворота, выходившие прямо на Приморское шоссе: направо в Сочи, налево на Мацесту, и далее на Гагру и Сухуми. Ворота легкие, перейти через шоссе, потом железная дорога — и сразу берег моря.

Е.Г.: *Это была личная дача Сталина?*

А.С.: Нет, это была государственная дача. У Иосифа Виссарионовича вообще ничего в собственности не было. Только ружье, подаренное английскими рабочими, патроны к нему он покупал, еще был небольшой ковер с изображением Ленина, подаренный туркменскими ковроткачихами. Он висел у него над кроватью в кремлевской квартире.

Е.Г.: *А как Сталин, собственно, отдыхал на даче, как проводил досуг?*

А.С.: Сталин любил играть в городки, и на дачах были разбиты городошные площадки. В Сочи площадка была немножко выше дачи. В Сочи он играл с Кировым, Буденным. И Сталин, и Киров, и Буденный очень любили и много играли в городки. У каждого был свой стиль игры. Сталин бросал биту метко и очень размеренно. Можно сказать, что лишние силы он в удар не вкладывал. Киров бил посильнее. Буденный бил так, что бита втыкалась в ограждение, пробивала его — настолько мощный был удар, сильный сам по себе. Рука у Буденного была просто железная.

Эта игра была хорошей разминкой. И как бы проверкой самого себя: а не притупился ли глаз? Не ослабла ли рука? По ходу игры всегда шел разговор. Часто в таком разговоре конкретные события обсуждались. Причем обсуждались они таким образом: вот какие-то события произошли или

происходят, о них сказали, упомянули. И кто-то как-то ударил по ходу игры. Обсуждается, каков удар, куда-то залетела бита — слишком далеко или не долетела. С юмором это объяснялось, комментировалось. Или промазал кто-то. Припоминались по ходу обсуждения игры какие-то конкретные события, которые тут же комментировались, обсуждались. То есть игры, о которой можно говорить как о развлечении, не было. Была игра, которая происходила как бы между делами, служила при этом и разрядкой. Очень остро, остроумно шутили. Юмор к чему-то всегда относился, был по конкретному поводу или касался конкретного лица.

На даче была бильярдная. Сталин хорошо играл в бильярд. Как-то он пригласил Калинина и обыграл его всухую. Калинин иронически страшно возмущался, указывая на низкое социальное происхождение партнера (я не буду сейчас слова эти повторять), что, мол, порядочный хозяин, человек аристократического, высокого воспитания, пригласив гостя, должен был проиграть, уважить: «А ты что? (он на «ты» к Сталину всегда). Сухую мне вкатил?».

Сталин любил и уважал Калинина. Ведь тот был своеобразный человек: высочайшего класса слесарь-лекальщик и большой специалист в крестьянском деле. И он его уважал не только за преданность, ум, но и за то, что тот достиг больших высот в труде рабочего высочайшей квалификации — слесаря-лекальщика. То есть делающего деталь не по прямым линиям, а по любым конфигурациям — сложнейшая работа.

Крестьяне говорили, что Калинин мог, когда шел покос, взять косу, встать в ряд и идти так, как настоящий косарь-хлебороб. Сталин вообще очень уважал мастерство, высокую квалификацию человека в любой отрасли: пусть то будет искусство, наука — и в очень большой степени, если это непосредственно труд рабочего или крестьянина. Он очень высоко ценил людей физического труда.

Летом в августе 1934 года на даче в Сочи Сталин и Киров работали, в частности, над указаниями по составлению учебника «История СССР», который вышел в 1937 году под редакцией профессора Шестакова. Сталин сам блестяще знал историю, в том числе историю войн, знал не просто все великие сражения, но и причины этих сражений, войн, знал, каково соотношение сил, чем закончились сражения: если поражение — почему, если победа — в результате чего достигнута.

Нам с Василием были даны задания. Каждому выдана книга — учебник истории Иловайского и Бельярминова, нужно было прочитать и отвечать на вопросы, выполнять задания. Думаю, помимо того, что нам хотели дать знания по истории, еще и смотрели, как усваивается тот или иной материал, что

вызывает интерес или, наоборот, затруднения. Ну, пока не приехал Киров, у нас еще было свободное время, а потом мы даже забыли, что вблизи находится море. Книги были не просто старые: над ними работал не один десяток, думается, читателей. И состояние их было, прямо скажем... И когда Сталин нам эти книги дал, мы их положили на терраску, где с Василием и жили. А терраска открытая. Убежали на соседнюю дачу играть в волейбол. Возвращаемся и издалека видим, что этот наш взгорочек, на котором находится дача, усеян белыми пятнами, по нему ходит Сталин, нагибается, подбирает что-то. Мы поняли: что-то случилось. Подбегаем, видим, что Сталин собирает листы. Оказывается, налетел ветер, его порывом учебник (а это был тот, что достался мне) разметало, и вот Сталин собирал разлетевшиеся листы.

Увидев нас, Сталин сказал пару серьезных резких слов в мой адрес: «У тебя что, на шее задница вместо головы?» Но эта вспышка гнева была секундной. Потом очень спокойно объяснил, что в этой книге описаны тысячи лет истории, что она далась потом и буквально кровью сотен людей, которые собирали факты, записывали, другими способами передавали, переписывали, хранили эти сведения. А потом ученые историки десятки лет перерабатывали эти сведения, чтобы дать нам представление об истории человечества. А ты?!

Велел нам взять шило, нитки, клей и привести книгу в порядок. Кстати, Василий в свои 13 лет имел элементарные навыки переплетного дела. Вообще он был мастер на все руки. Пару дней мы возились с этой книгой: подбирали листы, складывали, сшивали, сделали обложку из крепкой бумаги. Работу мы выполнили аккуратно и с большим усердием. Показали починенную книгу Сталину, он сказал: «Вы хорошо сделали. Теперь вы знаете, как надо обращаться с книгами». Мы тут же пояснили, что мы и раньше не хотели её портить, мы не знали, что она совсем не сшита, и что налетит сильный ветер, который ее развеет, получилось все неумышленно. Но это был такой урок, что с тех пор я даже газету порвать не могу. И у Василия трепетное отношение к книгам сохранилось до конца жизни.

Сталин на это заметил: «Имейте в виду: у ветра может быть большая сила. Он может и помогать, и разрушать». И тут же нам сказал, что создаются ветровые двигатели, где с помощью ветра получают электроэнергию. Спросил: «Вы про ветряные мельницы знаете? Ветер у ветряных мельниц вращает валы, давит на лопасти, на крылья, вращает их, крутит вал, а вал крутит жернова, которые и размалывают зерно до муки. Есть книги про эти мельницы. Почитайте. Там вы найдете много интересного». Вот такая история была с книгой.

По ходу разговора Сталин объяснял многие вещи так просто и ясно, что запоминалось на всю жизнь. Мы с Василием, получив задания по книгам, потом отвечали на вопросы Кирова и Сталина, и я не помню, чтобы даже учителя в школе могли так четко формулировать вопросы, так толково и доходчиво объяснять. Например, отвечая, я перепутал и вместо «Плутарха» сказал «плутократ». Сталин поиронизировал на мой счет, но тут же растолковал значение слов «плутократ», а затем «демократ», «аристократ». Причем сделал это очень ненавязчиво, доступно для понимания. При объяснении значения слова «плутократ» коснулся политической и социальной обстановки в мире и стране.

Или как-то я читал текст, книга была старой. И там встретилась буква «фита» — это такой кружок, а поперек волнистая линия. Я вместо города Фивы прочитал «Оивы». Сталин объяснил, что это за буква, почему её сейчас нет. Сказал, что нужно обучать людей грамоте, чтобы они умели читать и писать, и сделать так, чтобы обучиться можно было быстрее максимально большому количеству людей. Эти буквы — фита, ять — останутся для профессорско-лингвистов, а чтобы всем проще и быстрее научиться, азбуку немного упростили.

Ну, а если мы не очень хорошо выполняли задания, Сталин спрашивал: «Дорогой товарищ Киров, как Вы думаете, будем мы наказывать их сегодня?» Киров отвечал: «Великий вождь, давай не станем их наказывать на этот раз. Простим их». «Да? Считаете, что нужно на этот раз простить? Тогда так и сделаем, сегодня не станем их наказывать».

Е.Г.: Как часто приезжал туда Сталин?

А.С.: Сталин приезжал туда с начала 30-х годов практически каждый год. Мы с Василием жили там с конца июля весь август в 1934 году. А приезжал Сталин не отдыхать в том смысле, в котором об этом говорят курортники, а лечить ревматизм. Он ехал на Мацестинские воды. Сначала на Мацесту ездили каждый раз машиной, а потом поставили насос, провели трубу, получился маленький бассейн или, скорее, большая ванна, чтобы не нужно было отлучаться надолго и отрываться от работы.

Каждый день он получал большую почту, работал там и телеграф. Практически ежедневно прилетал самолет «Р-5» фельдъегерской связи. Прилетал на аэродром, находившийся на территории Сочи, предназначенный для легких самолетов: Р-5, У-2 (тоже самолет Поликарпова, созданный еще в 20-х годах, самолет-долгожитель. Он перестал выпускаться только после войны). Доставлялись материалы и отвозились проработанные. Сталин не

любил скопление бумаг. Он к документам относился очень серьезно. И, по рассказам, никогда не допускал лишних экземпляров документов. Расчет рассылки, как правило, делал сам. И потом знали, что нужно сохранить, а что — уничтожить. Потому-то так трудно было противникам узнать планы Сталина и его решения. Ведь как узнавали? Документы прочитывали, крали их, фотографировали. А у Сталина лишних бесконтрольных экземпляров документов не было. Он очень заботился о соблюдении режима секретности.

Они очень дружили с Кировым: тот после Надежды Сергеевны был самым близким другом. Сталин очень хорошо относился к своему тестю Сергею Яковлевичу. Но у того в какой-то мере была своя жизнь. Когда Сергей Яковлевич переехал из Петрограда в Москву, первоначально у него была комната в «Метрополе». Потом он переехал на улицу Серафимовича, дом 2, квартиру там получил. Это был 1931 год. Когда началась война, он часть своей квартиры отдал. А сам после этого жил, в основном, в Зубалово. Сергей Яковлевич был обаятельнейший человек. В душе — бунтарь, абсолютно бескорыстный, честный человек. Высочайший мастер: блестящий сантехник, блестящий электрик. Я не люблю превосходных форм, но о нем иначе не скажешь. Он проверял все электричество в доме, и когда для профилактической проверки приходили рабочие по вопросам электрики, слесарным делам, сантехническим, то просто-напросто Сергей Яковлевич показывал, как и что. Хотя они и сами были мастера, но он для них был образцом мастерства. И неслучайно, несмотря на то, что он был членом партии с 1896 года, был врагом буржуазии и своих хозяев, его хозяева часто прикрывали от полиции, чтобы не потерять такого большого мастера.

Когда он переехал в Петроград, работал в «Ленэнерго», и когда начался саботаж работников «Ленэнерго», то он определенное время сам возглавлял эту структуру. То есть руководил всей энергетикой и энергетическим обеспечением города.

Надо отметить, что среди коммунистов, настоящих большевиков, было немало очень высоких профессионалов в своем деле, и этот высочайший профессионализм им помогал в работе, а иногда прикрывал их революционную деятельность за счет очень высоких знаний, умения наладить или, наоборот, когда нужно — что-то разрушить.

На даче была повариха, ее подбирал на работу Власик, что входило в его обязанности начальника службы охраны.

Не сказать о Власике нельзя. Это был подвижник, который года с 1928-го работал при Сталине, а с 1930 года он официально был начальником охраны. Потом был начальником главного управления охраны. Основной обязанностью

его было обеспечение безопасности Сталина. Труд этот был нечеловеческий. Всегда ответственность головой, всегда жизнь на острие. Он прекрасно знал и друзей, и недругов Сталина. И знал, что его жизнь и жизнь Сталина очень тесно связаны между собой, и не случайно месяца за полтора-два до смерти Сталина вдруг его арестовали. На что он сказал: «Меня арестовали, значит, скоро не будет Сталина». И, действительно, после этого ареста Сталин прожил немного.

Что у Власика вообще была за работа? Это работа день и ночь, не было 6—8-часового рабочего дня. У него вся жизнь была работа, и он жил около Сталина. Рядом с комнатой Сталина была комната Власика.

Был у него редкий выходной. Знаете, после такой нагрузки, такого напряжения нужна разрядка. Хорошо знают это медики, психологи, которые работают с моряками, с людьми, работающими в области космоса. Груз ответственности и обстановки на человека давит. Он не полностью восстанавливается, и в конце концов может быть психологический перегруз, когда психика не выдерживает, и человек идет вразнос.

В чем обвинили Власика? Для того чтобы оторвать его от Сталина, враги Сталина и, стало быть, враги государства говорили, что якобы когда-то Власик взял с собой какие-то продукты. Но у него не было времени стоять в магазинах по очередям. Может, и взял что-то с собой из дома Сталина. Да время Власика во сто крат дороже стоило, чтобы его терять по магазинам. Его жизнь, его деятельность обеспечивали государству огромные возможности, которые трудно оценить в масштабах денежных знаков.

Он понимал, что живет для Сталина, чтобы обеспечить работу Сталина, а значит, и советского государства. Власик и Поскрёбышев⁷ были как две подпорки для той колоссальной деятельности, не оцененной еще до конца, которую вел Сталин, а они остались в тени. И с Поскребышевым поступили плохо, еще хуже с Власиком.

Уважали они Сталина без-гра-нич-но! Они понимали как, может, немногие, всю значимость Сталина для существования великого государства — Советского Союза. И жизнь показала, что они были правы. И если при Сталине, сколько бы ни был он у власти, государство возвышалось, то со смертью Сталина оно в конце концов дошло до того положения, в котором ныне: на наше государство плюют и могут не считаться, приклеивать ярлыки, обвинять в отсутствии демократии. А кто скажет, что это такое? Формулировок

⁷ Александр Николаевич Поскрёбышев (1891 — 1965), в 1935 — 1953 гг. заведующий канцелярией генерального секретаря ЦК ВКП(б).

много. Народовластие? Но где вы видели настоящую демократию? Где вообще и кто её видел? Американская демократия особенно проявилась в Югославии и Ираке. Вот, оказывается, какова она, хваленая демократия.

Власика арестовали, потом сослали. Я его видел последний раз в конце 1963 года. В том же году я видел последний раз Поскребышева. С Власиком мы виделись в последний раз в Москве, с Поскребышевым здесь, в Жуковке. Тогда же я виделся с Матиасом Ракоши, руководителем Венгрии.

Е.Г.: Сталин плавал на море?

А.С.: Нет. Сталин — горец, а горцы, как правило, не плавают. А Киров любил плавать, хорошо плавал так называемыми саженками. Киров почти каждый день ходил к морю, Сталин его сопровождал, сидел на берегу и ждал, пока Киров искупается.

Е.Г.: Вы сами там плавали?

А.С.: Конечно, плавали. Моя мать еще году в 1925—26-м поехала с нами в Крым, учила там плавать таких карапузов маленьких. Мы пузыри пускали и все такое. Мать учила и в какой-то мере выучила. Причем с нами был тогда еще один мальчик, Женя Курский, так он, если его оттаскивали от берега, визжал и греб к берегу, а нас с Василием надо было ловить, потому что мы пытались плыть от берега, на глубину. В этом в какой-то мере и характер проявляется, конечно.

Е.Г.: На юге Сталин тоже ходил в сапогах?

А.С.: Да, как правило. Сапоги были мягкие, шевровые, не широкие. Надо сказать, всё, во что Сталин был одет, было красиво. Сапоги были красивы. Мне одни пришлось донашивать. А когда началась война, я отправился на войну в яловых сапогах, они были там самой удобной обувью. А сталинские сапоги отдал уборщице с фабрики, где директором была моя мать. Считал, что мне они на войне не нужны, а людям пригодятся в сложное военное время. Конечно, сейчас я бы сохранил их — это же реликвия. Но вещи для нас мало значили. Не было в нас мещанства, да и сознания того, что на твоих глазах происходит история, не было. Были у меня и его носки. Также не сохранились. Тогда вещи играли только практическую роль. А как реликвии мы их не воспринимали. На даче он ходил обычно в светлом полотняном костюме из «коломенки». Это материал такой, самое простое полотно, переплетение самое простое, один из способов выделки материала.

Е.Г.: Одежду сам он себе подбирал, покупал в магазине?

А.С.: Сапоги не знаю, где он заказывал или покупал, а костюмы ему шил Абрам Исаевич Легнер. Женщин из Политбюро обшивала в мастерской Легнера Нина Матвеевна Гупало. Это мать Аджубея. И Аджубей, собственно, стал Аджубеем как сын Нины Матвеевны Гупало. Через нее он познакомился с семьей Хрущева и другими. Нина Матвеевна была мастером высочайшего класса, поэтому Легнер, сам великий мастер, держал её у себя как дамскую закройщицу, и, когда Нина Матвеевна болела или была в отпуске, Легнер не принимал дамские заказы. Легнер был очень уважаемым человеком, пусть и сам кроил, то есть был портным, при этом имел звание полковника НКВД, был начальником мастерской, его туда привело его высочайшее мастерство.

Кстати, у Сталина была такая особенность. Были вопросы, в которых он считал себя достаточно компетентным и решал. Но откуда Сталин все знает, Сталин все может сделать лучше всех? А он всегда с помощью своих помощников, своим чутьем находил великих мастеров, которые являлись его советниками, хотя официально не было такой должности. Так, по вопросам пошива и портновского дела его консультировал Абрам Исаевич Легнер. По вопросам архитектуры, к примеру, — знаменитый архитектор Жолтовский. В военном деле для него авторитетом был Борис Михайлович Шапошников, маршал впоследствии. Кстати, Сталин к людям обращался обычно по фамилии. А если очень уважал, — по имени-отчеству. К Шапошникову — Борис Михайлович, к Легнеру — Абрам Исаевич.

Е.Г.: *А к своему близкому другу Кирову?*

А.С.: «Дорогой товарищ Киров».

Е.Г.: *А Киров к нему?*

А.С.: «Великий вождь». Конечно, это ирония была, ну, а на официальном уровне — товарищ Сталин, товарищ Киров. Киров понимал свою роль, свою близость душевную, и в личных отношениях у них не было никакой официальности. Только протокольная была официальность, там, конечно, не допускалось никакого панибратства. А в жизни, в личном общении можно было что угодно рассказывать, как угодно подтрунивать над некоторыми качествами, все это было именно чисто дружеское.

Е.Г.: *Почему именно в Сочи была дача Сталина?*

А.С.: Мацеста. Когда создавался курорт, то это было очень неблагоустроенное место и единственное, чем было известно, — морем. Но в Крыму то же море, и там более благоустроено, климат лучше. А Сочи — это Мацеста, возможность водами лечить болезни суставов, и я не исключаю, что

еще и потому, что Сочи — глубже в России. Крым больше подходил для отдыха, а Сочи — для лечения. Сохранилось много писем Надежды Сергеевны Аллилуевой к моей матери, как они стали ездить в Сочи, о том, что там сыро, болото, неблагоустроено, дожди, но там Мацеста, лечебная вода, которая так нужна. Думаю, лечение там помогало Сталину, иначе он не ездил бы туда.

Е.Г.: *Как добирался Сталин до Сочи?*

А.С.: Поездом. На даче Сталин пользовался автомобилем, привезенным из Москвы, «роллс-ройс» 1929 года выпуска, кажется. Потом обратно в Москву его увозили. В то время не было отечественных автомобилей необходимого уровня надежности. На «Л-1» он пытался ездить, на «ЗиС-101». Но неудачно. А во время войны был выпущен «ЗиС-110», на который Сталин сел и уже постоянно на нем ездил. Сталин всегда пользовался вещами отечественного производства, а импортными только в том случае, если у нас это не производили.

В Сочи мы как-то застряли на машине, надо было подкапывать, подбежали рабочие, вытащили машину. Сталин потом их спрашивает, сколько получают в месяц, в день, час, и им деньги каждому соответственно отсчитывает. Они: «Товарищ Сталин! Что Вы! Да мы бы на руках вынесли!» Сталин: «Нет, вы работаете, а я здесь отдыхаю. Вам надо восстановить силы». Они — ни в какую не берут деньги. Он тогда: «Кто из нас здесь старший?» Ему, конечно, мол, Вы. «А старшего слушаться надо». Он не допускал, чтобы за ним был долг или задолженность какая-то — ни копейки чтобы! И он всегда за этим следил — чтобы не быть так или иначе в долгу: все должно оплачиваться, труд человека надо уважать. Это был один из главных его принципов.

Сталин всегда благодарил людей за услуги, за работу. Вот были в Абхазии. Кто-то кого-то из ружья приветствует — бах! Тот в ответ тоже — бах! Ну и потом у этого абхазца попросили барашка. Власик это организовывал. Сталин тут же отдает деньги за барана. Тот: «Коба, Коба (на Кавказе Сталина звали «Коба»), нет, никогда в жизни не возьму». Сталин говорит: «Я приехал сюда отдыхать. Это когда царь ехал — он со своих подданных дань собирал. А я не царь и не барин. Ты трудишься, продукт твоего труда стоит денег. Я не приехал к тебе в гости. Вот когда я приеду в гости, ты меня угостишь».

В Сочи Сталин приезжал, как правило, в августе и был до сентября—октября. Перед празднованием годовщины Октября возвращался и всегда был 6 ноября на торжественном собрании в Большом театре, 7 ноября на военном параде и демонстрации на Красной площади.

После рабочей беседы, сидя за обедом, тоже беседуем. Иногда я, попросив разрешения, включаю диктофон. Елена Юрьевна подает идеи, какие темы осветить, о чем Артем Федорович может поведать как никто. «Очень обидно, — говорит Елена Юрьевна, — что с этим поколением уйдет эпоха, свидетельства о ней. И мне хочется, чтобы Артем Федорович оставил как можно больше воспоминаний».

Дружба с Кировым

Когда мы беседовали о даче в Сочи, вскользь упомянули о дружбе Сталина и Кирова. В то время как раз по телевидению шел очередной вал атак на Сталина в связи с тем, что он «руку приложил» к убийству Кирова. Решаем с Артемом Федоровичем и Еленой Юрьевной, деятельно и сердечно принимающей участие во всех делах мужа, что расскажем о взаимоотношениях этих людей. И в очередной беседе с Артемом Федоровичем Сергеевым мы говорим о дружбе Сталина и Кирова.

Е.Г.: *Каковы были отношения Сталина и Кирова?*

А.С.: Знакомы они были очень давно и по-настоящему дружили, это была дружба по жизни. Чувствовалась теплота в их личных отношениях — они были единомышленниками и соратниками, но прежде всего друзьями. Это можно понять, если какое-то время наблюдать людей, а мне пришлось довольно близко наблюдать их с конца 1929 года и почти до последнего дня жизни Кирова. Надо сказать, что после Надежды Сергеевны самым близким Сталину человеком был Киров. Ближе друга у него не было. Потому первый страшный удар — смерть Надежды Сергеевны, второй удар — смерть Кирова. Смерть Надежды Сергеевны изменила Сталина в определенной мере, изменила его поведение, и смерть Кирова тоже. Это ужасные утраты, повлиявшие на его жизнь.

Надежда Сергеевна очень хорошо относилась к Кирову. В каждой семье порой случаются трения, напряжение в отношениях. Киров умел рассеять недоразумения, обратить их в шутку, растопить лёд. Он был удивительно светлым, лучезарным человеком, и его все в доме очень любили: и члены семьи, и работающие в доме люди. Всегда ждали его появления, вспоминали, когда его не было, между собой называли «дядя Киров», хотя даже мы, дети, обращались к нему «Сергей Миронович».

Он погиб 1 декабря 1934 года. Только прошел пленум, затем был большой парад, Киров присутствовал на этом параде, речь там говорил, будучи

блестящим трибуном. Блестящим трибуном! Он уехал в Ленинград, и через день произошло это страшное несчастье. И для страны, и личное несчастье для самого Сталина — он лишился друга, с которым он, если можно так сказать, делил свою жизнь, свой труд, делился с ним своими мнениями и всегда мог откровенно поговорить, получить совет, если надо — поспорить о чем-то. И хорошо посмеяться.

Е.Г.: *Сталин любил юмор?*

А.С.: Всегда. Что бы ни было, в любой ситуации. Он говорил образно, много цитировал Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Лескова, Зощенко, еще какие-то забавные вещи. И он, и Киров хорошо знали писателей-сатириков, классиков этого жанра. Зощенко Сталин с Кировым часто цитировали, поскольку это был современный автор, писавший на злободневные темы, высмеивавший пороки тогдашнего общества, метким словом старавшийся исправить эти пороки. Но никогда не цитировалась забавная история ради самой истории. Всегда это было к слову, как подтверждение, расширение, окрашивание того, что происходило, о чем шла речь, это было своеобразной иллюстрацией темы разговора или происходящего.

Между собой всегда у них с Кировым был юмор. Киров называл его «великий вождь всех народов, всех времен». Говорил: «Слушай, ты не подскажешь, ты образованней меня, чей ты еще великий вождь? Кроме времен и народов что еще на свете бывает?»

А Сталин его называл «Любимый вождь ленинградского пролетариата». И тоже подтрунивал: «Ага, кажется, не только ленинградского, а еще и бакинского пролетариата, наверное, всего северо-кавказского. Подожди, напомни, чей ты еще любимый вождь? Ты что думаешь, у меня семь пядей во лбу? У меня голова — не дом Совнаркома, чтобы знать всё, чьим ты был любимым вождем».

Сталин и Киров всегда плодотворно проводили время даже на так называемом отдыхе. Приезжая на дачу в Зубалово, например, Киров часто брался за инструмент и шел вместе со Сталиным вскапывать огород, окучивать, окапывать. Он любил поработать руками, как и все в семье, кстати говоря: любовь к труду прививалась и поощрялась. На даче в Сочи Сталин сам посадил лимоны, абрикосы, персики, ухаживал за ними по мере возможности, эти деревья неплохо плодоносили, и Сталин угощал и гостей, и сотрудников дачи фруктами. С Кировым они обсуждали, как лучше выращивать, чтобы больше был урожай, обсуждали, можно ли культивировать эти деревья и в других регионах, оговаривали какие-то детали. Сталин, например, пытался на

подмосковной даче выращивать арбузы. Думаю, он сам хотел убедиться, что это возможно делать у нас, а потом и распространять этот опыт по стране.

Киров любил животных, на даче были утки, цесарки, и он ходил на них смотреть, играл с собакой, разговаривал с нею.

У Кирова со Сталиным во многом были общие вкусы, как в литературе, о чем уже сказали, так и в музыке. Они порой слушали наряду с веселой, бравурной музыкой и другую: «На сопках Маньчжурии», «Варяг», «Плещут холодные волны», нередко звучали романсы Вертинского, ну и классику, конечно, слушали.

Е.Г.: Как Киров относился к вам, к детям?

А.С.: Очень тепло. К тому же Киров был приятелем моего погибшего отца и относился ко мне как заботливый наставник.

Е.Г.: Вы не считаете, что смерть Кирова была спланированным ударом по Сталину людей, знающих, как дорог ему его друг и что это действительно станет ударом?

А.С.: Когда 24 июля 1921 года в результате крушения аэровагона погиб мой отец, Буденный сетовал, мол, такая случайность, катастрофа, вот как нелепо и неожиданно. На что Сталин сказал: «Если случайность имеет политические последствия, то к такой случайности нужно присмотреться».

Так что, если говорить о случайностях—неслучайностях, то тут нужно смотреть более широко. И когда как-то вновь шел разговор о крушении аэровагона, в котором погиб мой отец и вместе с ним руководители союза горнорабочих горнодобывающих государств, то на замечание о том, что, очевидно, вагон был недостаточно совершенен, Сталин заметил: «Так Вы думаете, что причина все-таки техническая? А может быть, политическая? Не забывайте классовой борьбы». При этом разговоре присутствовали Киров, Буденный, Жданов.

Е.Г.: Звучат версии, что Сталин завидовал Кирову и его убрал.

А.С.: Я уверен, что такие предположения — ложь. Но ложь не простая, а политическая. А политическая ложь есть уже настоящий вред и своего рода, пусть даже и неумышленное, но преступление. Сталин не мог завидовать Кирову. Конечно, люди иногда завидуют в чем-то друг другу, каким-то личным качествам, которых у одного больше, у другого меньше, но в данном случае со стороны Сталина не могло быть ревности к славе Кирова, к любви народа к нему. А Кирова действительно очень любили. Да и неудивительно: он был обаятельный человек сам по себе. Но их взаимоотношения были, прежде всего,

взаимоотношениями друзей, которые вели общую борьбу, делали общее дело. И один из них был главой этого дела, а другой его любимым помощником, незаменимым в чём-то, верным, преданным другом. И никакой ревности быть не могло, потому что люди они были разные. Сталин был хозяин: он знал экономику, знал ведение хозяйства, знал много практического в ведении дела. А Киров был блестящий народный трибун, за которым шли люди, он умел говорить с народом, воодушевить, повести за собой, зажечь, вдохновить на самое нелегкое дело, мог направить народ в нужном направлении. Но он не был хозяйственником. Они были в этом отношении разными людьми. Киров не был столь прагматичен, столь скрупулезен в ведении хозяйства. Конечно, он понимал, что и как нужно, и мог поднять на это людей. Но не был таким хозяином в экономике, таким рачительным, дотошным, знающим и видящим на много шагов вперед и на много времени вперед, не видел, что и из чего происходит, так, как это знал и видел Сталин.

Конечно, у Сталина были еще друзья. Очень любил он Нестора Аполлоновича Лакобу. Это председатель ЦИК Абхазии в то время. Выше этого положения тот не мог подняться, несмотря на свои выдающиеся качества, потому что был глухим. Это тормозило, он не мог широко общаться. Он тоже был личным другом, близким, любимым. Могу сказать по всем своим ощущениям: при Кирове в доме было светлее, чем без него. При Лакобе в доме тоже было светлее. А вот когда приходил Берия, в доме становилось темнее, безусловно. Так же было, я помню, когда приехал Буду Мдивани. Сейчас это имя мало что говорит, может, больше его знают в Грузии. Его присутствие, прямо скажем, не освещало дом. И хотя тоже были разговоры и довольно раскованная обстановка, беседы на разные темы, но не было внутреннего спора, не политического, а по любому вопросу, где была бы полная доверительность, искренность и где бы в споре искали не неправоту кого-то, а выхода, решения, как лучше можно что-то сделать, как из каких-то разногласий можно лучше выйти. Это всегда было с Кировым, когда приезжал Лакоба, тоже так было. Но Киров, повторюсь, был самым близким и любимым другом Сталина.

Получив известие о гибели Кирова, Сталин сразу с группой руководителей партии поехал в Ленинград и сам определил весь ход и порядок траурной процедуры, то есть похоронами друга и соратника он занимался самым непосредственным образом. И хоронили Кирова со всеми воинскими почестями — как воина, погибшего в бою, везя до Московского вокзала на лафете артиллерийского орудия. Это было 107-миллиметровое орудие образца 1910/30-го года модернизации, которое состояло на вооружении Второй Ленинградской артиллерийской школы (бывшего Михайловского

императорского артиллерийского училища). Захоронили Кирова в Кремлевской стене. Поминки были устроены в квартире Сталина в здании бывшего Сената.

На поминках было видно, что Сталину тяжело от того, какое новое горе на него навалилось. На поминальном обеде он сказал речь. Говорил коротко, глухим голосом, не расправляя плечей, как бы сжавшись, ссутулившись, несколько раз заводил патефон с любимыми мелодиями Кирова. У всех присутствующих было очень подавленное настроение. И вдруг как будто Сталин воспрянул, поставив «Варяг» со словами: «Наверх, вы, товарищи, все по местам», а затем и «На сопках Маньчжурии» со словами: «Но верьте, еще мы за вас отомстим». Потом Сталин сказал, что наш дорогой товарищ Киров был оптимистом, жизнерадостным человеком, если мы будем плакать, если мы будем распускать сопли (я хорошо помню именно это слово. — А.С.), то этим мы оскорбим память нашего дорогого друга. Горю — конец. Начинаем снова работать. В тяжелом труде будем с радостью продолжать наше общее дело. Это будет лучшей памятью дорогому товарищу Кирову. Дорогой товарищ Киров без страха шел на борьбу, он знал, что исход в борьбе может быть и таким лично для него, но он был уверен в нашей победе и без колебаний готов был отдать за это свою жизнь. Вытряхнем наше горе, подтвердим его уверенность в нашей победе.

В молчаливой паузе Сталин произнес слово «тризна», повторив его за словами песни «На сопках Маньчжурии»: «Справим кровавую тризну». Эта песня как одна из любимых Кировым тоже звучала на поминках.

Затем Сталин стал вспоминать эпизоды, связанные с Кировым. Среди них были и забавные. Напряжение обстановки несколько смягчилось, мрачность настроения тихонько шла на убыль. Сталин вспомнил, как они с Кировым подшучивали друг над другом. Таким образом гнетущая атмосфера рассеялась. Сталин это делал необыкновенно корректно. Здесь не было никакого кощунства над поминаемым. И в то же время все ощутили, что жизнь не остановилась, она идет дальше. А ведь ему было труднее и тяжелее других, потому что он потерял ближайшего друга и бесценного помощника.

А потом, позднее, объяснил нам с Василием, что значит незнакомое нам слово «тризна» из песни «На сопках Маньчжурии».

Детдом

Как-то за обедом Елена Юрьевна обратилась ко мне: «А Вы знаете, что мама Артема, Елизавета Львовна, и жена Сталина, Надежда Сергеевна, были содиректорами детского дома для детей правительства? Там и Артем с

Василием воспитывались. Вместе с ними там воспитывались настоящие бездомные дети. У нас есть фотографии. Думаю, об этом тоже нужно рассказать». Елена Юрьевна принесла фотографии, показывала их с комментариями: «Вот это — Артем, это — Вася Сталин, это Тима Фрунзе, вот Таня Фрунзе, вот Женя Курский». На фотографиях милейшие карапузы лет 4—5. Вот они что-то мастерят перед поддоном с глиной, очевидно. Мордахи еще более умилительны сосредоточенными выражениями: словно детей оторвали от важного дела (да так оно и есть!), попросив посмотреть в камеру, и они недовольно глядят, чтобы через мгновение вновь заняться своим важным и нужным делом — лепкой куличиков.

А вот те же персоны, тоже очень серьезные, выстроились для фотографирования. Нарядились по случаю кто как мог: на Артеме буденовка, подарок Фрунзе, какой-то мальчик в металлической каске, напоминающей пожарную. Вася в своей шапке похож на пасечника. Не поймешь, кто сын или дочь члена советского правительства, а кто бывший беспризорный: все одинаково одеты, у всех короткие стрижки.

Е.Г.: Что это был за детский дом, и чем была вызвана необходимость его создания?

А.С.: В марте 1918 года советское правительство, как известно, переехало из Петрограда в Москву. На новом месте правительство нужно было обустроить: народу много, у всех дети. Первоначально людей расселили по гостиницам «Националь», «Метрополь», в доходный дом на улице Грановского (сейчас Романов переулок), а затем потихонечку начали устраивать и Кремль. О детях надо было заботиться, а времени у родителей не хватало катастрофически: невозможно было уделять достаточное внимание семьям. Были дети и погибших руководителей партии, и здравствующих, которые работали день и ночь: не «от и до», а до тех пор, когда все сделано. А поскольку всего никогда не переделать, только-только успевали забежать в столовую перекусить там же, в Кремле.

И решено было для детей руководителей страны организовать детский дом. По этому поводу есть решение секретаря президиума ВЦИК Енукидзе, подлинный документ хранится у нас: создать детский дом, соучредителями назначить Надежду Сергеевну Аллилуеву и Елизавету Львовну Сергееву, мою маму. Под этот детский дом передали особняк Рябушинского, где в то время какое-то учреждение находилось. Учреждение переехало, здание передали детям. Дети были от 2,5 лет до школьного возраста 6—7 лет.

Решили так: чтобы не растить детскую элиту, взять 25 детей руководителей партии — живых или погибших — и 25 детей-беспризорников. Прямо из асфальтовых котлов их достали, привели, раздели, одежду сожгли, детей помыли. Одели их в ту смену белья и одежды, что была у детей, имеющих родителей.

В детдоме воспитывался Василий Сталин, сын наркома юстиции Курского Женья, дети Цюрупы, в гости приходил сын Свердлова Андрей. Детей я многих помню по именам, а кто чей сын-дочь, нам, детям, было неважно.

Е.Г.: *Как воспитывали, чему учили детей в этом детдоме?*

А.С.: Воспитывали нас там весьма идеологизированно: богатство — это плохо, бедность — не порок. Кто не работает — это плохо, кто работает — это хорошо. Есть у человека дом — это хорошо, но у многих дома нет, и нужно всегда делиться тем, что у тебя есть, с тем, у кого нет. И у кого есть дом, на воскресенье мог идти к семье, но надо с собой взять того, у кого дома нет.

Нам читали много книг, учили буквы разбирать. Мы любили рисовать и охотно это делали: на 8 марта всем мамам готовили рисунки. В песочнице что-то лепили. Давали нам кусочки, отколотые от дров, и мы из них пытались поделки мастерить. Как-то мы сделали из пустых ящиков пароход, который потом подарили другому детскому дому: повезли, ужасно гордые, что мы дарим пароход, вручили. Нам прививали любовь к труду: самое большое поощрение — если тебе доверяли более сложное дело, больший труд.

Воспитывали любовь к родителям и старшим. Тех, у кого не было родителей, обязательно брали к себе те, у кого они были, и к этим родителям шли с подарками: рисунком, поделкой. Вырезали кораблик из коры, например. Мы очень любили делать корабли из дерева, коры. Втыкали какую-то мачту, радовались.

Так мы жили с осени 1923 до весны 1927 года. Весной 1927 года наш детдом закрыли. Воспитанники выросли, пошли в школы, сирот распределили по другим домам и интернатам, Тимура и Таню Фрунзе взял к себе Ворошилов.

Об этом детском доме у всех его воспитанников остались самые лучшие воспоминания. Там воспитание было хорошее, весьма патриотичное.

Приведу пример. Нам делали прививки, уколы, ставил их доктор по фамилии Натансон. Естественно, мы страшно не любили эти процедуры, прятались от них и решили: когда мы вырастем — убьем Натансона. Очевидно, наши коварные планы стали известны, и, испугавшись таких угроз или решив, что это не тот метод, который тут необходим, сменили доктора. Новый ничего не говорил, но нам было объявлено, что теперь всем подряд уколов делать не

будут, а лишь тем, кто пойдет в армию. Красноармейцу нужны прививки, а остальным делать не будут. И тут понеслись все наперегонки, девочки и мальчики, на укол с криками: «И мне укол! И мне укол!» — «А зачем тебе укол?» — спрашивают. — «А я хочу в армию, быть красноармейцем!»

Пытались мы там сами мыть посуду: становились для этого в очередь, все стремились выполнять и такую работу, как расставлять посуду на стол перед едой. Конечно, от того момента, как начинали накрывать, до того, как тарелки оказывались на столе, их количество убавлялось: мы просто вырывали их друг у друга, каждый хотел нести, расставлять — рвались работать. В итоге тарелки оказывались на полу. Поскольку потери тарелок были значительны, решили ввести дежурства, чтобы избежать споров из-за возможности поработать. Были у нас всякие щеточки для чистки и мытья полов, мы, как могли, старались убираться. Баловства там никакого не было, и самое главное, за что нужно было бороться, — за право работать. Это было почетно — что тебе доверили работу. Конечно, весьма посильную: накрыть стол, пол подмести, стульчики расставить.

Отучали нас капризничать: накрыто, все по команде сели, а время вышло — всем встать, кто не доел — тарелку все равно забирают и уносят. После этого мы стали есть гораздо быстрее, а не капризничать: иначе унесут, останешься голодным по своей вине. И если раньше кому-то какое-то кушанье не нравилось, то тут вдруг оказалось, что все любят все и с аппетитом едят. А пища была самая простая.

Дети в детдом и прибывали, и убывали. Но ротация была небольшая: например, родители по службе уезжали далеко и увозили с собой детей. Или кто-то приезжал на работу в Москву. Ну, а поскольку у беспризорников не было родителей, то они там находились постоянно и как завсегдатаи принимали вновь прибывающих. Это все дружно делали. Например, когда умер Михаил Васильевич Фрунзе, а вскоре и его жена, то их дети, Тимур и Таня, пришли в наш детский дом. Нам сказали, что придут Танечка и Тимочка. А когда они пришли, мы никак не могли понять: кто же Танечка, а кто Тимочка. Потом сказали: побольше — Танечка, поменьше — Тимочка. И Танечка ходит в платьице, а Тимочка — в штанишках.

За городом у детдома была дача, при ней небольшой огородик, где мы тоже ковырялись: после смерти моего отца матери дали дачу в деревне Дунино около Звенигорода, там наши родственники раз отдыхали недолго, а потом мама эту дачу передала детдому. И летом мы там жили: есть фотография, где мы на грузовике уезжаем с этой дачи. Железная дорога была в пяти километрах, а так как нужно было с собой везти складные кровати, то нас везли

на грузовой машине, куда помещали имущество, на вещи усаживались все ребяташки. Устраивали так, чтобы никто не выпал, велели присматривать друг за другом, так и ездили.

Надежда Сергеевна и мама были содиректорами: они организовывали всю работу в детдоме, на них лежала вся ответственность. И если Надежда Сергеевна уезжала куда-то со Сталиным, то писала маме письма и телеграммы. Их много сохранилось: они касались и работы, и отдыха. Например, она с юга писала: Лиза, здесь груши стоят столько, виноград — столько, это мы можем себе позволить, а вот это — не можем. Сообщала, что на базаре лучше покупать, а что в других местах, чтобы подешевле.

Е.Г.: То есть такие письма относились к периоду, когда Сталин уже был руководителем страны?

А.С.: Да, письма датированы и 1925-м, 1926-м, 1927 годами, когда Сталин был уже главой государства. Мы с Василием Сталиным были аборигенами в этом детдоме: мы первые, кто туда попал. Первый раз меня мама повела за руку, мне два года с немногим было. Пришли, посмотрели. В следующий раз она уже взяла туда мой горшок — это означало, что меня оставляют в стационаре, со своим имуществом.

Помню, когда умер Ленин, мы ходили прощаться детдомом: был холод, и мы отморозили щеки, носы, потом нам их мазали гусиным жиром, и все прошло без следов. Осталось воспоминание и от Дома Союзов — как и что там выглядело, хотя мне и трех лет не было. И от похорон на Красной площади. Только я долго удивлялся: мы заходили с левой стороны от Спасской башни, а вход сейчас находится по центру. Потом понял: тогда, до постройки Мавзолея, был деревянный склеп, и вход в него был со стороны Спасской башни. Хорошо это все помню, и даже помню, что мы, дети, были очень огорчены, что умер Ленин.

В праздники — 1 мая, 7 ноября, в День Красной Армии и в День Парижской Коммуны (это тоже были большие праздники и демонстрации) — мы мастерили красочные гирлянды, флажки, затем приходила грузовая машина, мы набивались туда стоя, чтобы все поместились. Кто стоял у борта — держали флажки. И как-то у меня, когда я держал флажок, низко опустив, его отняли — дотянулись и вырвали. Это, конечно, была трагедия. Мне все очень сочувствовали, потом пришли к выводу: слишком низко держал — так флаг не держат; его надо кверху поднимать и держать высоко (Артем Федорович вскидывает руку, словно у него флаг) — наука мне. Нас возили по городу — праздничное катание. На демонстрации тоже водили, но недалеко, просто

чтобы почувствовать праздник. И это ощущение праздника, торжества, приподнятого настроения я помню до сих пор.

Помню наших воспитателей, служащих. Как-то во время голода из голодных мест с Поволжья к нам домой приехала женщина Анна Альбухина, у нее дети умерли. Она жила у нас, потом стала поварихой в детском доме, а затем какое-то время семье Сталина готовила.

Вообще повариха, прислуга — не было такого понятия и отношения. Было так: это наша тетя Аннушка. Мы жили дружно, домом, и тот или иной человек в доме имел те или иные обязанности. У Аннушки была в нашем доме комната, и когда детдом закрыли, а она еще не перешла к Сталину, она там продолжала жить. Сказали как-то, что она выходит замуж и будущий муж — торговец яблоками. А мне нравились яблоки сорта розмарин. И я её попросил сказать ему, чтобы торговал розмарином.

Еще повариха была Анна Степановна, которая затем работала в столовой в «Доме на набережной». У нее был сын Гаврюша, который тоже жил в детдоме у нас. Потом он работал на Мосфильме, мы встречались и после. И они к нам в гости приезжали.

К сожалению, нас, детдомовцев, очень выкосила война, после войны нас осталось мало. Мы поддерживали отношения, но и оставшихся разнесло по городам и весям. Мы держались, как бы сказать, общиной, что ли, как лицеисты, может. И всегда с теплотой и благодарностью вспоминали то время и наш детский дом на Малой Никитской, дом 6.

«Рублевские дети» войны

Подолгу Артем с мамой жили на даче в деревне Жуковка, где мама Артема Федоровича еще до войны, в 1937 году, приобрела домик. В самой Жуковке, соседних Усове, Барвихе, Горках с ними соседствовали разные люди. Артем Федорович рос здесь, многих знал и до войны, и после — тех, кто вернулся. «Рублевские дети» той поры и война — об этом наш разговор, идея которого принадлежит жене Артема Федоровича Елене Юрьевне. Звоню как-то в очередной раз, чтобы договориться о встрече, трубку берет Елена Юрьевна и, прежде чем передать её мужу, говорит: «Вы знаете, Катя, мне кажется, надо написать о детях правительства той поры, ведь Артем всех их знал, они дружили, общались. Невозможно смотреть телевизор! Говорят о какой-то золотой молодежи, показывая Рублевку. Да какая она золотая?! Надо рассказать о той поре. Ведь нынешние правители отгораживаются от народа и

отгораживают своих детей заборами и прочими средствами. А те были плотью от плоти народа и целиком разделили его участь. О них надо рассказать!»

А.С.: В свое время по Рублевскому шоссе в сторону Успенского были государственные дачи, на которых жили некоторые руководители советского государства с семьями. Дач было не так много, не все даже были огорожены, а если и были заборы, то довольно скромные. И жизнь была как бы на виду. Мы, дети, и дачные, и деревенские, играли, дружили, знали друг друга и друг о друге.

Дальше всех, в Успенском, жил член Политбюро Николай Михайлович Шверник. Его дочь во время войны работала в военном госпитале.

Часто на рублево-успенских дачах бывал старый большевик Федор Никитич Самойлов, депутат IV Государственной Думы от фракции большевиков, рабочей курии, избранный в 1912 году, один из пяти депутатов-большевиков, которые в 1914-м были арестованы, судимы, сосланы в Сибирь. После революции он вернулся, активно работал, впоследствии был директором Музея революции. Его сын, инженер, с начала войны ушел на фронт в звании младшего лейтенанта, в конце 1941 года погиб.

Ближе была дача члена Политбюро, секретаря ЦК партии Андрея Андреевича Андреева. Его сын был бортинженером дальнего бомбардировщика. Слава Богу, прилетел столько раз, сколько и улетал — жив остался. Его дочь, и ныне здравствующая Наталья Андреевна, работала в эвакогоспитале.

«Горки-4» — дача Сталина «Зубалово». Старший сын Сталина Яков 1907 года рождения — инженер-электрик, окончивший электромеханический факультет Института инженеров путей сообщения и железнодорожного транспорта. Он окончил и артиллерийскую академию, ушел на фронт, воевал. Он долго считался пропавшим без вести, потом якобы оказавшимся в плену. Но нет ни одного достоверного подлинного документа, свидетельствующего, что Яков был в плену. Вероятно, 16 июля 1941 года он был убит в бою. Думаю, немцы нашли при нем его документы и устроили такую игру с нашими соответствующими службами. Мне в то время пришлось быть в немецком тылу. Мы видели листовку, где якобы Яков с немецким офицером, который его допрашивает. А в моем партизанском отряде был профессиональный фотограф. Он на мой вопрос, каково его мнение: фальшивка это или нет, ничего сразу не сказал и лишь через день уверенно заявил: монтаж. И сейчас криминалистическая экспертиза подтверждает, что все фотографии и тексты Якова якобы в плену — монтаж и фальшивка. Конечно, если бы Яков, как утверждали немцы, попал к ним, то они бы позаботились о достоверных

свидетельствах, а не предъявляли бы сомнительные: то фотографии размытые, то со спины, то сбоку. Свидетелей тоже в итоге ни одного не оказалось: то они знали Якова лишь по фотографиям, но в плену опознали его, то такие же несерьезные свидетельства. У немцев хватало тогда технических средств, чтобы и на киноплёнку снять, и на фото, и записать голос. Ничего этого нет. Таким образом, очевидно, что старший сын Сталина погиб в бою.

Василий — второй сын. После окончания Качинского военного летного училища он был направлен в боевую часть, вступившую в войну с самого начала, был тяжело ранен, после лечения вновь вернулся в боевой строй. Был награжден помимо других наград двумя орденами Боевого Красного Знамени.

Ближе к Москве, рядом с деревней Калчуга, «Горки-2». Там жили Ворошилов и Микоян. У Ворошилова в семье жил Тимур Фрунзе. Вскоре после смерти Михаила Васильевича Фрунзе умерла и его жена, и Тимур, оставшись круглым сиротой, жил, как и его сестра Таня, у Ворошилова. Тимур, летчик-истребитель, погиб в январе 1942 года, ему было 18 лет.

У Ворошилова часто гостил племянник, сын родной сестры Ворошилова Коля Щербаков. Окончив ускоренный курс артиллерийского училища в 1943 году, Николай ушел на фронт и в 1945 году погиб.

В Горках-2 жил, как уже сказано, и Микоян. У него было пятеро сыновей. Старший сын Степан — летчик-истребитель. В возрасте 19 лет был вдребезги разбит во время воздушного боя. Долго лежал в госпитале, благодаря великому хирургу Александру Николаевичу Бакулеву остался не только жив, но и способен к летной работе. Стал после войны летчиком-испытателем, как летчик-испытатель получил звание Героя Советского Союза. Сейчас Степан Анастасович Микоян — генерал-лейтенант авиации в отставке.

Второй сын Микояна Володя — летчик-истребитель. Погиб в сентябре 1942 года в воздушном бою. Было ему 18 лет и два месяца. Он — беспримерно храбрый воздушный боец, старший лейтенант, к моменту своей гибели уже награжденный орденом Красного Знамени. Меня в то время вызвали с фронта в Москву получать орден Красного Знамени. В это же время в Москве оказался Василий, прилетевший со Сталинградского фронта.

Как всегда, я позвонил Ашхен Лазаревне Микоян поздороваться, сказать, что я в Москве. Того же 18 сентября 1942 года звонит мне Ашхен Лазаревна и говорит: «Артем, я себе места не нахожу, мне так плохо, позвони, пожалуйста, Василию, он здесь, я не могу, я боюсь за Володю. Мне неудобно самой. Скажут: летчик воюет, а мать по начальству звонит. Пожалуйста, спроси у Василия, как Володя». Я сразу Василию: «Как у Володи дела?» Он отвечает,

что все в порядке. Мол, когда я улетаю, приказал до моего возвращения Володю в воздух не выпускать, так что все в порядке, жив-здоров.

А оказалось, что Володю в этот день выпустили, и он погиб. Именно в этот день, когда мне звонила Ашхен Лазаревна.

Оказывается, представитель Ставки по авиации Новиков был на их аэродроме. Видит, что Володя сидит очень грустный. Он у него спросил, как дела, поскольку знал его. Володя говорит, что какие тут могут быть дела — самолет не дают. Тот: «Кто не дает?» И как представитель Ставки приказал дать самолет.

Техником самолета был Або Шаракшане, по национальности бурят. В дальнейшем крупный ученый, академик, доктор наук, профессор, лауреат Государственной премии, ушедший из жизни в 2005 году. Або мне рассказывал, что Володя радостно кричит: «Або, готовь самолет, пошли сейчас». Потом у Микоянов я видел доклад командира полка Ивана Клещева, что произошло, что был за бой. Такие люди, как Тимур Фрунзе, Володя Микоян, Василий Сталин рвались в бой, их нужно было за штаны держать. Они не думали об опасности. Ну вот идет воздушный бой. Время вышло, нужно уходить, собирается ведущий уходить, а Володя зажег немецкий самолет и за ним кинулся. Потом Федор Федорович Прокопенко, их с Василием инструктор в летном училище, после воевавший с ними в полку, говорил: «Он летчик молодой, горячий, не смотрит, что сзади делается, а у него уже на хвосте «худой» сидит (так летчики называли «Мессершмитт-109»). И всё». Так он и погиб. Удивительно, как Ашхен Лазаревна это почувствовала.

Так и Тимур Фрунзе погиб, как Володя Микоян. Это не было безрассудство: у них желание уничтожить врага, напавшего на Родину, было выше заботы о собственной безопасности, и они просто кидались на немца, заведя его.

Кстати, и с Василием Сталиным был схожий случай. И в этой ситуации его буквально спас от смерти Федор Прокопенко. Та же ситуация: Василий кинулся за немецким самолетом, ни о чем не думая, а только о том, чтобы убить врага, и не смотрит, что у него на хвосте уже другой немец сидит. Это гробовое положение — верная смерть! А Федор Федорович того буквально грудью с хвоста у Василия выдавил, показывая, что идет на таран. Когда сели, на Василия накнулись свои же летчики, материли его! — Прокопенко говорил. Были ужасно злы на него за такое поведение в бою. Василию сказали: «Ты — командир полка, но не только командир. У тебя фамилия, которую ты тоже должен защищать. Ты не должен так безоглядно бросаться». А тот только улыбался виновато и подарил потом фотографию своему спасителю с

надписью «Федору Федоровичу Прокопенко. Спасибо за жизнь. Жизнь — это Родина».

Еще один сын Микояна, Алексей Микоян, 1925 года рождения, летчик-истребитель, успел не только повоевать, но и к 1945 году сильно разбитый лежал в госпитале. Он был генерал-лейтенантом авиации в отставке, умер в возрасте 60 лет.

Четвертый сын, Иван, по возрасту летать еще не мог, но, будучи совсем мальчиком, стал механиком-мотористом в боевом полку, где летали его старшие братья: он им готовил машины для полетов, а плохая подготовка могла плохо кончиться для летчика. И он отвечал таким образом в какой-то мере за жизнь собственных братьев и остальных летчиков. Затем Иван Анастасович стал крупным военно-авиационным инженером.

Михаил Максимович Кульков, имевший дачу неподалеку в Усове, был секретарем Московского комитета партии. У него было два сына. Старший, Саша, 1918 года рождения, в бою потерял ногу. Второй сын, Борис, 1922 года рождения, пропал без вести в самом начале войны. Вероятнее всего погиб, а похоронить, сделать соответствующую запись в начале войны было очень сложно: противник наступал быстро. И штабам вести соответствующую переписку было очень трудно. Борис, повторяю, скорее всего, погиб.

В Усове жил Хрущев. Его сын Леонид, летчик-бомбардировщик, в 1941 году был тяжело ранен. После выздоровления стал летчиком-истребителем, погиб в 1943 году в воздушном бою.

Далее дача, где жил нарком лесного хозяйства и его первый заместитель Рудаков. У него был сын Игорь Рудаков. Он погиб в бою.

У первого заместителя министра судостроительной промышленности Разина сын был пулеметчиком, тяжело ранен, и в течение первых восьми месяцев после ранения было мало надежды на выздоровление.

В Барвихе была дача, где с семьей жил начальник главного управления авиационной промышленности Петр Ионович Баранов. Сам Баранов погиб в 1933 году в автокатастрофе, а его сын Юра совсем молодым погиб во время войны.

Похоронки получили многие семьи, жившие тогда по Рублевскому шоссе.

Е.Г.: Сын Сталина, сыновья Микояна были летчиками, Вы — артиллерист. На ваш выбор влияли отцы?

А.С.: Отцы влияли, но не уговорами, не требованиями, а примером и пониманием: отцы установили советскую власть, отцы создали великий Советский Союз, и святая обязанность их детей сохранить то, что создали

отцы, — СССР. Было совершенно ясно, что война приближается, и надо будет защищать Родину от врагов. Когда я в 1938 году пришел в военное училище, комиссар училища — полковой комиссар Емельян Алексеевич Лисичкин — собрав нас, буквально пропел строки песни, популярные в то время: «И на вражьей земле мы врага разобьем малой кровью, могучим ударом». А дальше объяснил: «Это не для нас, военных, а для домохозяек, чтобы они раньше времени не волновались. А для вас скажу: современная война может длиться даже и пять лет. Может, и меньше».

Каждый директор предприятия тогда имел пакет с пятью сургучными печатями. Он был вложен в другой пакет, тоже опечатанный. Это так называемый «мобилизационный пакет». Директор мог его раскрыть только при чрезвычайном положении. А там написано, что делать в случае войны. Моя мама была директором текстильного комбината. У нее такой пакет был уже в 1937 году. В этих пакетах было расписано, кто и где готовит себе базу: кто уходит на Волгу, кто уходит на Урал, кто за Урал, кто каким видом продукции будет заниматься во время войны.

В 1937 году были созданы специализированные военизированные школы-десятилетки. Это был 8-й, 9-й, 10-й класс, туда принимали мальчиков с крепким здоровьем и хорошей успеваемостью. Школы готовили молодежь к поступлению в военные училища. Они выпустили тысячи юношей, которые затем шли в военные училища. Я очень хотел быть летчиком, но школы были объявлены артиллерийскими, было заявление Сталина о необходимости и значении артиллерии. Был и лозунг ЦК комсомола «Молодежь — в артиллерию». И когда объявили, что специализированные школы будут артиллерийскими (было еще две авиационных и одна морская), то я несколько дней страдал, потом понял: раз сказано — в артиллерию, значит, так надо. Я, член комсомола, гражданин своей страны, знал, что должен выполнить ту задачу, которая поставлена. Не как я хочу, а как нужно стране.

Да, кое-кому было разрешено из этих школ пойти в летные училища: например, Василий Сталин пошел в летное училище после 9 класса. Это и было его привилегией, такая привилегия была и у Тимура Фрунзе. Привилегия драться в бою. А ведь летчик дерется в открытом бою напрямую с противником.

После ранений у меня были документы ограниченной воинской годности. Но мысль о том, что я могу остаться в тылу, не участвовать в бою, когда идут сражения за Родину, приводила в дрожь. Когда после ранения я снова приехал в декабре 1941 года под Нарофоминск, зашел в блиндаж, где были мои солдаты, то мне стало жутко: неужели я мог бы сюда не попасть? Меня могли и

в тыл загнать. А здесь я среди своих, я выполняю свой долг, делаю то, что мне положено, никто не может меня упрекнуть, и я сам себя, что делаю что-то не то.

Е.Г.: *В каком году Вы вступили в коммунистическую партию, в каком году вступил в партию Василий Сталин?*

А.С.: Я вступил в 1940 году, будучи курсантом 2-го Ленинградского артиллерийского училища (в прошлом Михайловское императорское артиллерийское училище, образованное в 1825 году). И Василий тоже вступил в 1940 году, курсантом Качинского военного училища летчиков.

Е.Г.: *Был ли Сталин горд, что его сыновья воевали? Ваша мама, Елизавета Львовна, была этим горда?*

А.С.: Безусловно. Они не могли представить, что может быть иначе. Мама знала, что я буду военным. Была неясность только с родом войск. Когда мы поступали в военную школу, там нужны были высокие оценки. И мы переживали, делились, кто как будет поступать. Тимур Фрунзе был рыцарь такой, он обладал рыцарским благородством и хорошо учился, он знал, что пройдет; Степан Микоян тоже. А Василий ужасно боялся, что его из-за отметок не примут. Что же тогда отцу сказать: что не приняли из-за отметок? Что отец скажет? Вот где был страх — не примут в военную школу. Стыд! Перед отцом стыд! А как отцу будет стыдно и неприятно, что его сына не берут в армию! Кого же он тогда воспитал?

И наши родители гордились, что мы, сыновья, защищаем страну. «Золотая молодежь», как порой называют детей определенных родителей, тогда была золотой по личным качествам — защитники Родины. Ответственность за Родину у нас и наших родителей была колоссальная. Мы даже не думали о том, что могут убить, не боялись этого. Война есть война, всякое бывает. Но ты должен защитить Родину всеми средствами, включая собственную жизнь. Никаких сомнений в этом ни у нас, ни у наших родителей не было.

P.S. Артем Федорович Сергеев начал войну лейтенантом, командиром артиллерийской батареи, закончил подполковником, командиром артиллерийской бригады. Был четырежды ранен. Во время войны награжден 7 орденами и 6 медалями.

Искусство, спорт

Артем Федорович в своем возрасте находится в прекрасной физической форме: чувствуется закалка, он подтянут, точен в движениях. У них с Еленой Юрьевной немало друзей и знакомых среди деятелей культуры и искусства: с Леонидом Коганом, Эмилем Гиллельсом Артем Федорович дружил десятилетиями. У Сергеевых большая библиотека, где немало книг по искусству. А каким было в семье Сталина отношение к искусству, спорту?

А.С.: Сталин не увлекался одной какой-то темой, он был человеком всесторонним. И когда шел о чём-то разговор, то по ходу приобретал широкое звучание, круг тем брался обширный, охватывались сразу многие проблемы, беседа, таким образом, касалась не только этой темы, происходило не узкое освещение какого-то вопроса, но обсуждение касалось и того, что вокруг, что влияло, помогало, что, может быть, мешало.

У Сталина была прекрасная память. Он много читал, и первый вопрос, который задавал при встрече: что ты сегодня читаешь, о чем там написано, кто автор? Нужно было на его вопрос ответить: о чем читаешь, кто автор; обязательно — откуда он. Думаю, он неплохо разбирался в искусстве и подходил к произведению и с точки зрения мастерства, и с классово-социальной точки зрения: с каких позиций написано. Он с нами на эти темы беседовал. Сталин говорил: «У нас много прекрасных историков, писателей, но человек пишет так, как он видит, понимает и чувствует. Он не может быть абсолютно объективным. Если человек вышел из среды рабочих, то главный упор у него — на работу и жизнь именно рабочих, а другие классы им освещаются меньше, потому что он жизнь рабочих знает лучше. Человек из крестьянской среды лучше напишет о жизни, положении крестьян. Настоящий писатель хочет написать лучше, а лучше он напишет о том, что сам пережил, сам лучше знает».

Например, он нас с Василием посылал в театр, именно посылал и говорил: «Посмотрите такой-то спектакль». А после просмотра спрашивал: что там, о чём, кто автор? Как-то мы были в Сочи. Тогда еще не было сочинского Большого театра, а театральные постановки осуществлялись в небольшом зрительном театральном зале в Ривьере, и гастролирующие театры выступали там же. Мы смотрели пьесу «Исторический замок», поставленную Театром Революции, ныне имени Маяковского. Я попытался рассказать, о чем спектакль. Сталин спрашивает: «Кто автор?» А я ответить не мог. Он,

укоризненно покачав головой, сказал: «Эх ты, деревня!» И после секундной паузы добавил: «Не коллективизированная».

Он всегда думал о важном и первостепенном в происходящей жизни. Например, я рассказывал ему, как возник колхоз в деревне Усово, это становление происходило у меня на глазах. Сталин очень интересовался: «А кто председатель? А сколько дворов? О чем говорили? Есть ли трактор и другая техника?» Живо расспрашивал и заинтересованно выслушивал.

До этого мы с матерью жили на Кавказе. В 1928—1929 годах, до начала 1930 года, мать занималась вопросами коллективизации Вольного аула и селения Актопрак около города Нальчика. Сталин расспрашивал: «Если ты слышал, знаешь, кто руководит, сколько людей, о чем они говорят, как они идут в колхоз, какие разговоры вокруг этого, что об этом думают люди, — расскажи».

Пытаются нынче талдычить, что он был оторван от жизни, от народа. Это неправда. Он всегда живо и больше всего интересовался делом, людьми в настоящем деле. Такие разговоры о конкретных людях и делах были у нас с ним не раз, допустим, о шахтерах. Он нам рассказывал о Никите Изотове, о том, что это человек, много и хорошо работающий.

Е.Г.: *А книги для чтения Сталин выбирал сам или ориентировался на вкусы друзей, соратников?*

А.С.: Сам. Книги выбирал сам. Он просматривал и прочитывал огромное количество литературы. Я сам не считал — сколько, но видел, что с утра до ночи он работает, видел, что он постоянно что-то пишет, читает. Ему подносят, уносят документы. Был комиссар артиллерийского управления Георгий Савченко, который знал еще родителей Сталина, знал его самого хорошо и близко. У него написано, что Сталин в день просматривает около 500 страниц. Думаю, так оно и есть.

Е.Г.: *Это художественная литература или научная?*

А.С.: Разная. Он никогда не ограничивал себя каким-то кругом авторов, а брал все и из всего делал выводы: кто есть кто, что есть что, из чего и как можно сделать что-то на пользу советскому государству.

Е.Г.: *Бывали ли в доме гости — деятели искусства?*

А.С.: При мне нет. А вообще бывали. Я помню только, как кинорежиссер Чиаурели приходил.

Е.Г.: Он был просто в гостях, или это был официальный визит к главе государства?

А.С.: Когда к Сталину в дом приходили люди по работе или просто в гости (но так или иначе это всегда было связано с работой), то приходили просто в хороший дом хорошего человека. У них при этом шел серьезный разговор, интересный всем. И, безусловно, это было полезное общение для всех присутствующих. Сейчас некоторые утверждают, хотят уверить, что если люди шли к Сталину, то чуть ли не на Голгофу. А если не на Голгофу к нему, то от него уходили на нее. Это ложь! Совершенно не так! Люди приходили, и шли интереснейшие, серьезнейшие разговоры. Причем никогда серьезность, значимость этих разговоров не была окрашена в мрачный тон какого-то допроса, требования, не было жестких рамок. Сталин всегда мог раскрыть человека, именно раскрыть, чтобы понять того. Он старался понимать людей, их мировоззрение. Например, так было, когда он говорил о белой армии. Он никогда к деятелям противной стороны, как мне казалось, не относился определенно и безусловно как к врагам. Да, были враги, были классовые враги, а были люди случайные, и Сталин зачастую говорил: «Как жалко, что люди, которые вышли из народа, оказались с другой стороны, предав народ и его интересы. А почему на той стороне? Многие по своим убеждениям, потому что они попали в чуждую среду, в чуждый им класс, получили там воспитание, материальное благополучие. Многие по традиции, потому что понимание чести и совести требовало. Они не осознавали, что заблуждались, они поверхностно на что-то смотрели, не понимая, что своему классу и народу они изменяли как раз таким образом. Были и злобные люди, защищавшие свой строй, порядок, традиции, имущественное положение. А многие оказались на той стороне не в силу убеждений, но по причинам чисто территориальным: движение шло там, человек оказался там и в том стане». Он нам это в разговорах объяснял.

Е.Г.: При Сталине было мощное движение по ликвидации безграмотности, открывались библиотеки, кружки, театры. Видимо, он считал, что через искусство можно перевоспитать, сделать нового человека?

А.С.: Я не слышал такого нарочитого специального разговора о перековке какой-то. Он склонялся к тому, что у человека должны быть и, как правило, есть убеждения. Кого-то можно переубедить, кого-то нельзя. И с этим надо считаться и иметь в виду.

Е.Г.: Сталинские премии в области искусства были, скажем современным языком, престижны и авторитетны. Их присуждение было инициативой Сталина, или он поддержал чью-то?

А.С.: Деталей я не знаю, как все это задумывалось. Но, как известно, это деньги его, его инициатива. Как правило, он определял, кому дать премию. А деньги шли из гонорара за миллионные тиражи его трудов. Он как таковых денег не держал, а распределял, куда они должны пойти. Надо отметить, что все свои труды он писал сам. Писал обычно от руки. Не в тетрадях, а на листочках. Ему приносили запрашиваемые им документы, материалы. Он был обложен книгами, газетами, брошюрами, просматривал материалы, сразу же писал. Написанное определялось по местам, куда пойдет: что-то в прессу, что-то в архив, что-то в качестве рекомендаций, а что-то было строго секретно с длительным сроком хранения. Что-то было в одном экземпляре, что-то в нескольких, а потом все экземпляры, кроме одного, нужно было уничтожить. Он сам всегда определял расчет рассылки. И при всем обилии материалов у Сталина на рабочем столе всегда был строгий порядок.

Е.Г.: *Какие жанры, виды искусства он особенно любил, в чем это проявлялось? Были у него любимые актеры, певцы, писатели?*

А.С.: Да, надо сказать, он любил кино. Фильмы Эйзенштейна, Александрова очень нравились ему, любил и ценил, как играет Орлова. Бывал в Большом театре нередко. Нравилась ему «Псковитянка», «Царская невеста». Понравилась ему опера «Хованщина»: музыка, постановка. После спектакля, когда собрались в комнате за театральной ложей, он похвалил постановку, с исторической точки зрения оценил оперу, объяснил, что явилось мотивом её написания.

Нравилась Сталину балерина Марина Семенова. На 17-летие Советской власти 6 ноября было торжественное собрание и концерт, среди многих номеров прекрасно, с блеском Семенова исполняла «Кавказский танец». Танцевала в светло-серой черкеске и каракулевой светло-серой «кубанке», и когда она последним жестом сдергивала «кубанку» с головы, у нее по плечам рассыпались белокурые волосы. Впечатление на зрителей это производило огромное, все кричали «браво», «бис». Семенова не повторяла номер, но пришла поклониться к левой ложе, где сидел Сталин (прямо над оркестровой ямой почти у самой сцены). Все кричали «бис», Сталин наклонился к балерине, что-то ей сказал, может, слова поощрения. Она кивнула, дала в оркестр какой-то знак жестом и повторила танец. Затем, после концерта, все собрались в комнате за этой ложей, обменивались мнениями, и я слышал, как Сталин сказал: «А Семенова лучше всех».

Он любил то, как мне кажется, из чего можно извлечь пользу для его дела, его государства, для проводимой им политики, что могло принести

наибольшую пользу и дать наивысший эффект. Да, любил кино, артистов. К примеру, был народный артист СССР Алексей Дикий. Я много разговаривал с его сыном, тоже артистом. Его дом был — сплошная богема при абсолютной простоте и даже скудости. На столе водка и совершенно простейшая закуска. Так вот, он рассказывал, что после того, как Дикий сыграл Сталина в фильме, Сталин его пригласил, они беседовали. Сталин спросил: «А каким Вы играли товарища Сталина?» На что артист ответил: «Я играл товарища Сталина таким, каким его видит народ». Сталин сказал: «Да». Взял со стола бутылку коньяка, протянул её артисту и сказал: «А это Вам за ответ». Он понимал, что он не Бог, а человек.

Е.Г.: Но, думается, Сталин понимал, что люди в нем видят идеал. Было ли ему, на Ваш взгляд, трудно соответствовать этому идеалу?

А.С.: Соответствовать народному идеалу в полном объеме, когда он был на людях, — это одно. Было много писателей, журналистов, ответработников, которые могли формировать его образ. Он все это очень хорошо понимал. Взять его разговор с Фейхтвангером⁸. Тот говорил, что образуется культ: куда ни помотришь — везде Сталин. Сталин на это сказал примерно так: люди должны во что-то верить. Царя нет, Бога отняли, а верить во что-то надо.

Е.Г.: В те времена был расцвет спорта, физической культуры. А сам Сталин занимался спортом в какой-то форме? Может, утреннюю гимнастику делал? То и дело слышишь о том, что у него одна рука была «сухая». Насколько это было заметно и было ли так вообще?

А.С.: Левая рука у него в локте до конца не разгибалась. Но если кто этого не знал, мог и не заметить. Потом говорили, мол, одна была короче. И по длине, и по объему руки были одинаковы — я общался очень близко, но не заметил разницы какой-то. Любил он «городки» и с удовольствием в них играл, бильярд любил, кегли с тяжелыми шарами. Сталин хорошо стрелял из пистолета, револьвера, винтовки, из охотничьего ружья. Он тренировался в стрельбе, пусть и не очень часто: ставил ружейную гильзу на парпетик и стрелял в нее из пистолета. Брал нагановскую гильзу и стрелял из малокалиберной винтовки. О-очень метко стрелял! Очень метко! И нам с Василием говорил: «Оружие надо знать, стрелять надо уметь». Под Нальчиком была дача «Затишье», где и я бывал часто, поскольку моя мать тогда работала директором санатория возле Нальчика на хуторе Долинском. Около этой дачи

⁸ Фейхтвангер Лион (1884—1958) — немецкий писатель. В конце 1936-го — начале 1937 гг. посетил СССР и был принят Сталиным. Пребыванию в СССР Фейхтвангер посвятил очерк «Москва, 1937».

было много черешень. Мы с Василием залазили на эти деревья, собирали черешню, ели. Очень сладкая она была. Мы с Василием, как и многие мальчишки, наверное, любили лазить по деревьям. В 1929 году летом на той даче были и Светлана, и Василий, и сам Сталин. Однажды Сталин спросил меня: «Ты стрелять умеешь? » Я ответил, что немножко умею. Он взял пневматическую винтовку немецкой фирмы «Диана», дал мне, поставил папиросную коробку, чтобы я в нее попал. Я попал. «Еще раз попади», — говорит. Попал. «Еще раз». Попал.

Тогда он взял спичечную коробку: «Попади». Попал. Сталин говорит: «Стрелять умеешь. Чтобы хорошо стрелять, надо постоянно тренироваться. Поэтому пневматическую винтовку «Диана» возьми себе и постоянно тренируйся». Тут же дал мне пульки — боеприпасы. Мне было 8 лет.

Е.Г.: Вы с Василием занимались в конной секции, на лыжах ходили. Это поощряли ваши родители?

А.С.: Мы очень любили кататься на лыжах, и особенно — кататься с гор. Тогда не было специальных лыжных креплений, катались в валенках, а на лыжах просто ремешок и резинка. И бились мы с Василием при этих катаниях здорово. Но мы знали: как бы сильно ни ушиблись, мы не должны жаловаться. И Сталин никогда не будет нам выговаривать, как другие иногда: «Ах, осторожней, берегитесь, не катайтесь». У него не было таких разговоров, излишней опеки. Сильные ушибы у нас были: и прихрамывали, и ходили с синяками, шишками, но знали, что нам ничего не будет, если Сталин увидит, а будет плохо, если пожалуемся. Без падений в этом деле не обойтись, без них не будет успехов. И если ты на лошади едешь — тоже. Сам он в детстве ездил верхом и тоже бился. Он говорил, ты при этом не должен жаловаться. Мы это знали и усвоили очень хорошо: ты должен делать все хорошо, терпеть и не распускать нюни. Помню, когда появилась маленькая машина, микролитражный «форд», Сталин послал Лихачева Ивана Алексеевича за границу посмотреть и привезти машину, чтобы потом у нас выпускать на примере этой машины. И стали у нас перед войной выпускать малолитражные машины «КИМ» (коммунистический интернационал молодежи). Лихачев привез машину, которая на даче потом находилась. И только боялись, чтобы она на глаза Сталину не попадалась, чтобы не удивлялся, почему привезенная машина вдруг на даче оказалась. А она на заводе им уже не была нужна. Мы на ней ездили. За машиной — на лыжах. А дороги там — то лёд, то кое-где песок, которым посыпали лёд. Мы падали и сильно бились. Ездили довольно быстро и бились так, что в течение нескольких дней это чувствовалось. Но даже если кто-то прихрамывал, был синяк

или шишка, Сталин подтрунивал, но никогда он не делал замечания, что ты, дескать, неосторожен, дескать, надо беречься. Мы знали, что должны быть терпеливы, не жаловаться, идти смело и рисковать.

Е.Г.: *Вы сказали, что Сталин ездил верхом. Но говорят, что он боялся лошадей, поэтому, хотя сам хотел принимать Парад Победы, поручил это Жукову.*

А.С.: Полная чушь! Человек он был смелый, и предположения, что боялся чего-то там — глупость. Но он был и реалист, человек трезвых взглядов и оценок, в том числе себя и своих возможностей. Для того чтобы ездить верхом, нужно тренироваться, тратить много времени. А у него не было времени для личных дел. Подготовка к параду потребовала бы большого количества времени: Сталин должен был бы показать класс, а не служить посмешищем. Вообще верховая езда — дело непростое. Даже посадка на лошадь — нелегкая вещь: попробуйте-ка с земли забросить ногу в стремя! Настоящие наездники о Жукове говорят: классика. Его езда была настоящей классикой. Нельзя же уподобляться Булганину, которому был нужен самоходный теленок. Он один раз поехал верхом и на шею коня выскочил. Его уж там держали, чтоб не дай Бог... Прокатился! После этого к лошади уже не подходил. И уже не тот возраст был у Сталина, состояние, это он, конечно, понимал. Например, Лев Николаевич Толстой ездил верхом в весьма преклонном возрасте. В кинохронике его жизни можно увидеть, насколько он натренирован. Но Толстой постоянно ездил верхом, а Сталин этим не занимался постоянно. Конечно, никакого разговора о том, чтобы самому Сталину верхом принимать парад Победы даже быть не могло. И нынешние разговоры об этом — полная чушь!

Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко

Артем Федорович общался со многими видными людьми страны: с кем-то по службе, с кем-то по дружбе... Сам — государственный и патриот, человек насыщенный, разносторонний, даже на досуге, на отдыхе, в дружеском общении вольно или невольно говорит на темы глубинные, касающиеся жизни и деятельности страны. Артем Федорович хорошо знает историю, в том числе историю партии, он был очевидцем и активным участником многих событий. Например, он много раз виделся и подолгу беседовал с Пантелеймоном Кондратьевичем Пономаренко, бывшим первым секретарем ЦК КП Белоруссии, начальником центрального штаба партизанского движения, секретарем ЦК

КПСС. Предлагаем воспоминания Артема Федоровича о встречах и разговорах с ним.

Е.Г.: *Чем были вызваны Ваши встречи и беседы с П.К. Пономаренко?*

А.С.: В 1941 году мне пришлось некоторое время командовать партизанским отрядом на территории Белоруссии и в этой связи встречаться в тылу врага с Алексеем Канидиевичем Флегонтовым, который еще в 18-х—20-х годах был одним из руководителей партизанского движения на Дальнем Востоке, в Приморье. Летом 1941 года он был направлен в тыл врага, сначала в Смоленскую область, а потом в Белоруссию, поднимать и организовывать партизанское движение. У меня был зафиксирован каждый день нашей партизанской деятельности, в том числе работы с Флегонтовым, который принял мой отряд и назвал его оперативно-разведывательной группой. Сам он погиб в бою в марте 1943 года.

Когда в октябре 1944 года я был назначен командиром артиллерийской бригады, заканчивавшей формирование в Колодищах под Минском, я представил все это в виде доклада и передал его лично в руки находившемуся тогда в Минске Пантелеймону Кондратьевичу Пономаренко как начальнику центрального штаба партизанского движения.

Пономаренко поручил перепечатать этот доклад своему помощнику подполковнику Абрасимову Петру Андреевичу и дал мне 5-й машинописный экземпляр, который у меня до сих пор хранится.

После войны, узнав, что Пономаренко, находившийся тогда уже на пенсии, пишет книгу о партизанском движении и собирает материалы о партизанской работе армейцев, я приехал к нему на дачу в Переделкино, показал ему свой тогдашний доклад, и он на нем собственноручно сделал надпись «Начало партизанских дел Алексея Канидиевича Флегонтова». И подписал «Пономаренко», поставил дату. Этот экземпляр, отпечатанный еще в 1944 году, хранится у меня. После этой встречи мы с ним в дальнейшем неоднократно виделись и беседовали. Он много рассказывал о довоенных и военных делах в Белоруссии, о делах в нашей партии, о непорядочности, мстительности, злобности Хрущева, об очень большом вреде, который Хрущев нанес партии, Советскому Союзу, делу социализма и всему коммунистическому и рабочему движению в мире.

Приходя домой, я по памяти записывал наши беседы, поскольку Пономаренко был интереснейшим собеседником. А однажды я попросил: «Пантелеймон Кондратьевич, разрешите, я выну блокнот, чтобы записать то, что Вы говорите». Он ответил: «Давай». И я по ходу наших разговоров делал

заметки. Надо сказать, что это был очень умный, многоопытный, стойкий, бескомпромиссный, никогда не шатавшийся, не менявший своих убеждений большевик, человек, верный своим принципам, долгу, сделавший для людей много хорошего. Думаю, неслучайно Сталин в сложном 1938 году послал его, не самого руководящего работника ЦК, для избрания первым секретарем ЦК Белоруссии. Он его сделал руководителем республики. Он доверял ему и видел в нем человека, который будет правильно руководить после всех тех сложностей, что были. И это доверие, высокая оценка Сталина, данная самим этим назначением, надо полагать, полностью оправдались.

У меня многое связано с Белоруссией, к народу которой, к нынешнему руководителю страны Александру Григорьевичу Лукашенко питаю очень большое уважение.

Моя мама, Елизавета Львовна Сергеева, детство и юность провела в Гродно, там, буквально еще в детстве, вошла в революционное движение, вступила в коммунистическую партию (тогда РСДРП). Предки моей жены, Елены Юрьевны, родом из Уваровичей. В Уваровичах ее дедушка был земским врачом, а бабушка — акушеркой. С 3-го по 9-й класс я учился в московской школе № 32 имени Пантелеймона Николаевича Лепешинского, которую он, старый большевик, организовал в 1918 году в Литвиновичах. В 1919 году эта школа оттуда была переведена в Москву и получила здание бывшей гимназии во 2-м Обыденском переулке.

1-2 июля 1941 года я участвовал в жесточайшем оборонительном бою за город Борисов и переправу через реку Березина. Артиллерийская батарея, которой я командовал, понесла тяжелые потери и перестала существовать. Я стал командовать стрелковой ротой, которая прикрывала отход полка. Рота несла тяжелые потери, а 13 июля немцы по шоссе Минск—Москва и параллельным дорогам прорвались восточнее нас и замкнули кольцо в районе города Горки. Мы оказались в окружении. Начали пробиваться на восток к своим войскам, действуя уже партизанскими методами.

19 июля в деревне Кривцы, что в 10—12 километрах от города Горки, меня неожиданно, именно неожиданно, схватили немцы. Ночь провел в наспех созданном полевом концлагере около города Горки. Затем был в тюрьме города Орша. 23 июля я сумел бежать. Эти дни были для меня тяжелейшим испытанием и неповторимой школой, которую я получил на белорусской земле. После побега я собрал небольшой отряд из офицеров и сержантов, оказавшихся в окружении. Мы начали действовать как партизанский отряд. А встретившись с Алексеем Канидиевичем Флегонтовым, стали его оперативно-разведывательным отрядом. В сентябре я был ранен и переправлен в тыл.

После участия в Сталинградской битве и боев на Северо-Западном фронте с конца 1943 года снова воевал в Белоруссии, командовал артиллерийским полком. Участвовал в форсировании реки Днепр, а далее в операции «Багратион», дошел до Слуцка. Наш 554-й артиллерийский полк участвовал в освобождении города Рогачев, был награжден орденом Красного Знамени и получил наименование «Рогачевский», а я через годы был удостоен звания «Почетный гражданин города Рогачев», с которым до сих пор не теряю связи. Это все глубоко связало меня с Белоруссией

Е.Г.: *О чем были ваши беседы?*

А.С.: Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко мне рассказывал о своей работе в Белоруссии. В частности, говорил, почему Сталин его послал туда. Это было в 1938 году. Иосиф Виссарионович дал ему четкие указания: прекратить репрессии. Сталин сказал: «Чего они добиваются? Что им нужно? Там так много людей пострадало — и до сих пор репрессии продолжаются. Уже был пленум ЦК партии по этому вопросу (пленум проходил в январе 1938 года). А они не унимаются. Поезжайте, наведите порядок — остановите репрессии».

Пономаренко спросил: «А как это сделать?» Сталин посоветовал: «Идите в тюрьму. Берите дела, знакомьтесь с ними, вызывайте осужденного, выслушайте его, и если считаете, что он осужден незаслуженно, то открывайте двери — и пусть идет домой».

Пономаренко ответил: «Но, товарищ Сталин, там местные органы и разные ведомства могут быть недовольны моими действиями и воспротивиться».

Сталин подтвердил, что, конечно, не для того они сажали, чтобы кто-то пришел и выпустил. Но ведомств много, а первый секретарь ЦК один. И если не поймут, поясните им это. От того, как Вы себя поставите, будет зависеть Ваш авторитет и успешность работы.

Пантелеймон Кондратьевич по прибытии на место, как и посоветовал Сталин, пошел в тюрьму, запросил дела. И стал осужденных вызывать к себе по одному. Ну, вот такие, например, были заключенные. В деле одного говорится: «Неоднократно нелегально переходил государственную границу». Да, формально — действительно. Поскольку, когда в 20-м году произошел передел границ, белорусское местечко оказалось разделенным на польскую и нашу части. Семьи некоторые даже оказались разделены. Этот в то время осужденный гражданин гнал хороший самогон. А на польской стороне — сухой закон. За самогоном к нему приходили с польской стороны, в том числе известные люди, среди которых полковник Бек (потом он стал министром

иностранных дел Польши), Рыдз Смиглы, маршал. И если хорошо наугощаются, то и ночевать оставались. А иногда он сам носил им самогон, пересекая, таким образом, государственную границу.

Пономаренко, выслушав, ему говорит: «Иди домой. Прямо из кабинета — свободен». А мужик отказывается: «Как это иди? До дома далеко, мне надо сначала свою пайку получить. А это будет завтра утром. Что я, до деревни голодным должен добираться? Нет, я подожду пайку».

Ушел, когда получил свою пайку.

Еще один сиделец. Поэт. Написал поэму «Сталин». Начинается первая строка со слова на букву «В», вторая — на «О», третья — на «Ш». В результате — акrostих, получается, «Сталин — вош». Пономаренко отпускает его и говорит посадившим: «Вы — неграмотные люди. «Вошь» пишется с мягким знаком».

В итоге почти всех отпустил. Конечно, в местных органах и ведомствах были недовольные — это была их работа. Но Пантелеймон Кондратьевич сказал: «Решайте, по какую сторону тюремной стены вам больше нравится». Недовольные, видимо, быстро поняли, что это — не острословие, а предупреждение, и все пошло как надо.

Когда Пономаренко докладывал об этом на Политбюро, Сталин сказал: «Передайте товарищам наше сочувствие, а поэту скажите, пусть и о тараканах не забывает. Дураков у нас еще много».

Особенно усердствовавший в репрессиях Хрущев принял это, возможно, на свой счет. И, встав во главе государства, мстил тому и другому. В том числе за то, что дела у Пономаренко шли лучше, чем у Хрущева. И Пономаренко раньше Хрущева был избран секретарем ЦК ВКП(б). Что, конечно, очень сильно ударило по самолюбию Хрущева.

Это один из многих эпизодов работы Пономаренко в Белоруссии. До конца жизни он сохранил к Сталину самое высокое уважение. Очень его ценил, считал великим деятелем истории.

Семейное воспитание

Артем Федорович — человек редкой истинной интеллигентности, такта. Настоящий мужчина: с понятиями о чести по отношению к женщинам, Родине, готовностью всегда служить стране и защищать её от врагов, как уже делал и во время войны, и готов сейчас: от врагов государства. Хорошее воспитание чувствуется во всех действиях и поступках Артема Федоровича. Интересно узнать, в чем заключалось воспитание в семье Сталина.

Е.Г.: Какие разговоры велись в кругу семьи? При вас, детях, обсуждались происходящие в стране и мире события?

А.С.: Разговоры при нас велись в пределах допустимого и нашего понимания, а что мы не понимали, нам разъяснялось на соответствующем возрастном уровне. Никогда не было, чтобы нас гнали: «Выйдите!» Иногда мы сами понимали, что уже не время или просто надо выйти нам из-за стола и комнаты. Но многие вполне серьезные разговоры велись при нас. Иногда Сталин рассказывал мне о моем отце, с которым они дружили, говорил, что отец был настоящий сознательный большевик, никогда не колебался, не сомневался, был бесстрашный и очень стойкий, он глубоко и стратегически мыслил, понимал вопросы политики. Даже будучи в большом отрыве от страны, оказавшись в Австралии, не имея иногда прямой связи, принимал абсолютно правильные решения, которые не расходились с мнением Ленина здесь. Хотя слова «гордиться» в таких разговорах у нас не было в ходу, но, например, когда Сталин подарил мне книгу, подписал её: «Дружку моему Томику с пожеланиями ему вырасти сознательным, стойким и бесстрашным большевиком». Устно добавил: «Таким был твой отец, ты должен быть таким же». Вообще Томом меня дома звали потому, что моего отца, когда он был в Австралии, звали «большой Том».

Е.Г.: Каким было отношение Сталина к друзьям и детям погибших друзей?

А.С.: Да возьмите Патоличева. Отец Патоличева Семен Михайлович был командиром кавалерийской бригады Первой конной армии. Выдающимся командиром. Он погиб в бою. А сын был секретарь обкома, министр. Значит, он не забыл о Патоличеве.

Е.Г.: Как Сергей Яковлевич Аллилуев, тесть Сталина, относился к нему? Изменились ли их отношения после смерти Надежды Сергеевны?

А.С.: Отношения у них были очень хорошие, дружеские. Сталин относился к нему с большим уважением. И начались их отношения именно как друзей-единомышленников. С Сергеем Яковлевичем они были почти одногодками. Последние годы с начала тридцатых годов Сергей Яковлевич жил на даче в Зубалово. Сталин туда приезжал, навещал его. Когда они встречались, чувствовалось взаимное уважение и старая настоящая дружба. И даже, может быть, горе — смерть Надежды Сергеевны — их еще больше сплотило. Чувствовались уважительные человеческие взаимоотношения и родственные отношения — нормальные, очень светлые. И всякие разговоры, что кто-то кого-то в чем-то подозревал или упрекал... Никогда я этого не видел, не слышал и не чувствовал. Мы до последнего времени, до начала 40-х годов,

встречались с Сергеем Яковлевичем. У меня есть его письма, в частности, о том, что происходило с близкими ему и мне людьми, и даже фактически письмо-прощание Сергея Яковлевича, написанное им мне незадолго перед его смертью весной 1945 года. Он, видимо, чувствовал что-то и прощался со мной. А когда в первых числах ноября 1938 года (1-го или 3-го числа, запомнил) умер брат Надежды Сергеевны Павел Сергеевич, в это время Сергей Яковлевич был в Сочи. Он приехал. Мы с матерью были на похоронах. И он сказал моей матери при мне, я это слышал: «Лиза, Павлуша кому-то помешал».

Е.Г.: *Когда Вы впервые услышали домыслы, что Сталин жену убрал?*

А.С.: Когда появились переделщики—перестройщики—демократы, об этом стали много говорить. Тогда, после смерти Надежды Сергеевны, такие слухи тоже прошли. Но были короткими и быстро заглохли. Ну, а еще тогда ходили разговоры, что Сталин женился на дочери Кагановича. Но та была еще девочкой, в школе училась, потом замуж вышла. Так что ничего и близко не было.

Е.Г.: *Может быть, стиль Сталина в одежде — френч, сапоги — это дань непростому времени?*

А.С.: Эта форма — полувойсковая, такой стиль у него сохранился с довоенной поры. Сапоги — это кавказская привычка: на ногах чувяки или сапоги. Фуражку или шапку-ушанку носил. Дома ходил в холщовых брюках домашних, курточке полотняной, ее иногда снимал и оставался в рубашке хлопчатобумажной, похожей на солдатскую. В гражданском костюме я его никогда не видел. На отдыхе он в полотняном костюме ходил: тужурка застегивающаяся, иногда он её расстегивал, внизу — белая рубашка. Трудно было увидеть его в чём-то новом. Один раз, это было еще при Надежде Сергеевне, Сталин пришел домой, а там висит новая шинель. Увидев её, он спросил: «А где моя шинель?» Отвечают, мол, той уже нету. Тут он сразу вспылал: «За казенные деньги и счет можно каждую неделю шинели менять, а я бы в той еще год ходил, а потом спросили бы, нужна ли мне новая?» Выговор сделал серьезный. Он очень рачительно относился к средствам, которые шли на обеспечение его и его семьи, внимательно следил, чтобы не было никаких перерасходов и никчемных трат. Это привычка тех людей, которые считали партию и государство своим детищем. Когда мой отец, к примеру, ездил за рубеж, а это было нередко, мама рассказывала, с каким восторгом он говорил, сколько привез обратно валюты, не потратив.

Е.Г.: *Хотя выдавали, наверное, под завязку?*

А.С.: Думаю, знали: кто лишней копейки не потратит, тому больше можно дать, все равно привезет. После гибели отца не успели сдать оставшиеся у него то ли 50, то ли 150 долларов. И когда в Америку на лечение (у него были проблемы с кровью) поехал профессор Тутышкин — это первый нарком здравоохранения советской Украины, коммунист, друг отца, они знакомы были еще по 1905 году, — мать ему эти доллары отдала. Это были 1920-е годы. И я помню, как обрадовались, что есть эти деньги. Мать не собиралась тратить их на себя.

Е.Г.: *Надежда Сергеевна — молодая женщина, поневоле была всегда на виду. Как она одевалась?*

А.С.: Очень скромно, очень элегантно: как правило, темно-синий шерстяной жакет, темно-синяя юбка немного ниже колен и белая блузка, черные туфли-лодочки. Никаких украшений, никакой парфюмерии, косметики. На ней эта скромная одежда прекрасно смотрелась. Она мне казалась самой красивой женщиной, какая только есть, и одетое на ней казалось лучшим из всего, что может быть. Слово «модный» не было у нас в обиходе. Мне казалось — очень хорошо именно так одеваться: ничего лишнего, все элегантно. Она всегда была очень собрана, подобрана, аккуратна.

Сталин тоже был очень аккуратный человек. И не дай Бог он что-то просыпет — тут же сам и подберет. Она очень четкой в делах была. Для детей был определенный порядок, режим: и в еде, и в поведении, и в работе. Соблюдался четкий распорядок: во сколько нужно встать, когда что делать. Надежда Сергеевна требовала этого и следила за исполнением. Правда, в их доме соблюдать совершенно неукоснительно все не всегда удавалось, потому что если Сталин приходил немного раньше обычного домой, то для детей режим тут же нарушался, и начиналось общение с ним: какие-то вопросы, очень интересные разговоры, и не поучения, а рассказы о чём-то, обогащавшие память, кругозор. С его стороны при этом не проявлялось никакого нравоучительства, назойливости, морализаторства, чувства превосходства и снисходительности: дескать, вы — несмышленыши. Он умел разговаривать на равных. Так казалось. Конечно, равными с ним мы, дети, быть не могли. Но мы были уверены, что это общение именно так — на равных — строится.

Не все детям удастся. Иногда делают что-то, что делать впредь не следует. Не было в этих случаях никаких наказаний с его стороны, а следовали разъяснения: если делать так, то получится вот так, а если сделать вот так, иначе, то и будет иначе. «А как вы думаете, — спрашивал, — что было бы лучше?» И шла таким образом беседа. Эта беседа давала намного больше, чем

какая бы то ни была строгость в воспитании. Строгость не чувствовалась, а чувствовалась необходимость делать так, как он советовал или разъяснял. Отсюда у нас к нему было очень глубокое уважение, была наша внутренняя потребность в правильном поведении, и это было нашим убеждением — без понукания, повышения голоса или наказаний.

Надежда Сергеевна была внешне немножко строже, казалось, требовала больше четкости. Если надо было что-то делать, то Сталин разъяснял, советовал, как лучше, а от нее следовали четкие и короткие указания. И, может быть, менее приятные в восприятии детей. Собственно говоря, воспитывал он на своем примере, тем, что всегда работал: в любой день, в любое время. О нашей учебе он частенько спрашивал: что мы проходим по тому или иному предмету, истории, например, какие вопросы изучаем по обществоведению. И чисто математические короткие задачи задавал. При этом проверял не только цифровые данные, но логику понимания, какова логика разъяснения.

Со Светланой не было проблем. Она училась очень хорошо. Была прилежной. Василию же отец порой жестко выговаривал. Конечно, какие-то проступки вызывали более серьезные нарекания. Однажды сидели на даче за обеденным столом, Василий бросил кусочек хлеба в окно. Отец вспылил: «Вася! Что ты делаешь?! Ты знаешь, сколько в этом хлебе труда, пота и даже крови? Хлеб уважать нужно. Не всем хлеба хватает. И мы над этим работаем». Вася ответил: «Папа, я больше не буду, я нечаянно». На что Сталин ответил: «За нечаянно тоже бьют. Хлеб — всему голова. Его надо беречь и уважать».

Вот на дне рождения кого-то, уже без Надежды Сергеевны, сидели за столом родственники Аллилуевы, Вася, Светлана и я. Сталин разливал вино по бокалам, налил понемножку вина и нам с Василием, Светлане, её вино разбавил водой из графинчика. Кто-то из женщин говорит: «Разве можно детям? Это же яд». А Сталин говорит: «Ядом змея убивает, а врач ядом лечит. Дело в том, кто, где и зачем. Хлебом тоже можно подавиться, а молоком упиться». И добавил: «Мораль нам, безусловно, нужна. Но моралистов у нас не любят».

Е.Г.: *А какие вина предпочитал Сталин?*

А.С.: Говорят, что у него были какие-то любимые. Но их нельзя назвать любимыми как таковыми. Сталин очень хорошо знал лечебные свойства вин. Он лекарствами почти не пользовался. И в зависимости от того, что нужно лечить, пользовался различными грузинскими винами. А о пристрастиях не знаю. На застольях за вином он разговаривал, и вина были элементом разговора. Не было цели ни напиться, ни упиться. Водка была, когда были в гостях её

любители. А за семейным столом — нет. Да и крепленых, портвейна за столом не было.

Вообще многие интересные разговоры проходили как бы между делом. Вот как-то заговорили о Репине. Пришло сообщение в 1930 году, что он умер. Мы с Василием спросили об этом художнике. Сталин нам рассказал о нём. Узнав, что тот жил за границей, мы поинтересовались, почему. И Сталин разъяснил. И у меня это записано. А почему у меня записано было? Потому что я всегда рассказывал матери о наших разговорах. А она мне: «Запиши». В частности, этот разговор 1930-го года о Репине. «Так произошло, — сказал Сталин, — Репин там жил. А граница прошла, и он остался на той части, которая отошла к Финляндии. В период гражданской войны он был уже немолодой человек, и ему нелегко было изменить свой образ жизни: тут он жил, тут было привычное место работы, потом так и осталось. Гражданская война окончилась к 1922 году. А Репин был уже старым, ему трудно было переехать. Наверное, он очень хотел приехать, разговоры об этом были. Но не получилось».

Е.Г.: Став подростками, вы, наверное, хотели одеваться помоднее. Кто покупал вам одежду, и по чьему выбору это делалось?

А.С.: Мне одежду покупала мать, а у Сталина руководил этим Власик и домоправительница: до 1938 года Каролина Васильевна, после Александра Николаевна. Или этим занимался Ефимов из охраны. Если Василию нужна была одежда, он просил не у отца, а у Власика или Ефимова. Но никогда никакого излишества в одежде не было совершенно. Костюм появился у него, когда он был уже довольно взрослым.

Вася вообще никогда не был франтом. Носил темно-синие брюки-галифе неширокие, сапоги, гимнастерку, кепку или фуражку летом и кубанку зимой. Ушанок он не носил. В гражданском костюме он тоже ходил. Но чаще — в форме. У него не было так называемого гардероба. Был военный костюм, ничего лишнего не было из одежды — все в ограниченном количестве.

Как я уже говорил, был замечательный портной Абрам Исаевич Легнер — полковник НКВД. Высочайшего класса портной и интересный человек. Когда Василия посадили и он находился в тюрьме, Легнер у себя в мастерской держал весь комплект одежды для него. Так же, между прочим, как держал готовый комплект для Сталина. Он открывал шкаф, мне показывал, говорил: «У Хозяина же второго комплекта одежды нету. А вдруг за гвоздь зацепится? А вдруг какой-нибудь гусь из-за границы приедет, надо будет с ним встретиться, так чтобы вид был всё-таки». Для Василия он держал весь комплект: от ботинок до шапки. Говорил: «Васька-то придет из тюрьмы

ободранный. Куда придет? Ко мне. День-другой шить все равно надо. А в чем ходить будет, пока сделаю?» И все годы держал для Василия комплект одежды. Надо полагать, что Василий именно в этот комплект и оделся, потому что по выходе из тюрьмы был прилично одет.

Е.Г.: Когда Вы жили в семье Сталина, воспитывались вместе с Василием, чувствовали ли Вы разницу, что это — их родной сын, а Вы — нет? Слаще его кормили, лучший кусок подкладывали?

А.С.: Ко мне, наоборот, относились немного мягче. Это чувствовалось. И если кусок слаще, как Вы говорите, кому подкладывали, то это мне. Василий мне иногда говорил: «Ой ты, сиротинушка». А когда умерла Надежда Сергеевна, он плакал: «Теперь мы оба стали сиротинушками». И как-то сказал: «А если еще кто-то из родителей умрет, что с нами будет?» У нас по одному родителю осталось. И когда Вася пришел из заключения, то сразу пришел к моей маме Елизавете Львовне. Она его очень любила, безусловно.

Е.Г.: Василий мог в дом, в кремлевскую квартиру приглашать школьных товарищей?

А.С.: Да, приводил, приходили из школы, из класса. Раньше это было чаще. Под конец — реже. Условия изменились. Более жесткие требования были у охраны. И не напрасно. То, что врагов тогда было много, можно, собственно, подтвердить сегодняшним днем. Ведь сегодняшние враги, разрушители государства, не с неба упали. Они воспитались внутри государства, их кто-то такими воспитал. По некоторым причинам они служили другим странам. Потому что они были алчны до денег, за которые продавались и продавали державу. Это не ново и бывало в истории. Василий с пониманием относился к этим требованиям охраны и сам, так сказать, проявлял бдительность. Как-то на даче в Зубалово 22 сентября — это день рождения Надежды Сергеевны, её самой тогда уже не было, — он говорит: «Пойдем карасей наловим». Мы пошли в деревню Сареево. Там пруд. Мы с лодки наловили карасей. Пришли на дачу. Василий сказал: «Отцу отошлем. Он карасей любит». Я спросил: «А ты поедешь к отцу, сам отвезешь рыбу?» «Нет, — говорит, — отец меня не вызывал». Взял ведро с крышкой, положил туда пойманную рыбу, крышку на ведре опломбировал. На меня посмотрел и сказал: «Это порядок. Осторожность не помешает».

Е.Г.: Василий понимал, что он не просто мальчик, а сын руководителя государства?

А.С.: Да, он понимал, чувствовал свою ответственность, поэтому очень больно реагировал, когда на него жаловались в школе, к примеру. Но в силу своего характера, в силу натуры, не мог стать более прилежным в учебе. Были предметы, которые он любил, там он сидел, изучал столько, сколько нужно. Но были предметы, которые он не любил, и его воли не хватало сидеть прилежно, зубрить. Это надо прямо сказать.

Е.Г.: *Служащие могли пожаловаться Сталину, что Вы или Вася себя плохо вели? Или боялись это делать?*

А.С.: Нет, не боялись и частенько на Василия жаловались. И опять-таки потом отец Васе разъяснял, почему так делать нельзя, говорил, как делать нужно, и все было очень убедительно. А когда у Василия с занятиями плоховато было, то он получал выговор довольно жесткий от отца.

Е.Г.: *Дедушка принимал участие в воспитании внука?*

А.С.: Конечно, воспитывал. И не жаловался отцу, а сам выговаривал и делал замечания. Вася стал рано баловаться курением, и Сергей Яковлевич был недоволен, ругал его.

Е.Г.: *Какова была система наказания? В семье не рукоприкладствовали? Лишали сладкого, в угол ставили?*

А.С.: Не-ет! Этого никогда не было. Большое наказание для нас — ощущение недовольства Сталина тем, что мы делаем, как себя ведем, недовольство нашими поступками. Слишком высоко было уважение к Сталину, его авторитет в доме. И самым большим наказанием было понимание нами его недовольства.

Е.Г.: *А система поощрения была? Хвалили за что-то?*

А.С.: Да, Сталин хвалил, когда Василий хорошо нарисовал что-то, починил, физически выполнил работу. Меня тоже хвалил. Любой труд поощрялся. Даже в спорте поощрялся труд и усилия. Но хвалил не громко, броско, пафосно, а просто чувствовалось, что он этим доволен. И это было достаточное поощрение. Это и было поощрение — он одобряет.

Е.Г.: *Устраивались ли дома какие-то детские праздники? Может, ёлку ставили, Дед Мороз приходил?*

А.С.: Мы с Василием встречали у себя в школе не раз Новый год, маскарад устраивали. Не помню, чтобы в сталинских апартаментах (в квартире или на даче) ставили ёлку. Может, в служебном корпусе у персонала. Не помню, чтобы где-то в Кремле была ёлка. Дед Мороз к нам домой не приходил.

Праздники дома как таковые не устраивались. Только дни рождения отмечались, и очень скромно. Ну, и там мы спектакль ставили, сценки разыгрывали.

Е.Г.: *На ваши вкусы, пристрастия влиял Сталин?*

А.С.: В театр на ту или иную постановку посылал, о чем я уже говорил. Книги давал те или иные читать, «Разгром» Фадеева, например. Говорил, что надо уметь переживать не только успехи, победы, но и неудачи и поражения. Надо уметь выстоять в борьбе, уметь одолеть препятствия, без которых в жизни не обойтись.

Е.Г.: *Став отцом, Вы перенимали что-то, что Вам нравилось в системе воспитания в семье Сталина?*

А.С.: Не повышать голос, не проявлять раздражения, не срываться — этому я научился у Сталина. По себе знал, что это лучше действует, лучше воспринимается. Очень твердо, определенно высказывать и показывать, что ты одобряешь и требуешь, а что не одобряешь.

Е.Г.: *Ссылался ли он в воспитании на себя: «Я в твои годы...» Приводил в пример свое детство?*

А.С.: Нет. От него слово «я» никогда не звучало, тем более в качестве примера. Он по-другому вопрос ставил: надо многое уметь переживать, жизнь — сложная штука.

Е.Г.: *Чувствовали ли Вы, воспитываясь в семье руководителя государства, что идет борьба, трудное и важное строительство государства? Или воспитывались в беззаботной обстановке, огражденными от сложностей?*

А.С.: Знали и чувствовали, что жизнь идет в серьезной борьбе. Всё, что делается, — очень серьезно, непросто. Это и по обстановке дома ощущалось, и по настроениям взрослых, читали об этом в газетах, слушали сообщения по радио. И к этой борьбе мы были готовы, не случайно у многих руководителей государства дети стали военными, воевали, гибли.

День Вождя

К очередному дню рождения Иосифа Виссарионовича Сталина в прессе была раздута пасквильная истерия по поводу жизни и деятельности юбиляра. Я поинтересовалась у Артема Федоровича, а как отмечал Сталин свои дни рождения? Как они проходили в кругу семьи? И сегодня мы беседуем о том,

как в семье Сталина отмечались дни рождения членов семьи и самого Иосифа Виссарионовича.

А.С.: Больших празднований дома по поводу дней рождения кого бы то ни было не устраивалось. В 1928 году, когда мне исполнилось 7 лет, Сталин пришел с работы домой в день моего рождения и сказал: «Есть книга «Робинзон Крузо», написал её Даниэль Дефо. Там говорится, как человек после кораблекрушения попал на необитаемый остров и жил один. Он был сильным, не пал духом, многому сам научился, потом научил другого. А если бы он пал духом, распустил нюни, то погиб бы». И подарил мне эту книгу. В 1929 и 1930 году он подарил мне деревянный письменный прибор и книгу Кипплинга «Маугли». Рассказал при этом, как мальчик попал в лес к животным, и они стали его друзьями. Добавил: «Друзья могут быть разные. Если ты их любишь и уважаешь, то они тебе всегда помогут, защитят. Если у тебя нет друзей, ты никого не любишь, и тебя никто не любит, то ты погибнешь в трудную минуту». В 1933 году он мне на день рождения подарил портативный патефон с пластинками. Это были записи классики, русская народная музыка, арии из оперетты «Граф Люксембург», военные марши, музыка Вагнера, вальс «Блюменбеданке» («Благодарность цветов») на немецком, песни «На сопках Маньчжурии», «Варяг».

Е.Г.: *Он сам покупал эти пластинки специально Вам в подарок?*

А.С.: Этого я не знаю. Патефон и пластинки были уложены в чемоданчик, который и сейчас у меня цел, как и патефон.

В 1930 году Васин и мой день рождения справляли в городе. Нам с Василием дни рождения отмечали в один день: как правило, 24 марта, в рождение Васи. Надежда Сергеевна где-то за год до этого пригласила заниматься с нами молодого Александра Федоровича Лушина, он закончил биологический факультет университета, но очень любил театр и прекрасно рисовал. Потом окончил академию художеств и более 30 лет работал главным художником театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, стал заслуженным деятелем искусств, народным художником. Он нам объяснил, как сделать театр теней. Теневой театр устроили так: соорудили экран из кальки, вырезали фигурки — персонажей сказки Пушкина «О попе и работнике его Балде». Василий был хороший рукодел, нам удалось все фигурки изготовить. И в наш день рождения мы осуществили эту постановку.

Зрителями были все домашние, ребяташки и родственники, в том числе отец Василия. Я читал текст, а Василий сзади за экраном показывал эти фигурки. Отец его очень смеялся, ему понравилось, он комментировал эту сказку.

Вообще он никогда ничего плохого не говорил о религии, никогда ни одного камушка в сторону религии не бросил, а здесь говорил о жадности и скупости этого попа и о силе и ловкости Балды. И сказал, что за жадность наказывают, а за смелость и труд полагается награда.

Е.Г.: *Велись ли дома разговоры о религии? Каким было отношение Сталина к религии: может, Пасху отмечали?*

А.С.: Нет, ни Пасхи, ни других праздников религиозных дома не отмечали, не видел. А выражения с упоминанием Бога дома употреблялись. «Слава богу», «Не дай Бог», «прости, Господи», например, и Сталин сам нередко говорил. Я вообще не слышал от Сталина ни одного плохого слова в адрес церкви и веры. Помню такой случай году в 1931-м или 32-м. Напротив школы, где учился Василий, в 2-м Обыденском переулке, был храм. Как-то, когда там шла служба, мальчишки возле пробовали стрелять из пугача. Василий в этом участия не принимал, а рассказывал отцу об этом. Отец спрашивает: «Зачем они это делали? Они же, молящиеся, вам учиться не мешают. Почему же вы им мешаете молиться?» Далее спросил Василия: «Ты бабушку любишь, уважаешь?» Тот отвечает, мол, да, очень, ведь это твоя мама. Сталин говорит: «Она тоже молится». Василий: «Почему?» Отец отвечает ему: «Потому что она, может, знает то, чего ты не знаешь».

Е.Г.: *А Василий у бабушки, матери Иосифа Виссарионовича, гостил?*

А.С.: Да. Василий и Светлана в 1935 году ездили в Тбилиси к бабушке — Екатерине Георгиевне Джугашвили.

Сам Сталин хорошо знал вопросы религии, книг у него было немало, в том числе по вопросам и истории религии. И сам он писал важные работы на эту тему. Например, в статье «Против разрушения храмов» он говорит, что храмы — это памятники культуры нашей Родины. И разрушать их — значит разрушать памятники культуры. В статье «О запрещении преследования за веру» он говорит о необходимости прекратить преследования людей за веру.

Я был на похоронах Сталина «от и до», и среди людей, пришедших с ним попрощаться, было немало церковных служителей. Они в своих одеяниях проходили мимо гроба и крестились.

Но мы говорили о подарках детям. Когда Светлане исполнилось 7 лет, Надежды Сергеевны уже не было. Собрались дома родные и некоторые дети. Родственник Екатерины Семеновны⁹, Сванидзе Александр Семенович, был торгпредом в Германии. Он принес Светлане заграничные немецкие подарки, в

⁹ Екатерина Семеновна Сванидзе (1885—1907), первая жена И.В. Сталина.

том числе кукол. Отец Светланы очень возмутился, сказал: «Что ты привез?! Зачем это? Надо свои игрушки производить и покупать, на чужих игрушках не надо воспитывать детей». Велел ему забрать эти игрушки и уходить.

Еще как-то на нашем с Василием дне рождения (я уже говорил, что нам его отмечали в один день) в Зубалово собрались родственники и дети. Сын Сванидзе, которого звали Джоник (ему лет 10 было), очень много говорил о вещах, совсем не свойственных его возрасту: долго и нудно под управлением своей мамы Марии Анисимовны рассказывал что-то об астрономии. Слушать надоело. Однако Сталин его не перебивал. А если он не перебивал, то и другие тоже. Но в паузе отец Светланы спросил: «Джоник, а кем ты хочешь быть, когда вырастешь?» Тот тут же ответил: «Я буду астрономом». А Сталин со скрытым юмором сказал: «Это хорошо. Пищу надо уметь готовить, гастрономом быть очень хорошо. Людей надо вкусно кормить».

Мама Джоника, Марья Анисимовна: «Что Вы, что Вы, Иосиф, он хочет быть астрономом. Звезды изучать». А Сталин; словно не слыша, расхваливал гастрономическую профессию, затем посоветовал Джонику: «Ты это нашему дорогому Анастасу Ивановичу Микояну скажи, он этим вопросом — пищевой промышленностью — серьезно занимается». Мама Джоника опять: «Да нет, он астрономией хочет заниматься, звезды изучать». Отец Светланы продолжил: «Да, в океане есть морские звезды, их надо уметь ловить и хорошо готовить». Тогда до мамы дошло, и тирада об астрономии прекратилась, слава Богу. Когда они ушли, отец Светланы говорит: «Вот граммофон! Его завели, и он так долго играет!»

Е.Г.: А дни рождения самого Сталина дома как отмечались?

А.С.: Все проходило обыденно, без торжественности. К этой обыденности что-то добавлялось, какая-то деталь, краска, и разговоры были несколько иные. Но ничего особенного. И потому в памяти не сохранилось чего-то яркого — рядовой день. Много пели обычно. Под пластинки в том числе. Кроме народной музыки были пластинки Лещенко и Вертинского, под них пели. Однажды кто-то критично отозвался о песнях Вертинского. Мол, зачем он нам нужен? Уехал, поет какие-то грустные непонятные песни. Это не наше, ни рабочим, ни крестьянам это не нужно.

На что Сталин ответил: «В России есть не только пролетарии и буржуи. Есть и другие, их много».

Даже в 1934 году, когда Сталину 55 лет исполнялось, не было особых приготовлений, не чувствовалось организованного праздника. Просто в Волынском собралось побольше людей. Были родственники, Лакоба —

председатель ЦИК Абхазии, с которым Сталин очень дружил. Много смеялись, пели, немного плясали. Там для пляски места не было, чтобы разойтись.

Е.Г.: *А Сталин сам танцевал?*

А.С.: Приплясывал немножко. Но чтобы в три колена — нет.

Был, как всегда, Буденный. Он играл на гармошке или баяне. Жданов играл на рояле. После того как он стал приезжать, на даче поставили маленький кабинетный рояль красного дерева. Он и сейчас там стоит. Песни пели и кавказские, но главным образом пели наши народные, русские песни — «Коробейники», «На Муромской дороге», песню ямщика. Танцевали тоже кавказские и русские народные танцы. Кстати, говорят, что «Сулико» была любимой песней Сталина. А вот «Сулико» я там ни разу не слышал.

Е.Г.: *На празднествах Сталин якобы позволял себе ухаживать за женами соратников.*

А.С.: Он был за столом очень общительным, живо вел застолья. Тосты все время произносил деловые или с подвохом в чей-то адрес, с иронией иногда. Но чтобы было заметно какое-то особенное ухаживание за кем-то — я этого не видел и не чувствовал.

Е.Г.: *Были ли на столе особенные яства? Любимое блюдо именинника, может, готовили?*

А.С.: Когда гостей не было, стол был самый простой. При гостях кое-какие блюда прибавлялись, что-то кавказское подавалось. Сталин не был гурманом. Пища была в доме самая обычная. Он любил щи с капустой и отварное мясо — это да, это он любил. Блюда с орехами любил. Сациви с орехами, например. Какие-то кавказские острые блюда. Любил очень варенье из незрелых грецких орехов: такое раньше ему присылала его мать. И не было у него такого: вот он это любит, и обязательно должны это готовить, это танцевать, это петь. Нет — простота и невзыскательность всегда и во всем, что касается его быта.

Е.Г.: *Он работал в свой день рождения?*

А.С.: Он всегда работал. И даже за праздничным столом разговоры были в основном деловые. Ничем это практически не отличалось от обычного застолья, обеда. В «круглые» юбилеи собиралось больше людей, стол был обильнее, но и тогда разговоры шли в основном по делу.

Е.Г.: *В его честь звучали тосты?*

А.С.: Звучали. Но когда начинали говорить выпренно, его захваливать, он тут же отвечал с юмором, подтрунивал. Надо отметить, что всякую похвалу в свой адрес он принимал с юмором. И отвечал на это с юмором. Он обычно и сам говорил тосты. В свой день рождения он благодарил за сказанное в его адрес и тоже — тост. Его тосты были со смыслом. В адрес каждого у него находилось какое-то особенное слово. Не назидательное, а деловое, простое и приятное человеку, иногда с юмором подмечал недостатки человека, но не обидно.

Е.Г.: *На дни рождения гостей приглашали, или они сами приходили? Кроме Лакобы, Буденного, Жданова кого Вы еще помните?*

А.С.: Народу иногда было очень мало — всего несколько человек. Члены семьи были, зачастую члены Политбюро приходили. Я не знаю, приходили они сами или были приглашены, но думаю, что в какой-то форме приглашение было получено. Непосредственно я это не слышал.

Е.Г.: *Дарили пришедшие подарки Сталину?*

А.С.: Подарков не было никаких! Никаких! Он подарки не любил, и это знали. Он понимал: на подарок должен быть отдарок, и все ли эти подарки — от чистого сердца. Я не видел, чтобы на день рождения приносили и дарили подарки.

Е.Г.: *А вы, дети, готовили подарки Сталину?*

А.С.: Пьесу как-то приготовили на день рождения. Мастерили поделки. Из кусочка бамбука сделали трубку ему, рисовали рисунки. Василий брал старые книжки, их переплетал, и это тоже было подарком отцу — сделанное своими руками. С Василием мы пытались сделать модель автомобиля в подарок.

Е.Г.: *А в стране как дни рождения Сталина отмечались? В прессе были поздравления? Он не считал день рождения праздником для себя и страны?*

А.С.: Да, были. Поздравления в газетах он читал, с юмором комментировал. Он не упивался превозношением себя, а наоборот, принимал это как неизбежный ритуал, как вынужденное действие, не доставлявшее ему большого удовольствия. И ни в коем случае он не считал свой день рождения праздником даже и своим, а не то что страны.

Был такой случай: 23 февраля 1948 года отмечался юбилей Советской Армии. Проходило большое торжественное собрание в Большом театре. Многие пришедшие на этот юбилей больше говорили о Сталине и приветствовали его. Сталин никого не перебивал, но в небольшом перерыве

между выступлениями он поднялся и сказал: «Товарищи, мне кажется, вы забыли, куда и зачем вы пришли. У меня сегодня нет юбилея. Вы пришли на юбилей Красной Армии. Так, пожалуйста, и говорите о Красной Армии. Я говорю это тем, кто перепутал, забыл, чей сегодня юбилей. Юбиляр сегодня Красная Армия, а не товарищ Сталин».

Е.Г.: Может, в этот день он нарядно одевался, выходя к застолью?

А.С.: Одежда всегда та же самая, что и обычно. Мягкие сапоги, брюки прямые, заправленные в сапоги, закрытая курточка или френч. Все простое, просторное, удобное.

У Бериин, например, были сапоги, у которых носок как будто обрубленный, квадратный. А у Сталина не острый, не фасонный, просто немного закругленный. Кто-то любит высокий каблук, кто-то еще какие-то фасоны. У него все — обычное, не вычурное, не кричащее. У Сталина все в личном обиходе было усреднено, неброско.

Е.Г.: А гости приходили празднично одетые или, как и хозяин, не наряжались?

А.С.: Ничего специально не надевалось. И Светлану специально не наряжали. Часто ведь девочку наряжают куклой. У Сталина в семье нет, все как обычно.

Е.Г.: В преддверии дня рождения и у нас, простых людей, некие хлопоты, радостное возбуждение.

А.С.: Не было этого, не ощущалось совершенно. Все буднично. Никаких особых ритуалов, все как всегда. Дни рождения у всех членов семьи отмечали очень скромно. Ну вот дети ставили пьесу на его день рождения. Это запомнилось. Устроили как-то детское представление: Светлана читала стишки, под эти стишки ребяташки подыгрывали ей в каких-то костюмах, немудряще изготовленных. Вроде как инсценировка. Когда-то у нее на дне рождения играли в разных зверюшек, должны были их изображать. На меня накинули медвежью полость (шкуру), и я изображал медведя.

Е.Г.: А других людей, друзей? Любимых писателей, артистов он сам поздравлял с днем рождения?

А.С.: Думаю, да. Но этого мы не видели, и нам об этом он не говорил. Обслуживающий персонал он всегда старался поздравить, сделать подарок, следил за этим, помнил. Это я видел и слышал: как он житейские пожелания адресовал, очень тепло. Он был внимателен к людям.

Е.Г.: *А после смерти Сталина Вы отмечали дни рождения Иосифа Виссарионовича? Может, с Василием? Сейчас отмечаете?*

А.С.: С Василием отмечать дни рождения отца после его смерти мы не могли, поскольку самого Василия почти сразу арестовали. А дома мы у себя всегда, во все годы, обязательно отмечали день рождения Сталина. С моими товарищами фронтовыми, которые его очень уважали, с кем служили, воевали, если они были в Москве, и там, где я служил — отмечали всегда. И даже когда имя Сталина усердно замалчивали — обязательно и неизменно отмечали и день его рождения, и день кончины. Сейчас всегда отмечаем с моей дорогой женой Еленой Юрьевной. И на его могиле у Кремлевской стены, когда можем, кладем цветы.

Василий Сталин

В очередной приезд к Артему Федоровичу рассматриваем фотографии, где они с Василием. Артем Федорович сокрушается: «Столько грязи сейчас льется не только на самого Сталина, но и на Василия! Больно читать. Ведь он был хороший друг, верный товарищ, прекрасный специалист. Его очень высоко ценили и друзья, и коллеги. Приближается 85-летие Василия, и сейчас начнут еще больше грязи лить, как в последнее время делается».

Решаем к юбилею сделать беседу о Василии.

А.С.: Если говорить о Василии, надо прямо сказать, что его жизнь — это трагедия от начала до конца. Вообще жизнь детей, особенно сыновей, первых лиц государства, будь то цари, императоры, премьер-министры, — эта жизнь на острие истории.

Мы родились с Василием в одном роддоме с разницей в 19 дней, наши матери дружили, были они и содиректорами детского дома для беспризорников и детей руководителей государства. С двух до шести лет и мы с Василием были воспитанниками этого детдома. У Василия с самого раннего детства отец всегда был занят. Мать Василия была занята отцом: она обеспечивала его жизнь, а его жизнь значила много, и она это понимала: она была его помощницей, секретарем, разрывалась между детьми и мужем. И если другие женщины отдают предпочтение детям, то она, может быть, отдавала предпочтение тому великому делу, которым занимался ее муж. И поэтому дети воспитывались людьми, обслуживающими дом. Отношение этих людей к Василию было своеобразным: с одной стороны, они должны были его воспитывать, в чем-то ограничивать. С другой, — боялись, что он пожалуется.

Ну, а когда Василию минуло 11 лет, он остался без матери и оказался в руках работников охраны и учителей, которых брали в дом. А у семи нянек...

Василий был властолюбивым мальчиком, это да. Мы как-то с ним играли и перегородили вход в кабинет. Пришел Сталин, посмотрел, спрашивает: «Так. Кто тут у вас главный? Надо освобождать проход». Мы отвечаем, что оба главные. Он нам: «Нет, должен быть кто-то один главный, командир, а то когда два главных — вот так и получается — застряли. Тогда командование на себя беру я». Сразу сказал, кому куда встать, кому толкнуть, кому нажать — проход освободили. Ну а дальше говорит: «Том (меня так называли домашние) будет главным». Василий в ответ на это: «Ладно, пусть Том будет главным, а я чуточку главнее». «Нет, — говорит Сталин, — так не бывает. Главный всегда один, чуточку главнее не бывает, иначе выйдет неразбериха, и опять застрянете».

Е.Г.: *Охраняли Василия вне дома?*

А.С.: Да, был такой человек, Александр Сергеевич Волков, Василий с ним дружил. Познакомились они в 1934 году в Железноводске, когда Волков издали наблюдал за Василием. Василий сказал ему: «Чего ты там ходишь? Иди сюда».

В отношения с товарищами охраняющий не вмешивался. Василий и ссорился с друзьями, и ругался. И его ругали. Все на равных. Пожаловаться — было для него невыносимо! Василия любили товарищи и дружили с ним по-настоящему: ходили в кино, в Парк культуры, играли в футбол.

Был он очень хорошим рукоделом, у него в этом был прекрасный пример и учитель — его дед Сергей Яковлевич Аллилуев — удивительный мастер во всем, за что брался! По дому он, как впоследствии и Василий, многое делал сам. Умер Сергей Яковлевич в 1945 году. Василий очень любил работать, в семье вообще приветствовался труд, особенно физический. Василий и дома, и на даче много работал: сгрести мусор, с крыши сбросить снег, грядки вскопать, починить что-то — он первый, и работал буквально до упаду. Работоспособность у Василия была весьма высокой всегда. Он любил физический труд, работу руками и хорошую работу, выходящую из-под его рук. У меня до сих пор сохранились его рисунки на плоских морских камешках, сделанный в переплете блокнот. Изготовлен этот блокнот мастерски: и с рисунками, и с портретиком вставленным, а ведь Василию тогда было всего 10 лет.

Он был талантлив во многом. Был хорошим спортсменом, хотя физически казался не крепким, даже на вид хиленьким. Например, играли старшие в

футбол, его брали в команду: не за фамилию, а за ноги. Прекрасно играл в бильярд еще мальчишкой. Мы с ним в свое время занимались в кавалерийской школе. Нам было по 13—14 лет. Нашими тренерами были мастера. Мы все прыгали конкур пионер-класса. А Василий, только начав заниматься, прыгал с мастерами, чемпионами, с такими как капитан Эйдинов, Александра Левина, чемпионка СССР, Валентин Мишин. Как известно, лошадь в фамилиях не разбирается, ею управлять нужно. Мастера сами удивлялись. Конь у него был Борт. И, как говорится, мастер на мастере сидел. Они были привязаны друг к другу. Василий заходит в конюшню, Борт его еще не видит, у себя в деннике стоит, но уже копытами перебирает, ржет — чувствует Василия, волнуется и радуется. Ну, и Василий подойдет, сразу трепать его, гладить, в морду целовать, кусочек сахара дает. Я удивлялся, что его так животные любят. А потом понял — они чувствовали, что он их очень любил, и отвечали ему тем же. Это была часть его жизни, а я тогда этого не понимал.

О Василии и друзья, и коллеги-летчики (наставники, сослуживцы, подчиненные) были высокого мнения. Его инструктор, Герой России, полковник в отставке Федор Прокопенко или генерал-лейтенант, Герой Советского Союза Долгушин отзывались о Василии прекрасно. И вдруг читаем о том, как он плохо учился в военном училище, о том, что его даже не выпустили лейтенантом, диплом не дали, а дали справку и одного-единственного выпустили в звании младшего лейтенанта. Но его инструктор Федор Федорович Прокопенко, полковник в отставке, до сих пор жив. Он — Герой России: его представляли к званию Героя Советского Союза трижды, но представление куда-то пропадало. 53 года ходило, в конце концов, Прокопенко получил звание уже Героя России. И на этот счет Федор Прокопенко публично заявил: «Что это за болтовня? Кто это говорит? Кто лучше меня, его инструктора, может это знать? Я подписывал его диплом как инструктор. В архиве диплом наверняка есть, и подпись там моя стоит. Он был недостаточно усидчивый человек, но там, где дело касалось самолета и полета — летного дела, устройства машины, аэродинамики, — у него были только отличные оценки, по всем летным дисциплинам. И мало того. Мы начали осваивать тогда истребитель И-16. Это очень строгая машина. Василий нас упросил допустить его и освоил эту машину. Я утверждаю — он летал лучше всех остальных курсантов, был самым сильным из них. Летал смело, инициативно, интуитивно. Выпустился лейтенантом и сразу был назначен в строевую боевую часть. Он рвался в бой, не думал, что с ним может что-то случиться, это ему даже и мешало, так как Василий забывал о безопасности, чувство самосохранения у него не срабатывало, были возможности его атаковать сзади, сбоку. Он в бой

бросался, завидев противника, буквально накидывался на него. У него было тяжелейшее ранение в ногу, вырвавшее его надолго из боевого строя. В его послужном списке записано, какие типы самолетов он освоил. Кажется, он все освоил. Летал на всем, что летало. Попадал в трудные ситуации: то в самолет молния ударила и машина стала неуправляемой, но он посадил её все-таки. Сумел он посадить машину с летчиками в Куйбышеве на аэродром, когда за самолетами летали, а другие летчики не смогли сесть. То есть он не только сам выходил из сложнейших ситуаций, но и других спасал. И никогда потом не сетовал, не бахвалился. Всегда говорил: «Война есть война, самолет есть самолет, летчик есть летчик. Здесь уж кто кого».

О нем писали массу всякой гадости, не соответствующей действительности. В свое время в «Огоньке» некая Уварова написала отвратительную лживую статью о Василии. Эта Уварова представляется учительницей немецкого языка Василия. (Хотя учительницей его не была и вообще не работала в этой школе.) Пишет эта Уварова, как он над ней и над другими учениками издевался, сводит его в один класс с Тимуром Фрунзе, противопоставляя плохому Василию хорошего Тимура (а они учились в разных классах: в 9-м и 8-м). Пишет, что Василий весь в иностранном ходил. Да если бы у него пуговица была иностранная, его бы отец в окно выкинул. В доме ничего иностранного не терпелось.

Еще она пишет, как его возили в школу на двух машинах: на одной он с главным охранником, а на другой, мол, охрана. Да его никто на машине не возил! Он даже хвастал перед ребятами, что если окончит школу без троек, отец в качестве поощрения возьмет его один раз на машине на дачу. А так ездили на дачу на паровике (поезде), а в школу на трамвае или автобусе. Школа находилась на площади Восстания, Садово-Кудринская, д. 3.

Я насчитал в той статье 27 абзацев гадостей о Василии.

Ребята, учившиеся с Василием в классе, были страшно возмущены этой статьей, со мной советовались: мы, мол, напишем Коротичу, что там все неправда. Но я им сказал, что Коротич, будучи редактором, сознательно допустил эту ложь, а возможно, и заказал такого рода публикацию. Поскольку статью одноклассников, опровергавшую ложь, нигде не брали, они решили подать в суд. Заводилой был Вася Алешин, одноклассник Василия, который не мог стерпеть такой лжи. Но в суде сказали: «А есть у вас заверенная доверенность от пострадавшего? Ах, он умер 30 лет назад! Тем более, заявление мы у вас не возьмем».

Е.Г.: То есть умершего человека можно совершенно безнаказанно оболгать?

А.С.: Да! Тогда решили сами пойти к Уваровой. Но не пошли, боясь, что не сдержат себя и попросту ее обматерят. Послали к той даме военрука школы, который и до войны, и, демобилизовавшись, работал в школе, а во время войны был начальником оперативного отдела штаба артиллерии 1-го Белорусского фронта. Придя к Уваровой, он сказал: «Что же Вы пишете, что Вы были учительницей? Вас же не было в нашей школе никогда!»

— А, может, я туда заходила!

— Но ведь в статье нет ни слова правды!

— Ничего, я еще книгу выпущу.

— Как, к чему?! Ведь слова Ваши — ложь!

— Ну и что? Теперь на это клюнут.

И действительно, выпустила не менее гнусную книжонку.

Е.Г.: Как относились к Василию учителя? Не боялись ставить плохие оценки?

А.С.: Может быть, округляли в большую сторону. Но когда учитель истории Мартышин поставил Василию «2», а директор потребовал исправить оценку, учитель отказался это сделать, вышел конфликт. И Мартышин написал Сталину. Получил от Сталина ответ с отрицательной характеристикой Василия, извинениями и благодарностью за объективность, принципиальность. Тогда уже у директора школы были проблемы. А Василию все зимние каникулы (это были 1937—1938 годы) пришлось учить историю и пересдавать. Сам Василий не обижался на Мартышина и говорил часто: «Вот честный человек, не побоялся». Любил он смелых людей, сам будучи очень смелым человеком. И в жизни, и в летном деле. Например, он любил аттракционы с отрывом от земли: прыжки с парашютом с вышки, перевороты в воздухе. Где требуется храбрость — он первый.

Василий с детства и до конца очень любил животных. Лошадь раненую из Германии привез и выходил, она жила у него. Собак даже приبلудных держал. Хомяк был у него, кролик. Он заботился, чтобы собака кролика не съела. Собака у него одна была, как он говорил, с высшим образованием — знанием двух языков. Это была немецкая овчарка, трофейная, так сказать: он привез её тоже из Германии, но выучил понимать по-русски. Разговаривал с животными, целовал их. Как-то я к нему пришел на дачу, он сидит, рядом пес — очень грозный пёс. А Василий его гладит, целует в носик, из своей тарелки дает ему

есть. Заметил мой недоуменный взгляд: как это? Ответил на мое немое недоумение: «Не обманет, не изменит». Сам он того и другого пережил много.

Василий был человеком храбрым, преданным, материально бескорыстным. Он всегда делился тем, что у него есть, с другими, был щедр. Больно читать статьи о его богатстве, о манто каких-то. Да у него ничего не было! Получка в армии 15 числа, после этого все к нему шли — стол был накрыт для друзей. Дней через 10—15 к нему приходили со своим — у него уже было шаром покати. Очень был хлебосол: кормил не только гостей, но и тех, кто пришел к нему что-то починить, к примеру. Вот киномеханик у него работает. Василий всегда после сеанса ему: «Пошли ужинать». Человек стеснялся, отказывался, но Василий ему: «Ты когда работал, то работал, а сейчас работа закончена. Почему не пойти поесть?» Любил всегда всех угостить и не ставил себя выше кого-то чисто по-человечески. Ну, а перекусили — можно и по рюмочке.

Е.Г.: Как к Василию относились летчики — подчиненные и командиры?

А.С.: Его уважали как летчика. Бойцы знали, что у него опыт небольшой, но способности высокие и совершенно отчаянные бойцовские качества. Уважали подчиненные и опытные воздушные бойцы, такие, как командир эскадрильи Долгушин или Федор Прокопенко: они больше его налетали в бою (хотя Долгушин с ним вместе учился, но ему больше пришлось летать — Василий был ранен и лечился в госпитале). Он попадал в безвыходные положения, причем не только в одиночку на истребителе, но и на транспортном самолете, например. Положение кажется безнадежным, а Василий выходил из него, спасая и машину, и людей.

Был он большой новатор: его предприимчивость и личная инициатива по созданию и внедрению чего-то нового, его инициатива в боевой работе были очень широки. У него был цепкий ум: он все схватывал на лету и быстро ориентировался в происходящем. Например, широко использовал кино, телевидение. Он не боялся внедрять новое и брать на себя ответственность за это, не боялся делать не по трафарету, не боялся новаторства, наоборот.

Создал очень хороший узел связи, когда был командующим ВВС Московского военного округа. Штаб авиации тогда находился там же, где штаб округа, на улице Осипенко. Василий перевел его на аэродром: на центральном аэродроме было здание, аэродром перестал действовать как центральный, он туда перевел штаб. «А то там половина штаба не слышала мотора самолетного», — говорил. Еще так сказал: эти штабные, которые всю войну просидели на улице Осипенко, может, разве что эвакуировались в Куйбышев и географии не знают. Им надо поучить географию по дальним гарнизонам. И

отправил их служить по стране. А к себе брал летчиков-инвалидов, списанных с летной работы. Ему говорили, мол, да ну, что это за штаб?! Он отвечал: ничего, мол, пока они не все знают, но как воевать — знают и работают с полной отдачей и желанием. И штаб у него работал безукоризненно и самоотверженно.

Возьмем организацию воздушных парадов — сложнейшая работа, где нужна абсолютная слаженность штаба, управление всеми задействованными структурами.

Он командовал парадом над Красной площадью, там участвовали сотни самолетов разного типа. Реактивные и поршневые самолеты летят с разными скоростями, с разных аэродромов, находящихся на разном расстоянии от Москвы. Бомбардировщики вообще издалека взлетали. А ведь где-то они должны сойтись для группового пролета, имея разницу в скоростях в сотни километров, и строгим порядком пройти над Красной площадью. Здесь точность должна быть абсолютная. Пять секунд расхождения — это промашка полная. А откуда-то они идут, а тут и ветер дует, еще много факторов надо учитывать. И надо все рассчитать, маршруты проложить, в том числе учесть скорость и направление ветра. Ветры-то дуют по-разному. У него была карта московских домов: высота, расположение. Ну и улицы, дороги. Как вести группы? Какие ориентиры? Прекрасные ориентиры — дороги и дома. Но этажность домов различна, и где-то еще находится заводская труба. А высота пролета самолетов над Красной площадью малая.

Василий был хороший организатор, и он все это устраивал. Не зря ведь, когда его не стало в той структуре, штаб сильно изменили, парадов не стало. После него кто бы это делал? Тут помимо организаторских способностей смелость необходима, нужно не бояться брать на себя ответственность, идти на риск. Для всего этого нужно день и ночь готовиться, проводить бесконечные тренировки, делать сложные штурманские расчеты. Нужно налаживать связку «земля — борт самолета». Он создал отличный узел связи, куда брал не именитых людей, по блату, так сказать. Он, поверив в человека, увидев его способности, мог поручить ему важный участок. Но при этом говорил: «Я тебе доверяю, ты мне обещал, а обмана я не терплю». И люди оправдывали его доверие. Потом, когда его уже не было, старые летчики, командиры делились, что когда вопрос какой-то возникал, то между собой говорили: «Давай, как при Василии Иосифовиче, как он делал».

Е.Г.: Бывал у Вас на даче в Жуковке?

А.С.: Да-а! Бывал, конечно! Дача эта у нас с 1937 года, он приезжал сюда. Первый вопрос его неизменно, когда он сюда приезжал: «Что надо делать?» Работать! Сразу работать! Еще когда мы жили в Усове, лет по 10—12 нам с ним было, когда Василий появлялся, его первый вопрос: «А что сегодня нужно делать?»

Василий всегда много работал. Да, он выпивал. Но было это не всегда, а под конец: он стал понимать свою судьбу. Он уже знал и не сомневался: как только не станет отца, его самого разорвут на части, и сделают это те немногие, кто сейчас руки лижет и ему, и отцу. Потому он так любил собаку: «Не обманет, не изменит». Потому и пил. Некоторые люди, узнав, что дни сочтены — смертельное заболевание или еще что-то, ожесточаются, становятся мстительными. А у него, с одной стороны, его мягкость в отношении кого-то сохранилась, но появились жесткость, надрыв, и они давали себя знать в повседневной жизни. Да, он мог быть грубым, но это было не органично для него. Он просто срывался, стал вспыльчив, но не мстителен, подлости в его характере не было никогда.

Как-то сидели с ним, выпили. Он еще наливает. Говорю ему: «Вася, хватит». Он отвечает: «А что мне? У меня только два выхода: пуля или стакан. Ведь я жив, пока мой отец жив. А отец глаза закроет, меня Берия на другой день на части порвет, а Хрущев с Маленковым ему помогут, и Булганин туда же. Такого свидетеля они терпеть не будут. А ты знаешь, каково жить под топором? Вот я и уйду от этих мыслей».

Перед полетами он никогда не пил, исключено. Никогда! Никто не выпустит в полет. Летные дни — два в неделю в летной истребительной части. Один день резервный. Для летчиков в полку обязательный налет — 100 часов в год, иначе теряется квалификация. У Василия налет был большой. Он летал больше, используя свои возможности. Трудно найти человека, который летал бы на таком количестве разных типов самолетов. Жена говорила: «Раз он не пьет, значит, завтра у него полеты». Для него работа была на первом месте.

И верно он предчувствовал: отец умер в марте, а в апреле он был арестован. Поначалу Василия поместили в госпиталь, к нему можно было пройти, а он не мог выйти. Потом его осудили по двум статьям. 58¹⁰ — «Анτισоветская агитация»: отзывался плохо о Берии, Хрущеве — вот и антисоветская агитация. Судили и по статье 193¹⁷ за злоупотребление служебным положением, финансовые нарушения. В чем было злоупотребление? Он сделал из неиспользуемых ангаров на центральном московском аэродроме манеж и конюшню. Создал конноспортивную команду, которая после его ареста стала

союзной командой. Он создал и другие спортивные команды ВВС, потом они стали командами СССР.

Затем он строил летний каток и бассейн. У нас в стране не было олимпийского 50-метрового бассейна. Он начал его строить. Но ведь деньги он сам не печатал. Кто-то их ему давал, подписывал документы, выделили площадь под строительство. А обвинили во всем Василия.

Он умел находить спортсменов. Например, в 1947 году были конноспортивные соревнования, привезли лошадей с разных конезаводов. Утром лошадям обычно дают резвую. Но резвую дают не наездники, а коновод. И вот Василий видит, что на лошади завода «Восход» из Пятигорска скачет парнишка, в котором Василий увидел задатки. Спрашивает его: «Ты сегодня скачешь?». Тот отвечает, что, нет, мол, я коновод, а не жокей. Василий его спрашивает: «А хочешь?». Тот только руками развел. Василий ему говорит: «Если хочешь по-настоящему, я тебя мобилизую в армию (ведь у Василия была команда ВВС), выбирай из моей команды лошадь и будешь скакать». Это был 17-летний Коля Насибов, в тот день он стал военным, привез 2-е всесоюзное место на лошади, которую первый раз видел. Потом он стал великим жокеем, объехавшим весь мир.

Пунктик властолюбия у Василия был, любил он быть выше других. И в компаниях тоже. Например, он хотел быть командиром дивизии. А на то место шел человек, который был по стажу выше. Василий поступил по отношению к нему некрасиво: сам сел на это место. Тот не прошел. Но тут же обеспечил, чтобы тот человек пошел выше и даже стал над ним начальником. И далее они были друзьями. Василий был незлобив, отходчив.

Е.Г.: *Какие были у Василия награды?*

А.С.: Надо сказать, что работали люди не лучше его, а наград имели больше. Он был очень смел. Например, когда немцы прорвались на аэродром, он организовал оборону, сам выехал, в открытую. Люди, не привыкшие к бою на земле, испытывают определенные трудности, а Василий их организовал. Сам он говорил: «Если меня наградят, то это будет награда не только мне, но и отцу подарок. А на подарок должен быть отдарок. И в отцовском положении отдарок должен быть куда выше. Так что пока все мои ребята не будут награждены, мне ждать наград нечего». Было у него три ордена Красного Знамени. Причем один из этих орденов был бесфамильным. Увидел его в воздухе командующий армией. Это было в 1941 году в Мценске. На аэродром Мценска налетели немецкие бомбардировщики. Василий туда полетел на незаряженном самолете и вытолкнул этих бомбардировщиков лбом, отогнал. Командующий

армией сказал: «Вот этого летчика я награждаю орденом Красного Знамени». Когда приземлился, выяснилась фамилия летчика. Третий орден получил за успешное командование авиацией МВО, за её постоянные призовые места в войсках ВВС. Был у него орден Александра Невского, два польских ордена, поскольку он в Польше воевал.

Е.Г.: *А воевал Василий под своим именем?*

А.С.: Да, Василий воевал под своим именем. Немцы это знали, и на Северо-Западном фронте в марте 1943 года я видел листовку немецкую: «Вашу авиацию мы не боимся. Группой полковника Сталина вы все небо не закроете». Они почему-то полк называли группой.

Е.Г.: *Отец не пытался сделать Василия политиком, своим помощником?*

А.С.: Из этого ничего бы не вышло, потому что Василий, несмотря на очень высокие свои способности, не мог сидеть, изучать материалы, не относящиеся к спорту, авиации, конному делу, — не выдерживал. Он был неусидчив, если дело не касалось подготовки к полету или самого полета. В практических вопросах его любимого дела он был неутомим и одержим: чтобы овладеть новыми знаниями, мог до бесконечности, ночи напролет изучать самолет, теорию полета.

Сталин был реалист и в этом плане на него не делал ставку. Он знал и понимал, что Василий во многом разбирался, у него была прекрасная ориентировка в происходящем, это было заложено от природы и далось опытом его присутствия при многих свершениях, событиях, как положительных, так и отрицательных, но политика из него не получится. Его можно было делать командующим авиацией. Здесь он, очень серьезно и далеко глядя вперед, мог давать заключения. Мог давать свои заключения и о спорте, о конном деле.

Он был в курсе новостей, читал газеты, очень тонко разбирался в событиях, в людях и понимал, кто куда идет, и часто понимал, почему его отец именно так относится к тому или другому человеку, несмотря на те или иные события, их видимую сторону. Он понимал, какие качества человека его отец ценит, какие может не замечать, какие — исправить, и к чему это приведет.

В каждом деле у него были свои кумиры. Он знал, что Буденного Ленин назвал первым кавалеристом мира. Это второй человек в истории, так названный, после наполеоновского маршала Дана, которого первым кавалеристом мира Наполеон назвал.

Василий знал, кто как летает. Он колоссальное уважение испытывал к Михаилу Михайловичу Громову — известному летчику-испытателю. Громов был профессором кафедры эксплуатации самолетов и моторов, самым крупным

специалистом в вопросах испытания. Василий пытался по возможности полетать с Грозовым, чтобы поучиться. И он говорил, что ему это удалось, чем гордился. Говорят, что Чкалов был его кумиром. Чкалов — интуитивный летчик, человек колоссального таланта в полете, но Громова Василий уважал больше. Чкалов погиб в 1938 году, когда Василий летным делом еще не занимался, может, только мечтал, потому Чкалова он как такового не знал. Может, он видел его полеты, но ничего конкретно от Чкалова в смысле опыта и практики он не получил. Так что его кумиром в летном деле, думаю, был всё-таки Громов.

Василий отцу немало рассказывал о самолетах. В этом отношении отец к нему прислушивался и понимал, что Василий здесь, несмотря на то, что совсем молодой, уже специалист, понимает и разбирается. И отец ему доверял.

Е.Г.: Звонил ли отцу попросту, заходил, как дети к родителям или родители к детям: «Как дела?»

А.С.: Нет. Только по делу, с разрешения: можно ли прийти. Или когда его отец, и нередко, вызывал для решения вопросов как специалиста-летчика, которому он доверял как человеку, который понимает дело и будет совершенно откровенно и правдиво докладывать.

Примерно в 1948 году мы с Василием, он был тогда командующим ВВС МВО, сидели в Зубалово. Звонок по ВЧ: сообщили о катастрофе бомбардировщика ИЛ-28. Экипаж из 3-х человек погиб. В авиации катастрофы, увы, неизбежны. Василий позвонил отцу, доложил. Слышу, как он отвечает: «Все сделаем, все сделаем, как надо. Я обо всем распоряжусь и проверю исполнение». И мне говорит: «Отец сказал, что самолет мы новый сделаем, а там были люди, у летчиков семьи, имей в виду». Василий добавил, что нужно все сделать, потому что отец обязательно поинтересуется исполнением. Его отец был очень внимателен к людям и сразу сказал, что, прежде всего, надо позаботиться о семьях погибших.

Е.Г.: А насколько вообще Сталин интересовался бытом и его устройством?

А.С.: Для себя?

Е.Г.: Нет, Вы уже говорили, что он был аскет. А друзей, соратников? Вот так, сразу, распорядился позаботиться о семьях летчиков, погибших в катастрофе. Он понимал, что человек живет не в безвоздушном пространстве, ему надо где-то жить, что-то есть?

А.С.: Безусловно, понимал! Безусловно. Не говоря о масштабных действиях правительства в области социальной политики, в том числе строительства жилья (взять хоть «сталинские дома»), но возьмите простую вещь. Когда ему шахтеры написали, что в шахтной бане нет воды, Сталин ответил: «Если в шахтной бане нет воды — судить директора шахты как врага народа». Всё, больше вопроса такого не стояло. И разговоров не было — вода была.

Или еще пример. Рабочий пишет Сталину, что ему не выдали зарплату, а послали на курорт, пообещав, что пришлют деньги туда. Отпуск кончился, ничего не прислали, и денег нет, чтобы даже уехать.

Резолюция Сталина на письме: «Поправка пошла насмарку. Снова дать путевку. Все выдать за счет виновного».

Е.Г.: *Ему писали множество писем. Но ведь приведенные Вами письма — чисто бытовые. Почему именно они попали к Сталину? Кто делал отбор?*

А.С.: Это работа секретариата. Решали Поскрёбышев или его помощник Чечулин. Они просматривали и решали, что делать: с какими вопросами письма направляли к Сталину, а на некоторые письма в секретариате сами отвечали и решали поставленные в них вопросы.

Например, мне рассказывал Леонид Георгиевич Мельников, секретарь Карагандинского обкома партии (прекраснейший человек был!). Он во время войны был вторым секретарем Донецкого обкома, членом военного совета 64-й армии. Ему звонят, говорят, чтобы он летел в Москву. Идет Сталинградская битва, он — член военного совета армии, отмахивается: «Подождут!» Опять вызывают — он не реагирует. Потом от Сталина приказ: быть тогда-то. Делать нечего — в самолет.

Сталин говорит: нужен уголь. Нужно ехать в Караганду и удвоить добычу угля. Там был при этом разговоре еще Егор Трофимович Абакумов, «король пол-угля», как его называли, это еще старый шахтер-саночник. А называли его так потому, что в свое время Министерство угольной промышленности, где он занимал пост, разделили на два.

И вот Сталин посылает Мельникова секретарем обкома в Караганду за углем. Мельников спрашивает: «А как же я буду со всеми разговаривать, убеждать? Это Казахстан, я язык не знаю». Сталин дал рекомендации, как можно это сделать. Сталин говорит: «Пойдите на базар, найдите старого акына, который там песни поет. Это не песни в нашем понимании — это песни о жизни, он рассказывает о текущей жизни. Он Вам все подскажет и поможет».

Мельников, приехав в Караганду, нашел такого акына и делится при разговоре со мной: «Я никогда не думал, что так может быть, такой результат. И ведь это был случайный акын, никакого подбора тут не было».

Потом, когда добыча была удвоена, как и приказано, нужно представлять людей к наградам. Мельников этого акына представляет к ордену Ленина. На него накинудись: да что это? Какой-то там акын по базару шляется, поет. Причем против было начальство национальное, местное. Они были очень этим недовольны. Мельников Леонид Георгиевич позвонил Поскребышеву и сказал, что, мол, вот такая вещь: акын мне очень помог. Так поступить мне рекомендовал товарищ Сталин, и я считаю, что акына нужно представить к ордену Ленина. А тут все против. Поскребышев говорит: «Делай!» То есть он эти вещи, такие вопросы с ходу решал. Через день-другой Поскребышев звонит: «Товарищ Мельников, товарищ Сталин сказал, что Вы с акыном поступили совершенно правильно!»

Но из этого ордена целую политику вывел сам акын! Оказывается, он пел и на 300-летие дома Романовых. И за это ему дали пять рублей. «А когда я пел для советской власти, я получил золотой орден самого Ленина!» — пел он.

Сталин понимал национальные особенности прекрасно: этот акын кричит на базаре, но он — политик! Он мне, говорил Мельников, очень много помог: если какие вопросы надо решать, я ему говорю, он идет на базар и поет о том, что нужно вот для того или вот того-то. Люди слушают его и делают. Он в песне рассказывает и призывает.

Е.Г.: Со своими обязанностями командующего авиацией Московского военного округа Василий справлялся?

А.С.: Судя по тому, что округ вышел на первое место по реальным результатам, да. Какая бы ни была фамилия командира — аэроплан все равно тяжелее воздуха, а земля твердая.

Возьмите подготовку экипажей. Тогда шла война в Корее, люди уходили на боевые действия отлично подготовленными. Не зря и в мирное время командующих награждали. Василий не был человек импульсивного действия: хочу и делаю, вот взбрело мне. Нет. Он все тщательно продумывал, опирался на хороших специалистов. У него были прекрасные летчики, которых во многом он сам воспитал. В этом отношении он обладал высокими способностями замечать задатки, развивать их. Поэтому в войну полк, которым он командовал, имел хорошие показатели, добивался успехов. А он набирал туда не общеизвестных знаменитостей, а ребят, у которых видел бойцовские задатки летчика. Он за командование округом был награжден третьим орденом

Красного Знамени. За то, что его округ уверенно держал первое место, за подготовку, проведение крупных парадов, а ведь это не «па» на паркете, это — сложнейшая задача. Парады не только демонстрировали мощь страны, но эту подготовку к ним можно было применить в реальных боевых действиях.

Е.Г.: При Сталине проводились грандиозные военные парады. С какой целью?

А.С.: Сталин считал это необходимым: военные парады были 1 мая и 7 ноября. Ведь это, собственно, смотр состояния армии. Все парады имели политическое значение, в зависимости от политической обстановки строился и парад. При этом каждый парад имел определенный политический акцент, упор делался на те или иные элементы могущества государства. Идея парада 1941 года — чисто его идея.

Е.Г.: Вы присутствовали на гостевых трибунах во время парадов. Дома в этот день готовились как-то к ним? Одевались, может, специально?

А.С.: Нет. Обычную одежду надевали. Вставали, как обычно, завтракали. Сталин уходил на работу, как и всегда. Он выходил на трибуну со своими людьми, с руководителями, а мы шли отдельно. Когда были маленькие, ходили с моей матерью и Надеждой Сергеевной. Потом её не стало, ходили с моей матерью. Мы всегда чувствовали и знали, что парад — это серьезная государственная работа. После парада Сталин с руководителями приходил, они собирались, говорили о том, как прошло, оценивали. Вообще у него все всегда было по делу и вокруг дела.

Е.Г.: Когда Василий женился, советовался с друзьями, отцом?

А.С.: 15 декабря 1940 года он звонит: «Приходи ко мне, я познакомлю тебя со своей невестой. Я женюсь на Гале Бурдонской» А я не мог: в этот день уезжал в командировку начальником эшелона по развозу призывников, которые по разным причинам осенью во время призыва не выехали к местам службы. Такой эшелон я должен был по западной границе провезти. Я ему ответил, что не смогу. Он сказал: «Как жалко! У меня смотрины, помолвка. И я женюсь». С Галей у них было двое детей. Саша родился 14 октября 1941 года, сейчас народный артист России, режиссер театра Российской Армии, талантливый режиссер, постановщик. В 1943 году родилась дочь Надя. С Галиной он разошелся. Они были совершенно разные люди: разного уровня, диапазона. Он был неуемен, ему не хватало его деятельности. Он был широкой натурой, слишком деятелен, у него было много энергии, желаний.

Е.Г.: *Свадьбу как таковую играл?*

А.С.: Какую-то маленькую — да. Не широкую, не ресторанный, а домашнее застолье. Это был 1940 год, он только лейтенантом стал, тогда и квартиры своей не имел. Полк его стоял в Люберцах, там какое-то жилье было.

Е.Г.: *Как отец относился к его бракам и женам?*

А.С.: Как я понял, сказал: «Поступай, как хочешь». Мы мало в то время общались — служили! Только где-то случайно встречались. Например, приехал я после госпиталя в Куйбышев, где находился отдел кадров артиллерии, получить назначение, а он как раз прилетел туда из Ирана, где был с особым заданием. Василий получал тогда немало специфических заданий как летчик, как командир и как работник авиационной инспекции. Разные задания: не громкие, но тонкие и важные порой.

По-моему, Катя Тимошенко — вторая жена — Сталину нравилась. Но у самого Василия с ней было холодновато. Дочь маршала Тимошенко, Екатерина Семеновна, была женщиной царственной красоты. Но была она холодной в доме, не чувствовалось её гостеприимства, и не создала она теплой, благожелательной атмосферы. Его это угнетало. Он любил, чтобы были товарищи, может, любил больше, чем женщина может это выдержать. Ему были нужны домашняя теплота, уют, чего Екатерина Семеновна — красивая, всегда хорошо одетая, прибранная — создать ему не могла. У них было двое детей, Вася и Светлана. Вася умер в возрасте 23 лет. Светлана ушла из жизни в возрасте около 42 лет.

Встретился он позже с очень интересной женщиной, волевой, сильной физически и морально — чемпионкой СССР по плаванию Капитолиной Георгиевной Васильевой, ставшей его женой. Когда она появилась в доме, надо сказать, её силы воли, уравновешенности хватало, чтобы в доме был покой. Василий был неумен, и она его сдерживала, как могла. Василий после войны особенно почувствовал, что его дни уйдут вместе с его отцом, и у него появилось внутреннее отчаяние, бывали срывы.

Е.Г.: *Говорят, что он бабником был.*

А.С.: Какие-то случаи исключать нельзя. Я не был в курсе всех деталей его личной жизни, но, зная его характер (он не прочь был повеселиться), допускаю какие-то моменты. Его хотят облить грязью, и то, что сейчас слышишь порой — это утрирование. А то и прямая клевета, переврано там многократно. И я как друг считаю своим долгом восстанавливать его доброе имя. Он метался, понимая, что жив, куда жив отец. Над ним маячили Берия, Хрущев,

Маленков и Булганин. Эти люди его на свободе не оставят — он знал это. И в его поведении, видимо, бесшабашность порой проявлялась и таким образом.

Е.Г.: *Пассии не устраивали скандалов женам?*

А.С.: Этого не знаю, но знаю, что Василий флирты не считал делом серьезным и подобные попытки сорвал бы с ходу. Серьезно для него — жена, а остальное — нет.

Е.Г.: *Кроме спорта и летного дела интересовался чем-то? Читал?*

А.С.: Да, он много читал, особенно в детстве. Любил Лавренева, Горького, Шагинян, Пастернака, нравился ему «Разгром» Фадеева за то, что человек не теряет себя, потерпев поражение. Он говорил: «Вот это мужик! Его разгромили, а он сопли не распустил, остался боевым командиром». Любил читать о преодолении человеком обстоятельств, интересовался книгами, в которых описана авиация, действия летчиков. В 1938 году вышли книги Ассена Джорданова «Ваши крылья» и «Полет в облаках». Это очень хорошие книги для первоначального знакомства с авиацией. Василий их буквально вызубривал. Ему очень нравились афоризмы, их было много в книге. Например, «Изменить свое решение на посадке — все равно, что пригласить друзей на свои похороны». Рассказывал о прочитанном, мы обменивались мнениями. Он не увлекался бездумным героизмом и случайным успехом, а любил читать об успехе, которого добились через преодоление, когда обстоятельства против. Это было характерно и для него. Любил читать о конном деле, кавалерии, и всё, что мог схватить интересного об авиации, — читал, продумывал, запоминал.

Е.Г.: *Сам не думал писать?*

А.С.: Такого разговора никогда не было.

Е.Г.: *А театр любил?*

А.С.: Очень любил театр, МХАТ. Это, очевидно, от отца. МХАТ Сталин очень любил, считал образцом. И Василию эти симпатии и предпочтения, видимо, передались.

Набор пластинок у него был дома, классика, оперетты, оперы «Князь Игорь», «Хованщина», «Царская невеста». О «Евгении Онегине» нечего и говорить, это часто слушали.

Е.Г.: *Как застолья проходили? Танцевали?*

А.С.: Танцевали. Но мы ведь в 17 лет были уже в казарме. До этого школа, в 20 лет кончилась казарма, началась война. А после войны на домашних праздниках, днях рождения танцевали. Василий подражал отцу: никаких пустых тостов, а о чём-то конкретное слово. Василий еще любил посмеяться немножко, когда вел застолье, особенно над нерешительностью человека, чтобы не сказать трусостью. Ведь в то время проявлять трусость даже мальчишкам было позором. Василий с детства не терпел слова «боюсь». В играх дети, бывает, говорят: «Боюсь». У Василия этого слова в лексиконе не существовало, оно его выводило из себя. У Василия робости, нерешительности, трусости не было ни в каких ситуациях. Только по отношению к отцу: он боялся огорчить отца, сделать что-то плохо для отца. Хотя случалось это у него неоднократно.

Е.Г.: *Любимые блюда, напитки были у него?*

А.С.: Он любил кавказские блюда. Не потому что это вкусно, а потому что — кавказские. Он всё-таки считал себя грузином, хотя грузинского языка не знал, на грузина не был похож, в Грузии бывал мало, но считал себя грузином. Потому и любил музыку грузинскую, ансамбли, пляски.

Е.Г.: *А сам танцевал грузинские танцы?*

А.С.: Нет, я никогда не видел, во всяком случае.

Е.Г.: *Он был заботливый отец?*

А.С.: Проявлять заботу и внимание у него не всегда получалось. Сначала была война, затем новая жена появилась. Дети от первого брака остались у него — он тут власть употребил. Екатерина Тимошенко к его детям относилась прохладно. Зато когда появилась Капитолина Георгиевна, дети сразу были обласканы. Жить с Василием было очень нелегко, но она находила силы. Она с собой в дом принесла тепло. Он её очень уважал за терпение, за теплоту, которую она создавала в доме.

Детей он, конечно, любил. Пусть по-своему. Он был строг, иногда раздражителен. Его посадили в тюрьму, когда детки были маленькие. Старший, Саша, родился в октябре 1941-го, а Василия посадили в апреле 1953-го. Увидели они его уже в 1961 году, через 8 лет. Его как-то отпускали и снова посадили. Полное беззаконие: он приговорен был с направлением в лагерь, а держали-то его в тюрьме. Лагерь хоть какая-то воля. А тюрьма — клетка, там под контролем полностью, жестче всё. Он — очень деятельный человек, с кипучей энергией, любящий любой труд, и ему особенно было мучительно сидеть в клетке.

Выпустив, сразу сослали в Казань. В Казани поселили на 5-м этаже в доме без лифта. А у него ноги были больные: ранение и сосуды очень плохие. Его после тюрьмы смотрел Александр Николаевич Бакулев и даже заплакал: «Васька, до чего тебя довели».

Е.Г.: *Письма Вам писал?*

А.С.: Нет. Оттуда он писал Хрущеву, Молотову только относительно своего положения. Не писал мне. Думаю, заботясь о возможных адресатах, понимая, что письмо его может быть какой-то компрометацией. Он был человеком весьма благородным, предусмотрительным и осмотрительным, но не по отношению к себе.

Е.Г.: *А почему Василий взял фамилию Сталин? Это псевдоним, а фамилия Джугашвили...*

А.С.: А нет! Это была уже фамилия официальная — Сталин. И Василий при рождении был записан отцом как Сталин.

Е.Г.: *А Света?*

А.С.: Она заменила фамилию после смерти Сталина. Василий не одобрял. Василия вынуждали сменить, но он был непреклонен! Как ему потом замену сделали, даже не знаю. Думаю, в Казани дали паспорт с измененной фамилией. Для него это был удар и оскорбление, потому что он почитал отца более всего на свете! И, конечно, никогда бы не дал своего согласия на изменение фамилии отца. Не потому, что славная, а потому, что это фамилия его отца. Он получил её при рождении, так записал его отец. В этом отношении он был человеком принципиальным, даже жестко принципиальным. И вообще был благородным человеком. И то, что на него сейчас льют грязь, — это недостойная ложь!

Прожил трагическую жизнь, и похоронили его не по-людски. Причина смерти не совсем ясна. Посмотреть на него ни жене, ни дочери толком не дали. Дочь говорила, что на теле заметила какие-то следы. Жена хотела китель поправить, так ее отогнали. И быстренько похоронили в Казани. Слава Богу, перезахоронили в 2004 году на Троекуровском кладбище в Москве. Но даже не под своей фамилией, которую носил отродясь — Сталин, а под прошлой фамилией отца — Джугашвили.

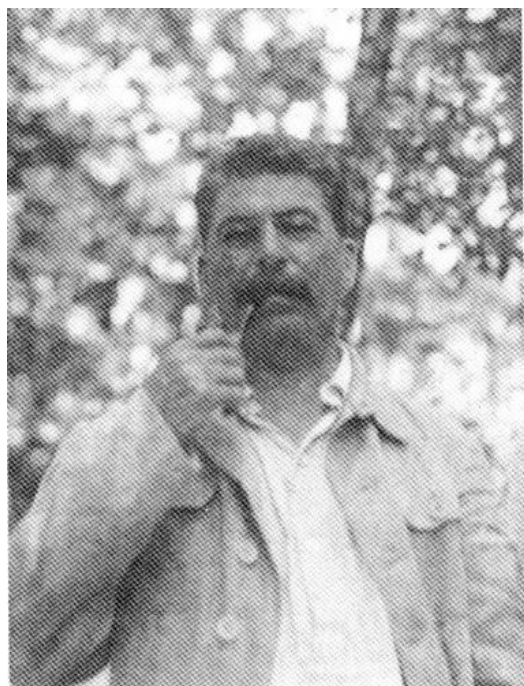
Генерал Артем Сергеев. 1959 г.

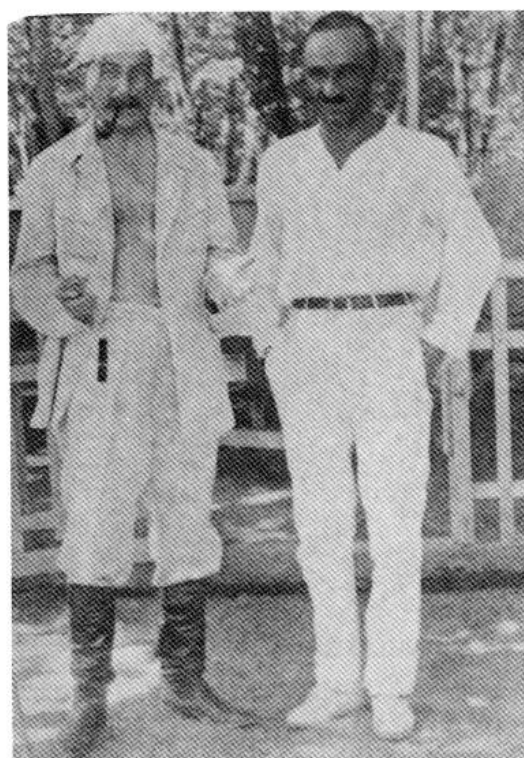
Е.Д. Ворошилова, К.Е. Ворошилов, И.В. Сталин.
1929 г.

К.Е. Ворошилов, И.В. Сталин, Ф.А. Сергеев (Артем).
Москва. 1920 г.

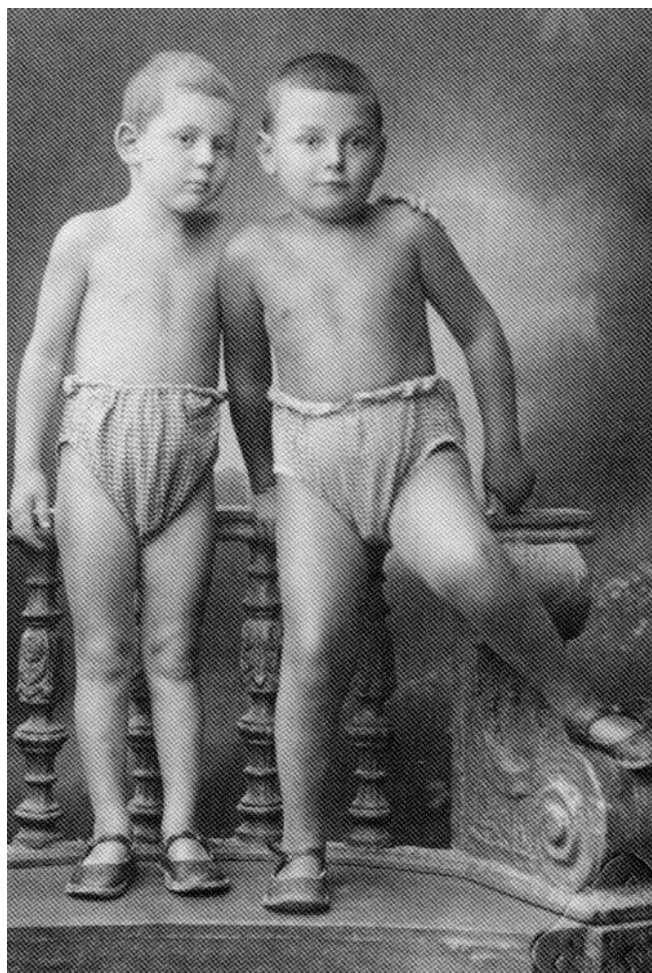
И.В. Сталин. 1933 г.

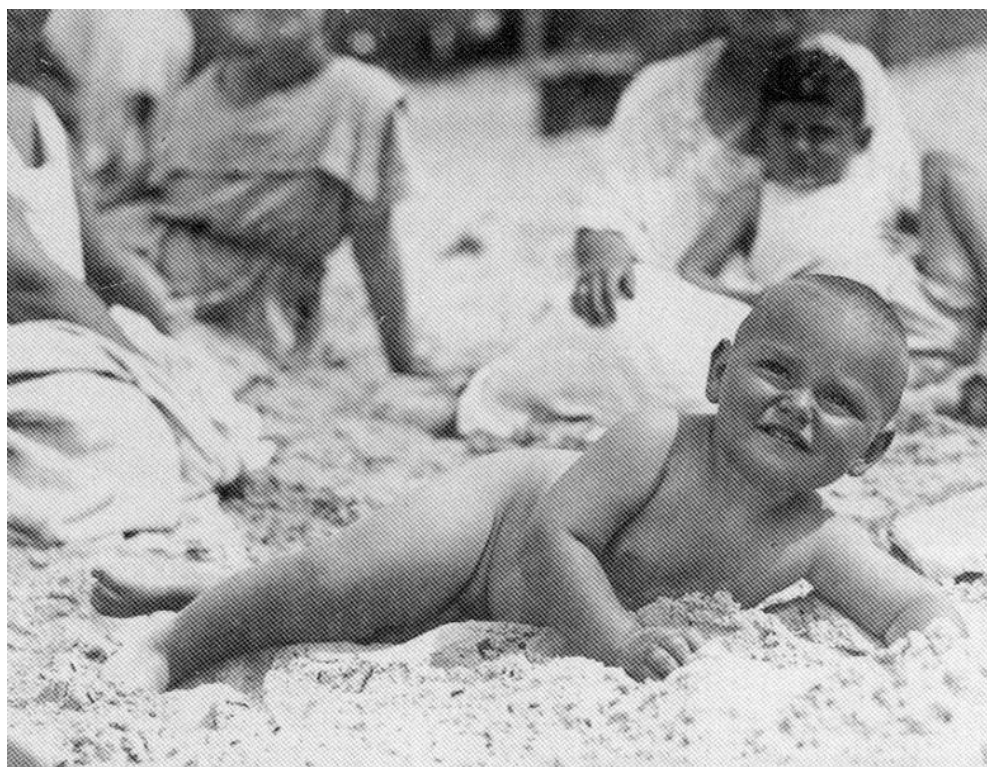
И.В. Сталин, А.И. Микоян.
Сочи. Начало 1930-х гг.

И.В. Сталин, М.И. Калинин, Л.М. Каганович, Е.М. Ярославский,
Г.К. Орджоникидзе на трибуне Мавзолея

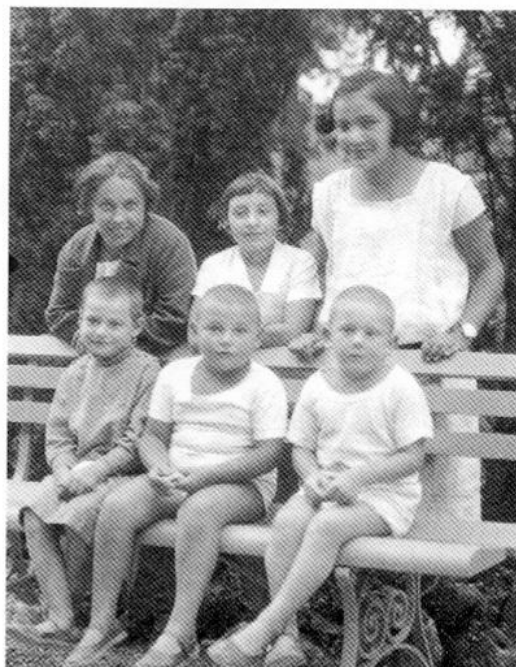
Вася Сталин и Артем
Сергеев. 1926 г.

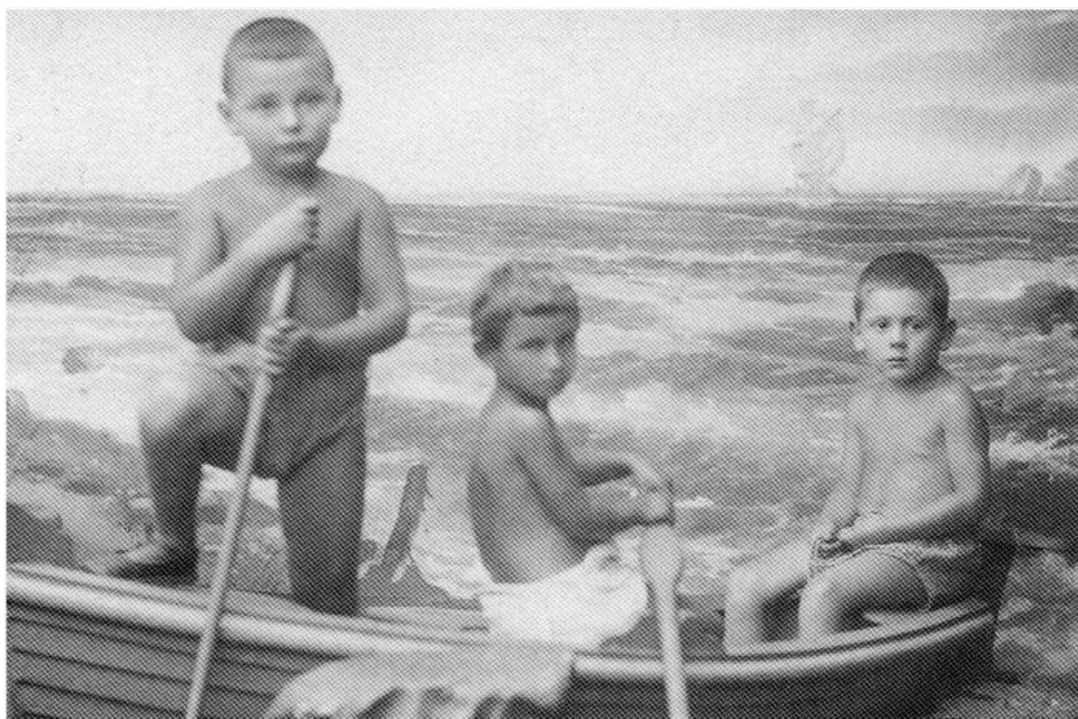
Артем Сергеев. 1922 г.

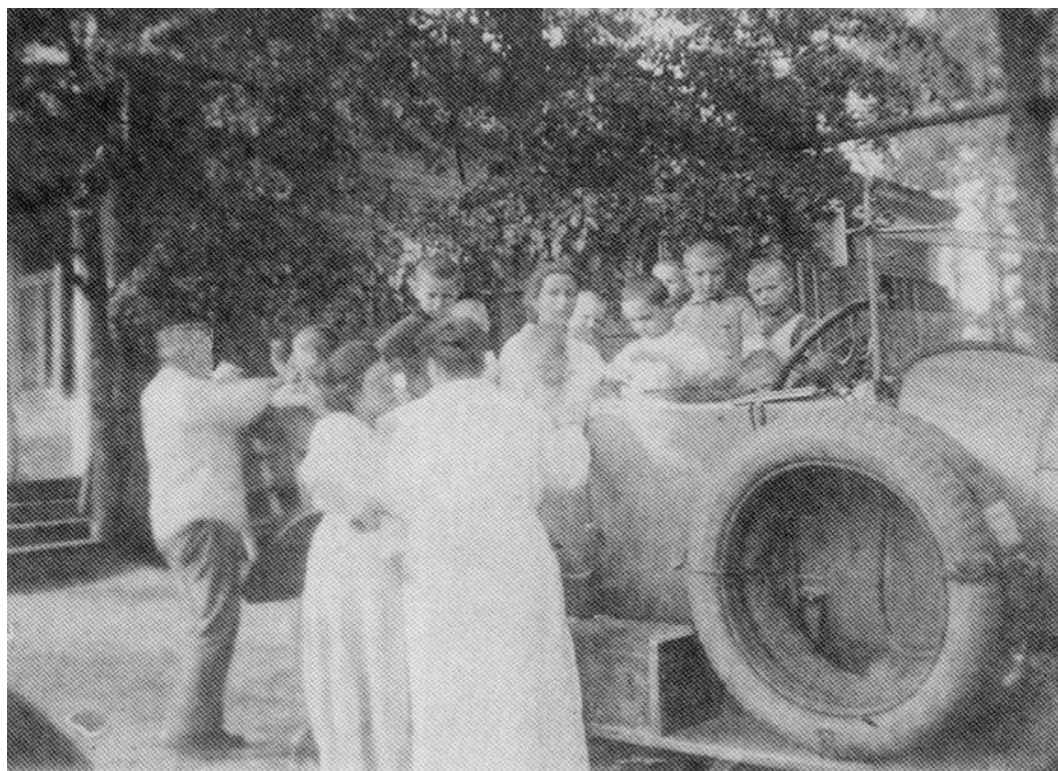
Вася Сталин,
Арте́м Серге́ев.
Лето 1925 г.

На скамейке в центре — Арте́м Серге́ев, справа — Вася Сталин.
Крым. Мухалатка. Июль 1926 г.

Слева — Арте́м Серге́ев, справа — Вася Сталин.
Крым. Ялта. 1926 г.

Елизавета Львовна Сергеева, Анна Альбухина с детьми
из детского дома в деревне Дунино. Лето 1926 г.

Вася Сталин. 1929 г.

Вася Сталин.
Дача Зубалово. 1930 г.

Шестой слева Артем Сергеев, седьмая — Таня Фрунзе,
восьмой — Вася Сталин. Детский дом. Москва,
ул. Малая Никитская, 6. 1926 г.

Василий и Светлана Сталины. Дача Зубалово.

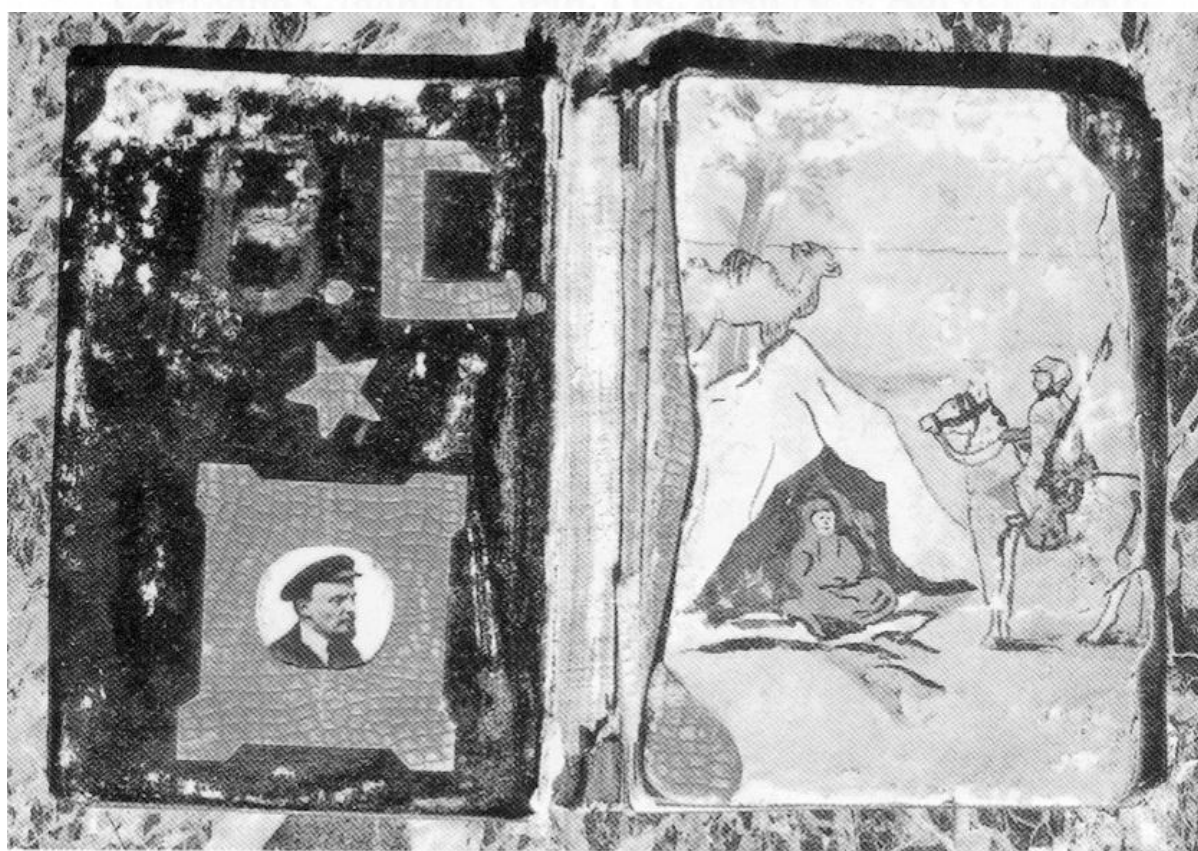
Слева направо: Петя Лавреев, Митя Карташов, четвертый — Вания Лавреев, пятый — Миша Лавреев, шестой — Артем Сергеев, Александра Лавреева, местная жительница. Деревня Усово Московской обл. 1932 г.

Артем Сергеев.
Гостиница
«Националь».
Номер 415.
Балкон.
1930 г.

Морской камешек — подарок Василия Сталина Артему Сергееву. Сочи. 1933 г.

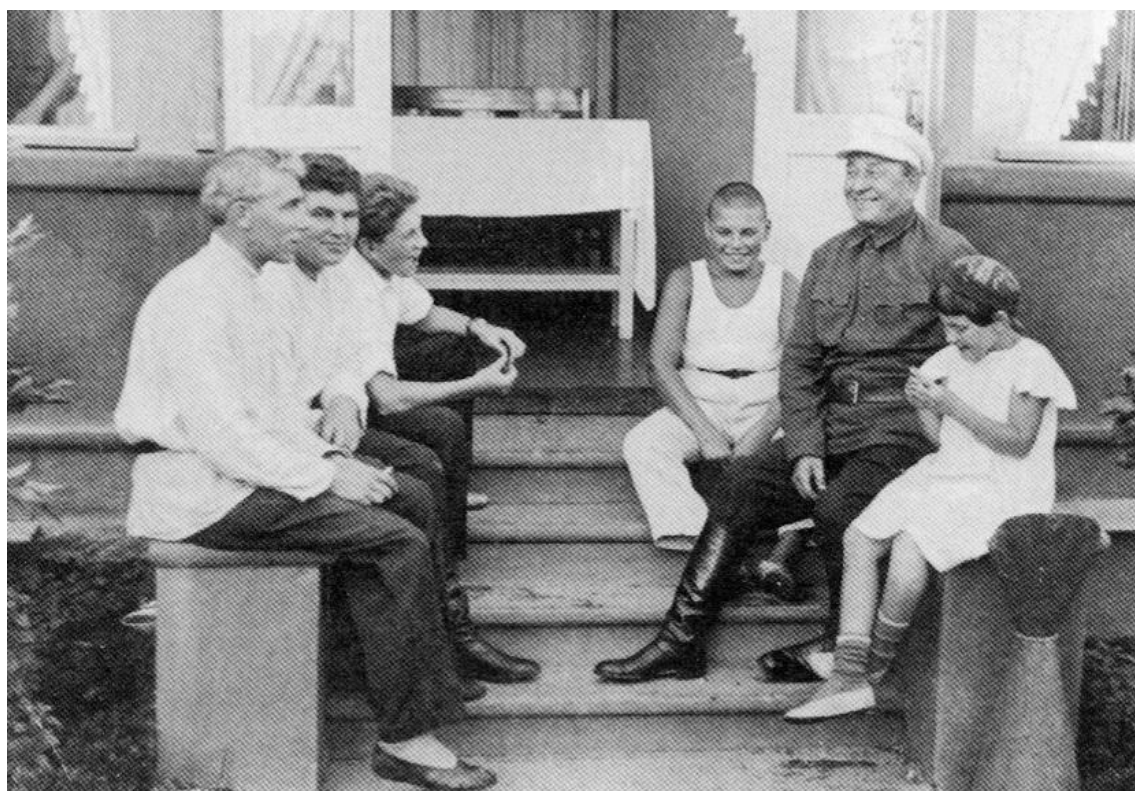
Самодельный блокнот — подарок Василия Сталина Артему Сергееву. 1932 г.

Вася Сталин, Николай Иванович Соловьев — водитель
И.В. Сталина, Светлана Сталина. Сочи. 1934 г.

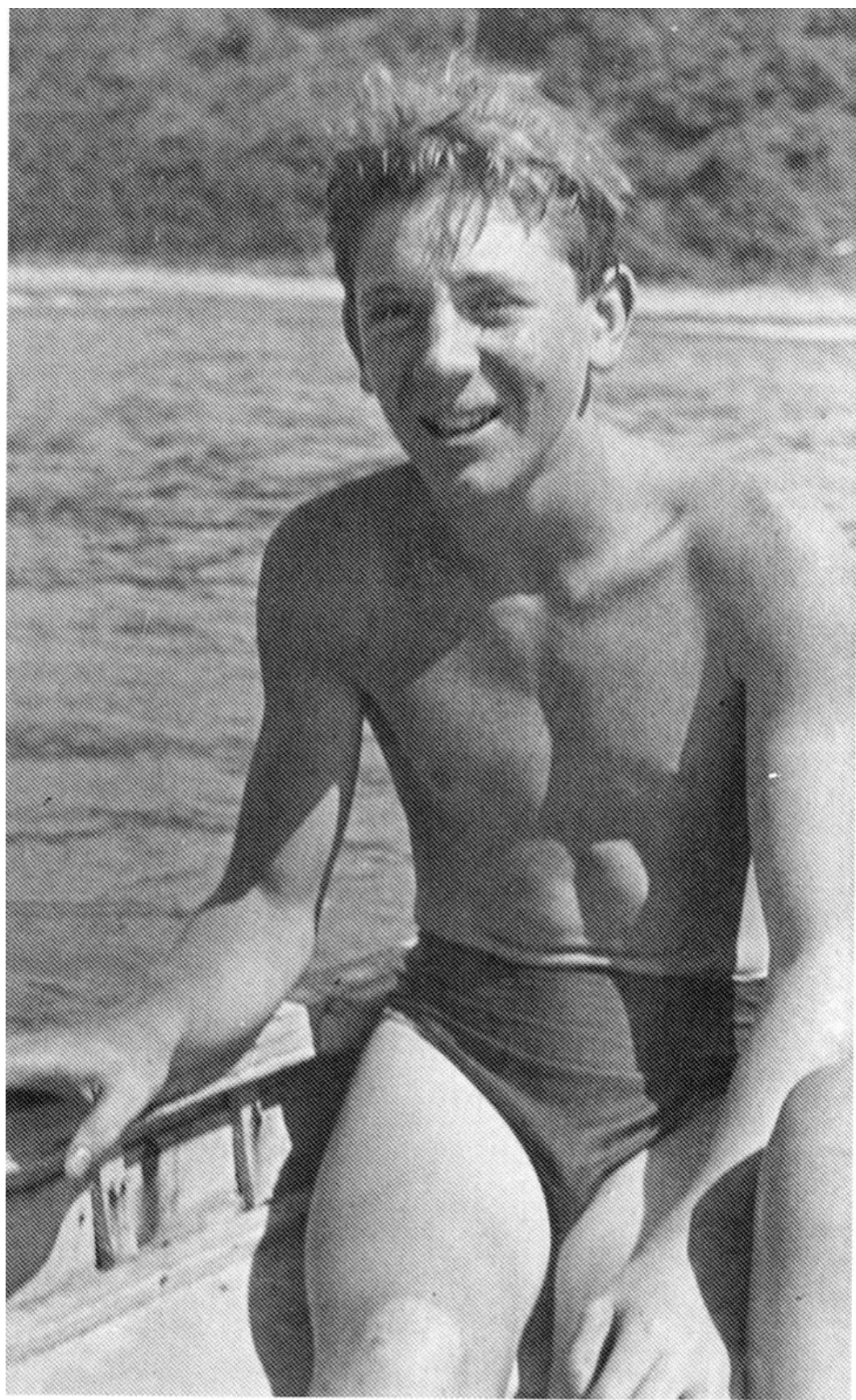
Морской камешек — подарок Василия Сталина
Артему Сергееву. 1933 г.

Слева направо: С.Ф. Чечулин — сотрудник секретариата, В. Румянцев — сотрудник охраны, Василий Сталин, Артем Сергеев, Н.И. Соловьев — водитель И.В. Сталина, Светлана Сталина. Сочи. Гос. дача № 9. Август 1934 г.

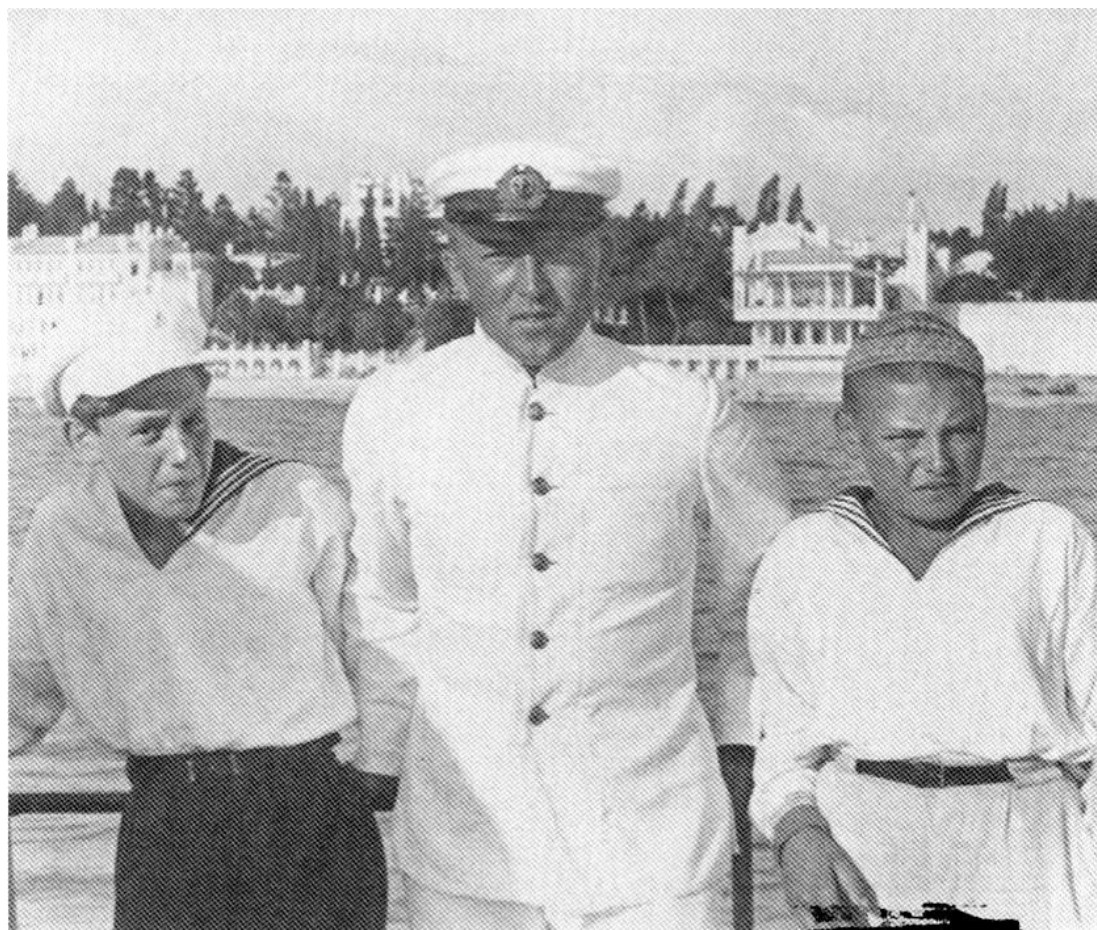
Складной патефон — подарок И.В. Сталина Артему Сергееву на день рождения 5 марта 1933 г.

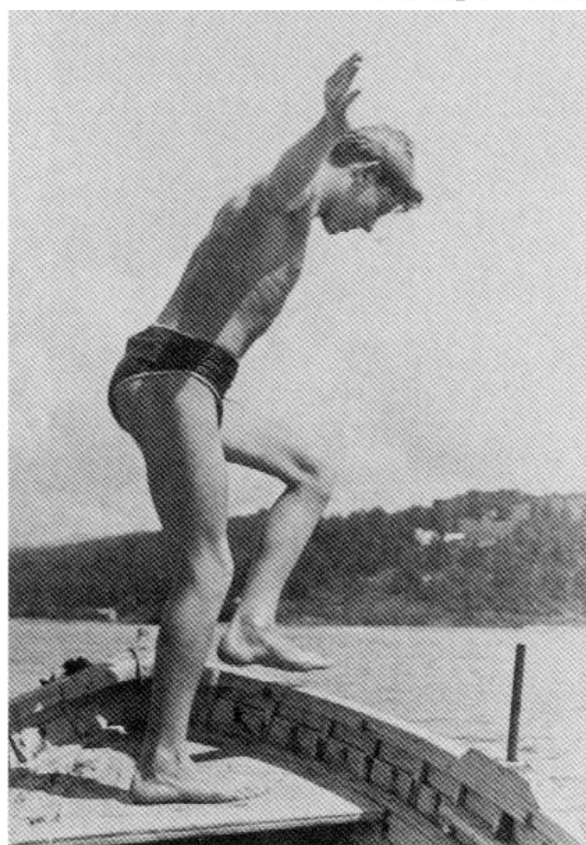
Василий Сталин. Сочи. 1934 г.

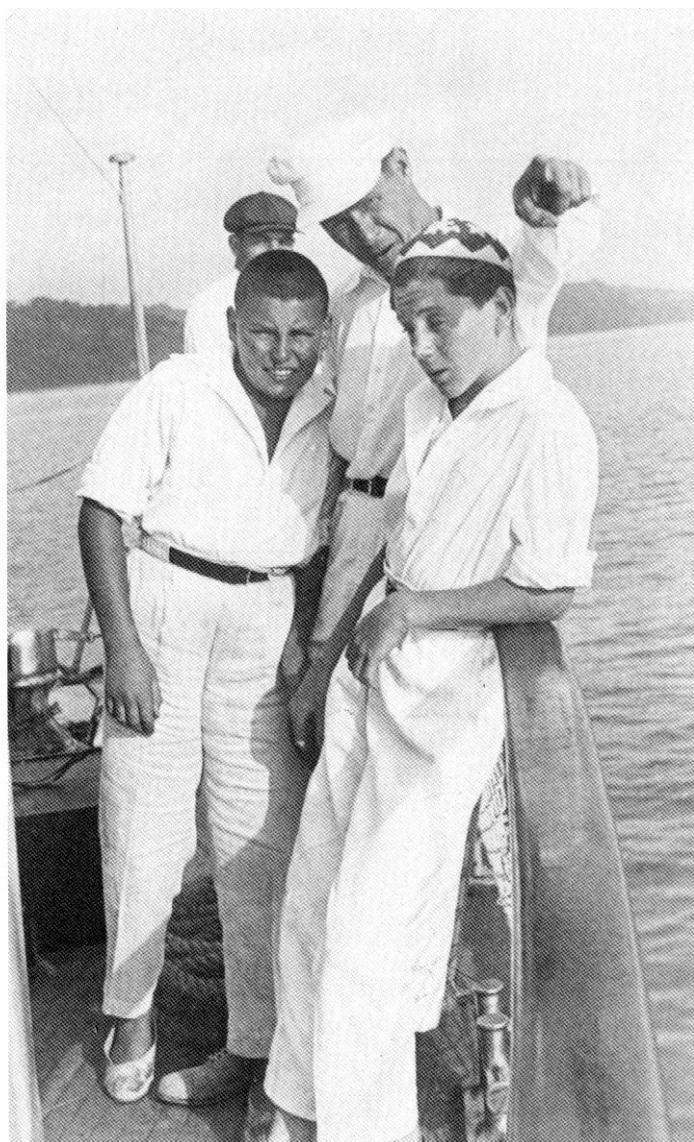
Артем Сергеев. Сочи. Гос. дача № 9. Август 1934 г.

Василий Сталин, Артем Сергеев на борту пограничного катера. Сочи. 1934 г.

Василий Сталин.
Сочи. 1934 г.

Артем Сергеев, Василий Сталин на борту пограничного катера. Сочи. 1934 г.

Василий Сталин.
17 сентября 1935 г.

Светлана Сталина, И.В. Сталин, Ольга Климович — племянница жены С.М. Буденного, С.М. Буденный, Василий Сталин, Артем Сергеев. Сочи. Гос. дача № 9. Август 1934 г.

Светлана Сталина. 1937 г.
Внизу видна подпись И.В. Сталина

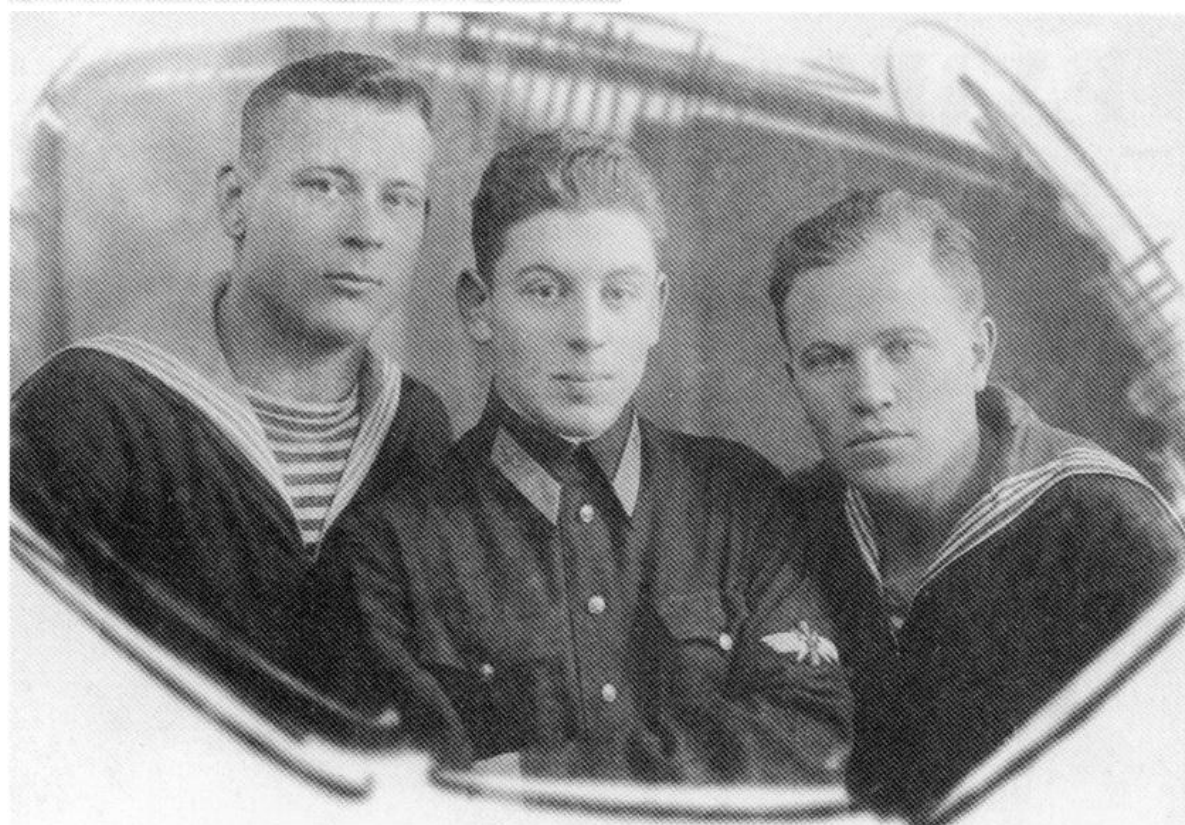
Мария Ивановна
Лозовоцкая.
Жуковка.
Сентябрь 1938 г.

Иван Денисов, сын
кучера-экспедитора
совхоза «Горки II»,
служил в полку
Василия Сталина в
звании младший
лейтенант.
Жуковка. 1938 г.

На память
 «Молодой комсомолец»
 Артему с/д Вани.
 Р.З. 1939 г.
 Живь я не конкуренту
 В.К.М. гор. Севастополь.
 с моряками
 курсера
 «Красный Новок»
 Юрием Врик
 и Еремеев.

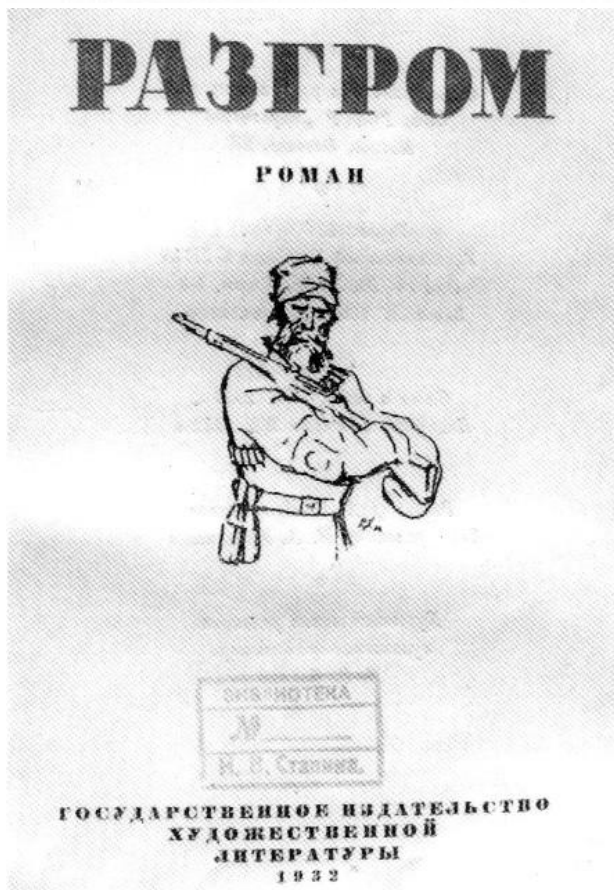
Подпись к фотогра-
 фии (приведенной
 выше), подаренной
 Артему Сергееву
 Василием Сталиным.
 1939 г.

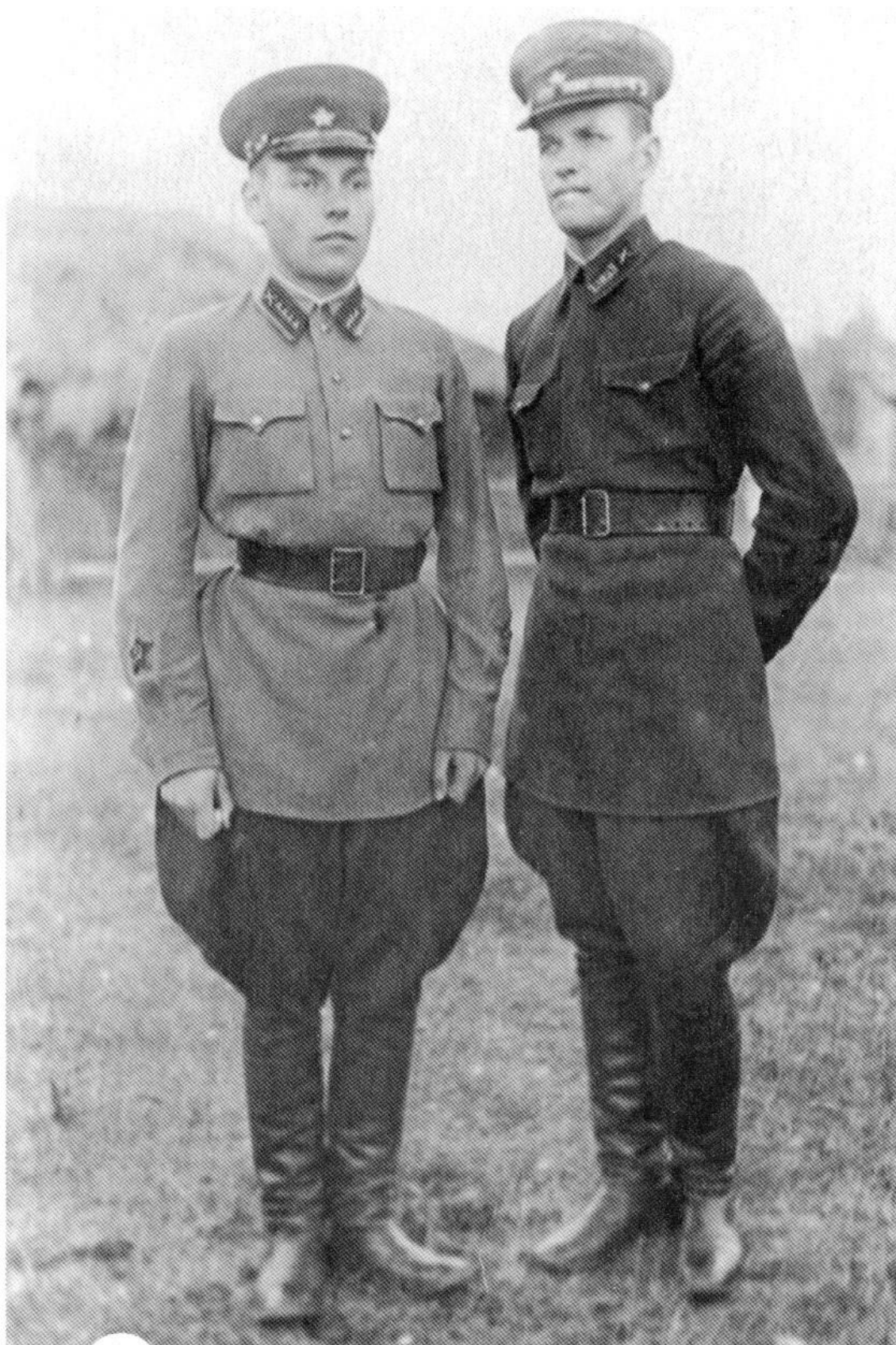
Курсант Качинской школы летчиков Василий Сталин (в центре)
 на комсомольской конференции с моряками.
 Севастополь. 1939 г.

Курсанты 2-го Ленинградского артиллерийского училища.
Слева командир взвода ст. лейт. Виктор Кузьмин, справа
курсант Артем Сергеев. Ленинград. Октябрь 1938 г.

Книга из
библиотеки
И.В. Сталина

Старшина Артем Сергеев, курсант Константин Боровов
(погиб на Юго-Западном фронте под г. Тернополем в 1941 г.).
Деревня Жуковка Московской обл. Сентябрь 1939 г.

Старшина Артем Сергеев.
1939 г.

Лейтенанты 1-й мотострелковой дивизии Рубен Руис Ибаррури,
Артём Сергеев. Октябрь 1941 г.

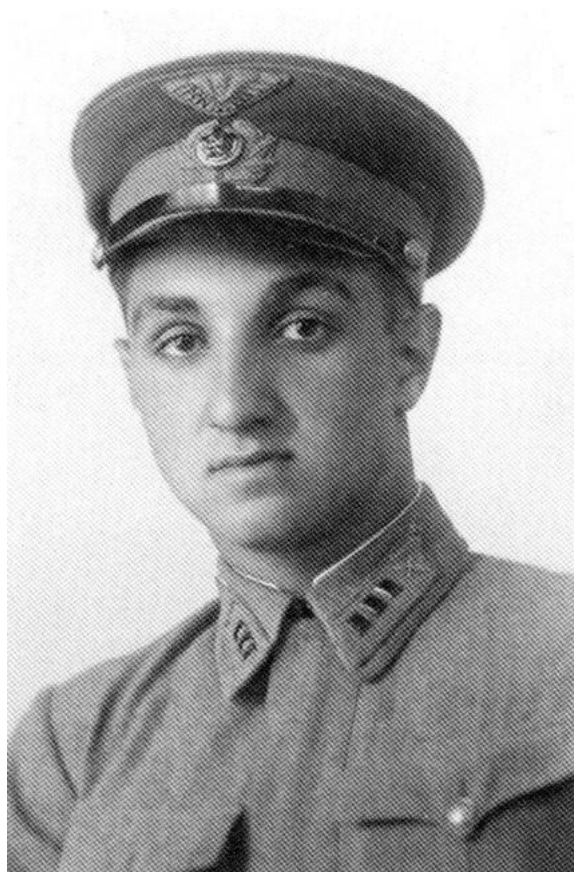
Капитан Артем Сергеев в день вручения ордена
Красного Знамени 18 сентября 1942 г.

Василий Сталин.
1942 г.

Майор Добрунов Тихон Михайлович (погиб в 1943 г.),
подполковник Чекалов Василий Иванович (скончался
в госпитале в 1944 г.), капитан Артем Сергеев.
Март 1943 г. Северо-Западный фронт.

Старший лейтенант Володя
Микоян. Лето 1942 г. Погиб
в воздушном бою в районе
Сталинграда 18 сентября
1942 г. Ему было 18 лет.

Командир 211-го гвардейского артиллерийского полка майор Артем Сергеев. Северо-Западный фронт. Июнь 1943 г.

Старший сержант Иван Сазонов, капитан Артем Сергеев, красноармеец Евгений Ганнушкин. Северо-Западный фронт. Около села Рамушево. Апрель 1943 г.

Майор Артем Сергеев, командир 211-го гвардейского артиллерийского полка. Западный фронт. Август 1943 г.

Подполковник Артем
Сергеев, командир 211-го
гвардейского артилле-
рийского полка. Под Смо-
ленском. Октябрь 1943 г.

Майор Артем Сергеев. Северо-Западный фронт.
Апрель 1943 г.

Генерал-майор авиации Василий Сталин. 1948 г.

Подполковник А. Сергеев,
командир 554-го артилле-
рийского полка. Белору-
сский фронт. Январь 1944 г.

В.М. Молотов, В.И. Тевосян, А.Ф. Сергеев.
Дача. Жуковка. 1975 г.

Полковник Артем Сергеев с матерью Елизаветой Львовной.
1954 г.

Серия публикаций о Сталине в кругу семьи вызвала большой интерес у читателей. Артем Федорович и сам с энтузиазмом подошел к этой работе, в конце каждой встречи предлагал увидеться вновь и осветить в нашей беседе ту или иную тему, затронуть ту или иную сторону жизни в семье Сталиных.

К сожалению, в самый разгар работы безвременно ушла из жизни жена Артема Федоровича Елена Юрьевна Сергеева, которая была нашим бесценным незаменимым помощником при подготовке публикаций.

Подготовив к печати данную книгу, мы решили продолжить серию бесед.

Артем Сергеев, Екатерина Глушик
БЕСЕДЫ О СТАЛИНЕ

Художник *И. Горюнов*

Редактор *С. Ростунова*

Технический редактор *Е. Митрофанова*

ISBN 5-89747-067-7

КРЫМСКИЙ МОСТ-9Д,
ООО «НТЦ «ФОРУМ»

Подписано в печать 21.08.2006. Формат 84х108 1/32
. Объем 6 п. л. Печать офсетная. Бумага офсетная.

Тираж 5000 экз. Заказ № 3-805

Отпечатано в типографии ОАО ПИК «Идел-Пресс» в полном
соответствии с качеством предоставленных диапозитивов.
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

Артем Федорович
Сергеев — генерал-
майор артиллерии в от-
ставке, родился 5 марта
1921 года в семье Сер-
геева Федора Андрееви-
ча (подпольная кличка
«Артем») и Сергеевой
Елизаветы Львовны.
После трагической ги-

бели отца Артема воспитывал в своей семье его
друг и соратник Иосиф Виссарионович Сталин.

Воспоминания А. Ф. Сергеева поистине бесцен-
ны: он обладает уникальной памятью и может
восстановить практически с документальной
точностью события любой давности, свидетелем
которых был. В этой книге идет разговор о
Сталине в кругу семьи: как воспитывали детей,
как трудились, как принимали гостей.

Сергеев А.Ф. — участник Великой Отечествен-
ной войны.

Глушик Екатерина Федоровна — автор серии
публикаций и книг рассказов.